

АВТОНОМ

№34, декабрь 2012

- » Несостоявшийся Египет
- » Бешенство «ВКонтакте»
- » Нанозволюционеры
- » Треческие псы
- » Панк-хардкор-отшельники
- » Казахский спектакль
- » 10 лет «Автономному действию»
- » Режим номенклатуры
- » Анархическая демография

Содержание

Итоги «нанореволюции»	3
Дикие дети	10
Казахстан как полигон интегрированного спектакля	14
Украинская версия периферийного капитализма	20
Когда, как и зачем голодать	23
Анархисты в Афинах	27
Неслучившаяся египетская революция	31
Манифест #Оккупай	35
Черный крест	36
Трактат о духовности	40
Емкие фразы	41
Экстремизм после Путина	43
Экономическая теория анархизма	44
Был ли госкапитализм в СССР?	49
Демографический кризис: миф или реальность?	53
Повстанческий анархизм	57
Движение в фотографиях	62
Отомстить работодателю	76
Все свободны	77
Фримаркеты	80
Ультра.Культура 2.0	81
Vegan club	85
Автономные бургеры	86
10 лет «Автономному действию»	91
Музыка колес	95
La Vida Cuesta Libertades	98
Джон Леннон	99
Джордж Табб	104
Crucifucks	110
Книжная полка	116
Пауэрлифтинг	118

*Наши аккаунты
в соцсетях:*

fb.com/AutonomousAction
vk.com/club4747366
gp.us.to/avtonom
libsoc.livejournal.com
twitter.com/avtonom_org

Что это было?

(к итогам «снежной (нано)революции»)

События в современном мире происходят стремительно, а наш журнал выходит неторопливо. За время, прошедшее с выхода прошлого номера «Автонома», протесты в России декабря 2011 — марта 2012, которые одни именуют гордо «снежной революцией», а другие злобно — «неудавшейся попыткой оранжевого майдана», успели начаться и закончиться. Можно «остановиться, оглянуться» (как в известном стихотворении) и поразмыслить на тему: а что же это было и что будет дальше?

ДВА МИФА

Как всегда бывает даже с нанореволюциями, начавшиеся события никто не предвидел заранее. Когда же они начались, все тут же придумали им множество объяснений и сказали, что они были неизбежны и вполне предсказуемы. Однако первые две-три недели власти были в параличе от испуга и неожиданности, а ново-явленная оппозиция была в самодовольной эйфории от самой себя и от того, «как здорово, что все мы здесь сегодня собрались». Тотчас начали создаваться мифы о сути происходящего, один другого величественнее.

Охранительный миф, давно заготовленный на этот случай специально обученными «нашими», и их корыстными и бескорыстными трибунами, вроде Леонтьева, Проханова и Кургиняна: «оранжевая чума» вышла на улицы столицы, чтобы раскачать лодку стабильности и пошатнуть священные основы Державы. За орущими на площадях бездельниками и идиотами в норковых шубах стоят агенты Госдепа, «ураганившие» в девяностые, ограбившие народ и развалившие великую Империю. Они жаждут утопить Россию в крови, сломать вертикаль власти и передать Россию Америке. Пусть не все у нас хорошо, но, во-первых, будет еще лучше, а, во-вторых, мы никому не отдадим наших завоеваний, не поступимся нашей самобытной духовностью, самобытной стабильностью и самобытной нефтью. Патриотам, провинции, бюджетникам, рабочему классу в ватниках надо сплотиться вокруг безальтернативного режима

и дать отпор проходимцам — на выборах, а если нужно, то и на улицах. Тысячи россиян, повинувшись велению сердца, (а вовсе не начальству, как вы подумали), как один, устремились на Поклонную, Манеж и в Лужники — засвидетельствовать свою любовь к Родине и ненависть к ее супостатам. Для вящей убедительности общественности предъявили даже танк от рабочих с Уралвагонзавода (впрочем, хватило и простого ОМОНа). Держава устояла, Россия была спасена, враг не прошел к Москве. (Хотя точнее было бы сказать, он не вырвался за ее пределы на просторы все еще обширной Родины.) Так было, так есть, и так будет всегда, — еще шесть лет. Четвертого марта вечером, внимая своей любимой группе «Любэ» и озирая тысячи вяло ликующих на Манеже, Национальный Лидер плакал от счастья. (А я думал, чекисты не плачут. Или их и этому учат?).

Оппозиционный миф гласил, что вольнолюбивые россияне из креативного «среднего класса» и наконец-то сформировавшейся буржуазии возжаждали политических свобод и гражданского общества, полюбили честные выборы и невзлюбили «партию жуликов и воров». Поднявшись на борьбу с коррупцией и депотизмом, они вышли из интернета на улицы Москвы. Однако, мудро и прозорливо опасаясь революции больше, чем даже реакции, «лучшие люди России» своими регулярными выходами на площадь на митинги, согласованные с властями, своими остроумно-креативными плакатами, прикольными флэш-мобами и своими ежемесячно повторяемыми резолюциями во славу честных выборов решили напугать и разжалобить антинародный режим «жуликов и воров» и побудить его внутренне преобразиться. В едином порыве, забыв о былой вражде, под лозунгами конструктивного протеста сплотились правые и левые граждане от Удальцова до Тора, ведомые духовной элитой страны, к которой поспешили присоединиться гламурно-медийные деятели и дельцы от Парфенова и Прохорова до Кудрина и Ксюши Собчак. Протест носил,

несомненно, беспримерно героический характер (перефразировав слова бургомистра из фильма «Тот самый Мюнхгаузен», может, выходит два раза в месяц на разрешенные демонстрации, это и не совсем подвиг, но что-то героическое в этом есть!), но протекал сугубо в рамках, разрешенных режимом. Режим сначала было изумился и устрасился, но потом показал-таки свой звериный чекистский оскал и, опираясь на «тупое быдло» из провинции, натравленное на «лучших людей страны», как-то сумел устоять и переизбраться на новый срок. Бессовестные прислужники Чурова не побоялись даже бдительного и строгого коллективного ока тысяч наблюдателей, направленных на выборные участки гражданским обществом и пристально и укоризненно, но бессильно взиравших на творимые там безобразия. Однако протесты — то есть санкционированные митинги и монотонно-однообразные резолюции — продолжатся до тех пор, пока Путин не осознает окончательно свою нелегитимность и антинародность и не оставит Кремль лучшим людям России в качестве заслуженного трофея.

Если первый, официально-охранительный миф, бесконечно демонизирует протестное движение (приписывая ему кровожадность и деструктивность), то второй миф — оппозиционный — чрезвычайно возвеличивает его (приписывая ему величие и благородство, выдавая трусость, пассивность и благонамеренность за мудрость, и преувеличивая его масштабы и значение). Если в глазах охранителей оппозиционеры с Болотной выглядят едва ли не кучкой заговорщиков, шпионов и злодеев, то в глазах вождей протеста с ними если не вся Россия, то уж точно, все что в ней есть хорошего, героического и светлого.

АНАТОМИЯ ПРОТЕСТА

Конечно, за десятками тысяч людей, вдруг ощутивших себя гражда-

нами, не стоят западные спецслужбы. Но, думаю, и желание «честных выборов» — вовсе не основной движущий мотив протестующих. Ведь нечестными выборы были всегда — и ничего, всех это устраивало. Марши несогласных и акции «Стратегии-31» собирали лишь сотни участников, политика была не в моде. Куда важнее мотивация, стоящая за одним из лозунгов Болотной: «Я голосовал не за этих сволочей, я голосовал за других сволочей!» Нечестность выборов стала не более чем поводом к началу выступлений, а призыв «За честные выборы!» — не более чем первоначальным и недолговечным общим кличем, под которым соединились весьма разные силы. Среди истинных причин зимнего взрыва протестов: и откровенная наглость демонстративной рокировки нашего тандема, и заразительность воодушевляющего примера арабских революций, и объединяющая роль интернета, и желание плюнуть в лицо опостылевшему за двенадцать лет режиму, и опыт многочисленных локальных инициатив протеста последних лет (от «синих ведерок» до движения в защиту Химкинского леса и борцов против ЕГЭ). Различные протестные группы вдруг обрели политическое измерение, соединились и вышли на улицу.

Собственно, все, что дал этот протест — это ощущение, что «мы — против», «нас много», «мы — не вечные бессильные жертвы и жалкие маргиналы, но творцы истории», и «заниматься политической борьбой — весело и небесмысленно». Это открытие ошеломило как самих демонстрантов, так и обитателей Кремля, и несколько изменило всю, казавшуюся раньше депрессивно-безнадежной, атмосферу в обществе. В общественную жизнь пришли и взглянули друг на друга тысячи новых людей (без опыта общественной активности, без необходимого понимания — что делать, без готовности всерьез рисковать чем-то, воспринимающих политику через призму неоправданных надежд и розовых иллюзий). Им казалось, что победа близка, что протесты — это такая игра, такой праздник: напишешь веселый плакат, выйдешь на улицу ну два, ну три раза — и Россия преобразится. Они не видели, что борьба будет трудной и долгой, что власть не уйдет без боя, что их вожди — продажны, робки и своекорыстны, и что Россия за пределами двух столиц молчит и оторопело смотрит на происходящее. В этих иллюзиях и

неопытности был их энтузиазм, источник силы, но и источник слабости и неудач. Нанореволюция этих месяцев напомнила мне — в миниатюрных масштабах времени и пространства — Перестройку: с ее преувеличенно-праздничными наивными ожиданиями, эйфорией и горькими разочарованиями, с ее изначальной пестрой эклектикой разноречивых борцов с диктатурой КПСС, осознающих, что «так жить нельзя», но не знающих — как жить надо, дифференцирующихся в процессе борьбы, с ее манипуляциями, вождизмом и робостью. Правда, Путин — не Горбачев, что обнаружилось очень скоро.

Основатель политологии Н. Макиавелли мудро отмечал, что для сохранения власти правителю и его режиму надо опираться на страх и любовь подданных и, напротив, презрение и ненависть по отношению к нему — залог краха режима. Это с огромной силой проявилось в декабре-марте, когда слово «нелигитимность» стало ключевым. И дело, конечно, не в юридической казуистике и даже не в арифметике настоящих или фальсифицированных голосов, до которой, по-моему оппозиции было почти так же мало дела, как и Кремлю. Выборы, голосование, наблюдение, подсчеты, фальсификации стали лишь поводом и средством для выражения чего-то более фундаментального. Ситуация поистине патовая: при том, что оппозиция была нерешительной, не очень многочисленной, робкой, пестрой и слабой, готовой играть по правилам шулера-оппонента, оказалось, что пресловутая путинская «вертикаль» — тоже слаба, ничтожна, труслива, презираема и... смешна. Еще вчера Дракон казался одним Почтенным Отцом Нации, а другим — Кровавым и Жутким Тираном. Одни трепетали перед ним, другие злобно перешептывались в интернете. Все, формально воюющие против него Ланселоты, отбирались и утверждались самим же Драконом и играли в поддавки — за право оставаться на шутовском поле ристалища. И вдруг оказалось, что наш Удав Ка (как он сам себя неосторожно позиционировал) — и в самом деле лишь раздувшийся от безнаказанности «земляной червяк», бессильно взирающий на кучку наряженных протестантов. У режима нет ни силы, ни авторитета; он — средоточие гниения, коррупции и разложения. Вся его мощь — обман и фикция и инерция общества. В Феврале 17-го и в Августе 91-го вдруг обнаруживалось, что у подоб-

ных жутких самовластных режимов почти нет искренних и бескорыстных сторонников. По адресу Путина в эти месяцы не насмехался только ленивый. То, что вчера было опасной крамоллой и диссидентством, сегодня стало общей модой. Революционность из маргинальной стала гламурной. (Вспоминается светская дама, демонстративно винтящаяся 6 декабря на Триумфальной с радостным визгом: «Снимайте меня, я — Божена», и потом старательно и почти не фальшиво поющая «Вихри враждебные» в автозаке). Главным — и смертельным врагом Державы (и тех, кто ее персонифицирует) — оказалась, как обычно, она сама. (А не Госдеп и не коварные «оранжевые»). Этот опыт моральной дискредитации Власти не исчезнет, как и глоток свободы, полученный обществом — вместе с крахом «снежной нанореволюции».

Системная и неразрешимая (хотя и не главная) проблема режима в России, ставшая спусковым механизмом и поводом ко всей заварухе — в его принципиальной шизофрении и двойственности. Самодержавная по сути Система (с вертикалью власти, культом стабильности, сакрализацией персонифицированного и незаменимого «государя-батюшки», патернализмом, монополизмом, конспирологией и комплексом осажденной врагами крепости) сочетается причудливым образом с республиканско-демократической формой (скромные завоевания Февраля 17 и Августа 91, которых не может отнять никакая путинская реакция): необходимость периодических перевыборов, конкуренция политических сил и вождей. Совсем отказаться от этих парламентско-партийных побрякушек Система не может: неудобно перед «цивилизованным Западом». Однако здесь содержится системное противоречие, чреватое нестабильностью. Конечно, в последние годы имело место нарастание имитационности «суверенной демократии» а-ля Русс: тотальная зачистка политического поля, фальсификация выборов, маргинализация протестов, точечные репрессии против внесистемной оппозиции, декоративность полномочий Думы и расширение (и без того монархических) полномочий и сроков власти Президента, нерегистрация «неправильных» партий, отмена выборов губернаторов, консолидация чиновников вокруг профсоюза допущенных к кормушке и кормилу, именуемого «Единой Россией». Однако проблемы нака-

пливались, недовольство ситуацией в части общества росло, клапанов для выпуска пара — в виде партийной борьбы и выборов (как на Западе) не было. И вот, пожалуйста, результат! Выборы и борьба вокруг фальсификаций на них стали поводом для взрыва, лозунг «честных выборов» — внешним выражением глубокого возмущения многих людей тем, что творится в России. *Не умея формулировать свой подлинный протест на своем языке, плохо осознавая свои мотивы и лишь желая сказать: «мы хотим перемен», протестующие полностью приняли официальный язык и дискурс Власти и заявили: «мы действуем в рамках закона, не хотим революций, но желаем честных выборов и будем наблюдать за их прозрачностью. То, что раньше было фикцией, теперь должно стать настоящим состязанием». Власть сначала опешила от удивления, а затем приняла бой на своем поле и по своим правилам. Все это обусловило специфические формы и масштабы нашей «нанореволюции», по сути своей выходящей за рамки избирательных игр, но по форме совпавшей с ними, зациклившейся на них и... ушедшей в них, как вода в песок.*

БЛЕСК И НИЩЕТА ПРОТЕСТНОГО ДВИЖЕНИЯ

Недолго музыка играла! Схлынули восторги первых недель борьбы, стало привычным ощущение, что, оказывается, «в России все-таки есть общество», что «ходить на митинги прикольно», что «нас много», и мы «лучшие люди страны» (что охотно подтвердил и путинский идеолог Сурков). И оказалось, что протестная волна спадает, обнаруживает свои изъяны и недостатки. Назову лишь некоторые, главные.

Во-первых, масштабы протестов. Дело не только в том, что Путину удалось пригнать на свои «путинги» больше народа, чем оппозиции. Понятно, что административная система в стране еще работает и исправно выдает на гора как миллионы липовых голосов на выборах, так и сотни тысяч лояльных демонстрантов. Важнее другое. Массовые акции протеста, в основном, затронули только Москву и Питер. Если Путин уже не может называть себя Вождем Всех Россиян, то и оппозиция не может говорить, что на ее стороне все общество. В действительности, в пяти-шести столичных митингах участвовало в целом не более полутора сотен тысяч чело-

век (что, конечно, больше, чем было раньше, но далеко не дотягивает даже до полумиллионных митингов в Москве 1990-1991 годов). И дело, конечно, не в «отсталости» провинции, как утверждают многие вожди оппозиции. Просто неопытность и незрелость оппозиционеров, а также самодовольство, трусость, самовосхваление и бесплодие лидеров протестов (все эти речи о «мудром среднем классе» и фанфаронады о «скорой победе»), нежелание развивать наступательную тактику и формулировать волнующие большинство требования, привели к психологической и политической изоляции движения и обрекли его на скорый бесславный конец. Оказалось, что лозунг «честных выборов» не заставляет миллионы потенциальных недовольных присоединиться к протесту и подниматься на борьбу. (Кстати, нечто похожее было в России летом 1906 года и в январе 1918 года: в первом случае царь разогнал непокорную Первую Государственную Думу, во втором большевики разогнали Учредительное Собрание; и оба раза сторонники представительной демократии кадеты и эсеры ждали поголовного всенародного возмущения, но оказалось, что чисто политические «буржуазные» лозунги изащитапарламентских «говорилен» — это не то, во имя чего народ готов восстать). Власть без труда удалось противопоставить друг другу столицы и провинцию, «средний класс» и «работяг», «партию Интернета» и «партию телевизора». Пусть в ход были пущены мифы и обман, но протестующие ничего не сделали, чтобы преодолеть это разделение. Эйфория «сытых» столиц не была понятна глубинке, а ее настроения и потребности были далеки от столичных жителей.

Во-вторых. Что касается тактики движения, то она отличалась убожеством и пассивностью. Те, кто встал во главе протестов, сразу заявили, что будут стремиться согласовывать митинги с властями, что не хотят революции, будут конструктивны и желают лишь честных выборов. Это изначально означало игру в поддавки с путинским режимом, не позволив превратить протесты даже в тривиальную буржуазную революцию. Власть понимает лишь язык силы. Вожди оппозиции — все эти давно надоевшие Немцовы-Рыжковы-Яшины — начали привычный им торг с начальством, запугивая ее призраком революции и стремясь «обналичить и капитализировать» протесты (и добились-таки чаепитий с Медведевым, до-

пуска на телевидение и обещаний зарегистрировать их партии). Что такое настоящая борьба за свои права — показывают Греция, Франция, Испания, арабские страны — где люди не пару раз выходят на разрешенные безобидные митинги, а неделями и месяцами противостоят на улицах полиции, устраивают забастовки и акции прямого действия, созывают ассамблеи в кварталах, захватывают площади и объекты инфраструктуры, рискуют жизнью и здоровьем, не спрашивая разрешения государства на осуществление своих прав и своей власти. Нечего и говорить, как далеко до этого (как по масштабам, так и по степени радикализма) было нашим уличным оппозиционерам — робким, законопослушным и самодовольным, стремящимся перенести борьбу в кулуары Думы или на избирательные участки. Фарс «снежной революции», начавшись с спонтанных протестов 5-6 декабря на Чистых Прудах и Триумфальной (с прорывами полиции и сотнями задержаний, всколыхнувших наше сонное болото) и уже 10 декабря послушно уйдя с Площади Революции на Болотную (топонимика символична!), закончился даже не киевским майданом (которого власти так опасались, а многие оппозиционеры втайне желали, но так и не решились воплотить), а всего лишь... фонтаном на Пушкинской площади 5 марта. Фонтаном, в который забрались и в котором уместились вместе с Удальцовым все «буйные радикалы», вскоре извлеченные оттуда ОМОНОм. Как писал по другому поводу наш бессмертный Михаил Евграфович Щедрин: «От него злодейств ждали, а он — чижика съел!» Что не говори, а «хомяк», ставший тотемическим символом «снежной революции» — все же животное ленивое, пугливое, норное и мало способное к самопожертвованию. Энергия тысяч честных, но неопытных новичков в общественной борьбе, пришедших в протестное движение, была направлена вождями в русло безобидных митингов, прикольных, но никчемных флэш-мобов и миссию «наблюдателей», честно наблюдающих за фарсом выборов нового государя между чекистом, клоуном и олигархом. Неопытность одних и нечистоплотность других спустила протест на тормозах: пар ушел в свисток легализма и благонамеренности. Движение, изначально изолировавшее себя от проблем большинства общества, принявшее правила игры режима, отказавшееся от наступательных действий и генерирования

новых форм и идей протеста, пошедшее по пути саморекламы, бахвальства и торга с Кремлем, не могло не кончиться тем, чем оно кончилось. «Декабристы» оказались декабристами лишь по самоназванию и не разбудили ни Герцена, ни «Народную Волю», поскольку изначально боялись будить кого-либо не меньше, чем Путин. На этом фоне даже Лимонов, имеющий основания считать себя обкраденным прародителем движения (ибо его основные лозунги и формы были высказаны лимоновцами еще несколько лет назад) оказался в роли одинокого и непонятого «экстремиста», раз за разом «винтятся» на своих несанкционированных митингах все с той же полусотней своих безбашенных поклонников.

В-третьих, заслуживает внимания организация движения протеста. Снизу — почти анархическое, сетевое, коалиционное (любой мог присоединиться), с элементами самоорганизации (как было и с «Белым Кольцом», и с движением наблюдателей, и с самопальными плакатами на акциях), наверху оно было монополизировано самозваными викариями, вождями, квотами и куриями, представляя пародию на и без того пародийную Думу. Отчуждение ораторов и президиумов от массовых участников митингов (часто непочтительно засвистывающих говорящих с трибун) и тех, кто представлял движение, формулируя его лозунги в СМИ, торгуясь с властями, постоянно идя на гнилые уступки и компромиссы там, где этого нельзя было делать, отсекая от движения радикальные лозунги и группы — это отчуждение проявлялось во всем и было видно невооруженным глазом.

В-четвертых, идейное лицо движения. Как я уже сказал, оно было пестрым, эклектичным, узурпированным медийными персонами и давно дискредитированным политиками, подменяющим реальные мотивы возмущения либо дискурсом легализма, либо сублимирующим их безудержным самохвальством, либо остервенелыми, но бессильными проклятиями в адрес лично В.В.П. Ни сколько-нибудь радикальные политические требования (на уровне критики системы, а не персонифицирующего ее лидера), ни тем более социальные лозунги не были выдвинуты. В движении участвовали группы всех политических ориентаций: от монархистов и националистов до большевиков и анархистов. Впрочем, во всех этих течениях произош-

ли соответствующие расколы: часть националистов выходила на Болотную, а часть шла на Поклонную (особенно, когда Путин сделал вице-премьером «ястреба» Рогозина и усилил шовинистическую риторику). То же было и с коммунистами: часть из них вместе с Кургияном сражалась с «оранжевой чумой», часть с ней блокировалась, а часть (как вся «системная оппозиция» Зюгановых-Мироновых) стремилась дистанцироваться и от тех и от этих и под шумок что-нибудь еще ухватить. Если большинство «системных» и «внесистемных» либералов от Рыжкова и Каспарова до Кудрина и Явлинского вышли на протестные демонстрации в составе пестрых коалиций, то «пуританское» меньшинство либералов, ведомое неистовой Новодворской, брезгуя соседством левых и нацистов, митинговало отдельно. И мы, анархисты, в большинстве своем участвовали в протестных митингах в Москве и Питере, общаясь с их рядовыми участниками, одновременно освистывая наиболее одиозных ораторов и фашистские колонны, дистанцируясь от многих лозунгов и пытаясь выйти из своего гетто к более широкой публике, распространяя свои листовки, газеты и донося до нее идеи самоуправления и радикализации протестов. (Хотя были и среди нас «пуритане», игнорирующие эти мероприятия). Среди наших лозунгов этих недель и месяцев: «Все политики — жулики и воры!», «Хватит кормить Кремль!», «Улица, а не парламент, — место для дискуссий», «Выборы — честными не бывают», «Наше решение — самоуправление», «В колесе вашего государства я — не спица, а палка».

Однако надо признать, что повестку дня диктовали либералы и националисты. И если «уличным вождем» протестов стал Сергей Удальцов, то наиболее популярной и репрезентативной фигурой движения стал Алексей Навальный, стремящийся не только направить весь огонь народного негодования в адрес «партии жуликов и воров», но и синтезировать умеренный либерализм с умеренным национализмом. Вообще, наиболее важным политическим событием «снежной революции», по моему мнению, стало рождение уважаемой «национал-демократии» в России. При этом либералы решили (заткнув либеральные носы) пойти за поддержкой к националистам (ибо это модно и прибыльно, националистические настроения

на подъеме), а националисты решили (убрав наиболее одиозные погромные расистско-ксенофобские лозунги) «цивилизироваться» и двинуться к демократам, справедливо полагая, что честные выборы принесут им места в большой политике. Почему-то у нас часто думают, что националисты это — только фашисты или черносотенцы. Нет, национализм — детище Великой Французской Революции и других буржуазных революций, он вполне совместим с представительной демократией и вовсе не обязательно предполагает идентификацию себя и «чужих» по крови. Национализм — идеология буржуазного государства, и наши «снежные революционеры», вслед за Навальным и Миловым, утверждают, что их цель — на месте рухнувшего СССР создать «гражданскую нацию» на демократических принципах (к которым относятся и пресловутые «честные выборы»). К этой гражданской нации может присоединиться, независимо от своей этничности, любой, кто себя считает русским и принимает эти правила игры. Попытки (в которых участвовали и многие анархисты) изнутри движения расколоть «приличных» либералов и «неприличных» националистов изначально были обречены на неудачу и свидетельствовали о непонимании самой сути происходящего. Но соответствующая программа движения диктовала и его рамки, отсекая от себя все социально-революционные элементы и отталкивая миллионы жителей России, которым (и справедливо!) одинаково плевать и на «честные выборы», и на «гражданскую нацию», и которые не испытывают теплых чувств не только к Путину-Медведеву, но и к его оппонентам: от Крылова и Тора до Прохорова и Навального.

НАБЛЮДАЮЩАЯ РОССИЯ

В какой-то момент мне показалось, что вся Россия, ранее просто пребывавшая в параличе и не ощущающая, какие насилия (не только электоральные) чинятся над нею всевозможными жуликами и ворами всех партий, теперь вышла из анабиоза и стала пристально наблюдать за происходящими злодеяниями. Прогресс, однако! Злодеяния от этого, правда, не прекратились. И все же тысячи людей с энергией, достойной лучшего применения, начали наблюдать. Казначейша оппозиционных митингов журналистка Ольга Романова создала организацию «Русь

Сидящая». Я, по итогам «снежной нанореволюции», предлагаю, во-первых, создать (помимо единой, справедливой, трудовой и проч. России) еще и организацию «Наблюдающая Россия». Во-вторых, главным органом оппозиции сделать газету «Народный Наблюдатель» (если перевести на немецкий — получится «Фелькишер Беобахтер» — так назывался главный орган нацистов, их гитлеровская «Правда»), что будет столь же пикантно, столь и соответственно нынешнему национал-демократическому синтезу. В-третьих, предложил бы новому-старому Президенту назвать одну из своих судьбоносных статей не «Россия сосредотачивается» (это название путинские референты украли у канцлера Горчакова, сказавшего это после поражения в Крымской войне), но «Россия наблюдает», что более соответствует действительности в данной ситуации. Однако «наблюдение», как форма борьбы за свободу и справедливость — не очень эффективна, в чем и предстояло убедиться всем 4 марта. «В борьбе обрешь ты право свое!» — гласил партийный лозунг социалистов-революционеров. А в «наблюдении» можно обрести разве что понимание своего бесправия и несвободы.

ОТ НАНОРЕВОЛЮЦИИ К НАНОРЕАКЦИИ

В отличие от оппозиции, так красиво начавшей игру и сумевшей так бездарно ее провести, двуглавый

орел нашего тандема сыграл свою партию успешно. Помимо фальсификаций на выборах, Путин отлично играл роль злого следователя: собирал путинги, пугал электорат кровавой бойней, призывал «умереть под Москвой», активизировал конспирологические и державные культурные коды у части населения, раздавал обещания и наводнил столицы ОМОНОм, тогда как добрый следователь Медведев сулил политические реформы и пил чай с Рыжковым-Удальцовым. Наша непритязательная «оппозиция» получила свое от всей этой зимней бузы. «Системные» партии увеличили свое поголовье в Думе, «внесистемные» получили свой кусок пирога, пропуск в большую политику и допуск к священной особе государя.

Теперь все они успокоятся, будут произносить ритуальные положенные фразы и будут уютно и привычно годами бороться с «антинародным режимом». Тысячи людей, вышедших на Болотную, впадут в уныние и снова начнут говорить о том, что «надо валить» с Родины.

Светлое, хотя и недолгое будущее ждет бронзового призера нынешних выборов олигарха Прохорова. (За него — от большого ума — голосовали наши фронтеры, поскольку: а) он не Путин, б) он большого роста, в) он молодой и новый). Ему будет дозволено создать свою партию «прогресса в рамках законности» и даже через какое-то время занять высокий пост в правительстве, став вице-премьером или

даже премьером — после Медведева. Он, подобно Гайдари (и Зурбову, Кудрину, Фурсенко) примет на себя ответственность за очередной блок «непопулярных реформ» (вроде окончательной коммерциализации образования и здравоохранения, увеличения пенсионного возраста и рабочей недели) и потом будет публично осужден за них. Прохорова уберут, а «непопулярные реформы» оставят.

Усилятся заклинания властей о великой Державе и враждебной закулисе. Волна протестов спадет. Нанореволюция по законам жанра сменится нанореакцией и имитацией закручивания гаек. Но ненадолго.

Стоя на Манеже 4 марта, Путин плакал. Отчего? От пережитого ужаса? От вновь свалившейся «легитимности»? От умиления, что эти тысячи на площади — за него (а не просто пришли из-под палки и послушать песни «Любэ»)? В целях пиара? (Президенты тоже плачут!). Но триумфального «возвращения Бэтмана» не выходит. Путин кричал, что его поддержало «подавляющее большинство». Но он уже — не Отец Нации, а его режим — смешон и противен многим. Из 60 процентов избирателей, пришедших на выборы, лишь 64 процента (это если не говорить о фальсификациях — а как они не говорят и не думают?) проголосовали за В.В.П., то есть — треть от взрослого населения страны. А сколько из них голосовало по приказу, из-под палки (зэки, военные, бюджетники)? Так что число, активно поддерживающих эту Систему, вполне сопоставимо с числом тех, кто активно против. Вопрос в другом: а что будет потом, за что и как бороться?

Путинская Россия — бесплодная, прогнившая, лицемерная, коррумпированная — уйдет. Новая волна мирового экономического кризиса скоро накроет и нашу страну, предвыборные обещания не будут выполнены, тарифы на ЖКХ и проезд на транспорт будут повышаться, система образования и здравоохранения будут коллапсировать. И тогда, надеюсь, нас ждет уже не нано- и не «оранжевая», а просто революция. Какой она будет, зависит от нас, от нашего умения мыслить, бороться, отстаивать свое человеческое достоинство. Посмотрим, на что мы тогда окажемся способны.

Путинская Россия — бесплодная, прогнившая, лицемерная, коррумпированная — уйдет. Новая волна мирового экономического кризиса скоро накроет и нашу страну, предвыборные обещания не будут выполнены, тарифы на ЖКХ и проезд на транспорт будут повышаться, система образования и здравоохранения будут коллапсировать. И тогда, надеюсь, нас ждет уже не нано- и не «оранжевая», а просто революция. Какой она будет, зависит от нас, от нашего умения мыслить, бороться, отстаивать свое человеческое достоинство. Посмотрим, на что мы тогда окажемся способны.

Павел Сентябрьский

«НОВЫЙ ПОВОРОТ. Куда он нас зовет?»

(краткий майский postscriptum к мартовской статье)

В марте-апреле события прервали свой стремительный ход, скучно катясь по ожидаемой колее. Статусные оппозиционеры, допущенные к регистрации, занялись партийной рутинной, вялая реакция понемногу набирала обороты. Под ее каток попали поющие не в лад с начальством девушки из Храма Христа Спасителя, жестоко оскорбившие религиозные чувства — но не религиозные чувства верующих в отношении Бога, а религиозные чувства чиновников (как в рясах, так и в погонах) в отношении Президента. Церковь встала плечом к плечу с Государством. «Кириллинг» в защиту «гонимой» арестантками из Пусси Райот веры выглядел бледной пародией на путинги в защиту Державы.

Но май принес сюрпризы. Дежурный выход «хомячков» на улицы 6 мая под лозунгом «Не пустим самозванца в Кремль!», вместо скучного мероприятия, позорно завершающего позорную серию сливов протеста, превратился в нечто, спасающее честь оппозиции, в нечто, чего не было в Москве с 1993 года. Наглый полицейский кулак столкнулся с массовым сопротивлением. Несколько тысяч молодых людей противостояли тысячам полицейских, еще десятки тысяч смотрели на это — кто сочувственно, подбадривая сражающихся, кто осуждающе-пугливо качая головами. Трофейные омовские каски поплыли по Москве реке. Тотчас же все заговорили о «провокаторах». Говорить о «провокаторах» оказалось одинаково — хотя и по разным причинам — выгодно и удобно как властям, расценивающим любое сопротивление полиции как экстремизм и кощунственный подрыв государственной монополии на насилие, так и трусливым вождям Болотной, не осмеливающимся признать право людей на самозащиту и предпочитающим безропотно сдавать их на расправу.

Последствия этого были катастрофическими: чудовищный закон о митингах, аресты участников сражения на Болотной, не встретившие дружного и всеобщего сопротивления.

Думаю, никаких специальных «провокаторов» 6 мая не было. Или, точнее говоря, провокаторами были все стороны столкновения: и власти, решившие устроить образцовое побоище, наводнившие центр столицы полицией и техникой, закрывшие выход из восемнадцати (!) станций метро, перегородившие две трети Болотной площади (в нарушение договоренности) и создавшие столь узкий проход на нее, что Ходынка стала неминуемой, и демонстранты, вышедшие на улицу 6 мая в несколько более решительном настроении, чем раньше, и менее готовые безропотно сносить все унижения со стороны распоясавшихся людей в форме. Так что «Битва 6 мая» была столь же неизбежна (как ясно постфактум), как и непредсказуема заранее. И случившись, она дала новый импульс как затухающим протестам, так и вялотекущим репрессиям.

Далее события стали развиваться с невероятной скоростью. Оккупация Путиным Москвы 6-8 мая (с зачисткой улиц и бульваров, сотнями арестованных (всего в мае в Москве было задержано более полутора тысяч протестующих), ОМОНОм на всех углах, охраняющим стерильное одиночество ингагурируемого вождя) вызвала ответное движение «оккупай», пробудив в людях глубоко дремавшее доселе чувство человеческого протеста. На наглую оккупацию городского пространства государством общество ответило контр-оккупацией («Оккупируя, освобождай!» — стало лозунгом момента, напомнив сходный лозунг «Красного Мая»: «Баррикада перегородила улицу, но открыла путь»). Последующие недели принесли много сюрпризов,

обогатив протестное движение множеством новых форм, идей, тактик и даже слов (вроде очередного русского оксюморона — «народные гуляния протеста»). Даже пугливые либералы вышли 13 мая на «контрольную прогулку протеста» по призыву Б. Акунина (бунтарский псевдоним все же обязывает, подталкивая Григория Чхартишвили к борьбе?) и других писателей, наконец-то вспомнивших, что «поэт в России — больше чем поэт» и больше, чем просто обслуживающий персонал власть имущих.

Оказалось, что даже за право свободно гулять по улицам без высочайшего соизволения, собираясь больше трех, надо бороться. Оказалось, что мирное, не слишком многочисленное (несколько тысяч человек) и децентрализованное движение, действующее без вождей и апеллирующее даже не к политическим убеждениям, а к чему-то более фундаментальному и изначальному — к оскорбленному человеческому достоинству людей, способно эффективно противостоять государственному бандитизму.

Протестующие в эти дни сравнивали себя с водой: мы не деремся с полицией, уходим по ее требованию и... снова собираемся в новом месте, и снова разговариваем, устраиваем лекции, украшаем себя белыми лентами. Попробуйте колотить палкой по воде! С тем же успехом начальники из Кремля безуспешно пытались подавить протест, выставя себя на всероссийское посмешище. Можно арестовать «лидеров» — но у этого движения нет лидеров, все решают ассамблеи; можно свинтить сотни людей — но, во-первых, люди почти перестали бояться задержаний, превратившись вдруг из катастрофы в едва ли не развлечение, а, во-вторых, на смену задержанным, на улицы выходили другие; можно сгонять протестую-

щих с насиженных мест — но они перемещаются на новые — благо, площадей в центре Москвы немало, и сгодится любая. И Власти оставалось лишь заниматься мелочным и пакостным вредительством, в стремлении дискредитировать, маргинализировать и изолировать протесты (ставшие эстафетно-непрерывными): по-воровски нападать на протестующих, похищая у них то биотуалеты, то собранные деньги, то еду, запрещать им — ставить палатки, пользоваться мегафонами, раздавать листовки, натравливать на них местных жителей, «разгневанных» гуляниями (и показывая их по телящику). Кстати, это возмущение трудно объяснить чем-то, кроме постановочных пропагандистских кадров: Чистопрудный бульвар во дни «ОккупайАбай» преобразился, став чище и спокойнее: в лагере оппозиции поддерживался сухой закон, проводилась очистка территории, запрещалось шуметь после 23 часов, по утрам проводились зарядки для желающих, а место традиционных для этого района пьянчуг заняли граждане, внимающие уличным лекциям под деревьями на актуальные темы. Заодно с путинским режимом — и, пожалуй, эффективнее полицейских дубинок, против протестов ополчилась погода: попробуйте проводить ночи под дождем и холодным ветром на лавочках! Но молодежный задор и романтика сопротивления превозмогали и непогоду. Москвичи сменялись, собираясь в лагерях протеста под вечер, а приехавшие из других городов упрямо продолжали эстафету борьбы, превратившейся в азартную игру в ваньку-встаньку.

Читатель «Автонома», уж, конечно, в курсе майских событий в Москве (и в ряде других городов — в Питере события происходили на Исаакиевской площади и т. д., но, увы, как и события зимы пока мало затронули выжидающе наблюдающую провинцию). Поэтому нет смысла описывать здесь протесты и репрессии день за днем. Скажу главное: май принес то, чего катастрофически не хватало декабрю-марту. Движение (только в Москве и только отчасти — в виде лагерей «оккупай») из сугубо политического по лозунгам, умеренного и авторитарно-вождистского стало более социальным по целям, более радикальным по духу и более либертарным по формам, вливаясь в поднимающееся миро-

вое движение сопротивления капитализму и власти. Хотя лагерь у Абая заставлял вспомнить о «водяном перемирии» в мире животных в сказке про Маугли, когда звери, гонимые засухой к водопою временно отказались кушать друг друга (в охране участвовали и националисты, а среди участников было немало либералов), однако «идейную гегемонию» в нем захватили — говоря языком 68 года — «гошисты» (леваки, прежде всего, троцкисты и социалисты из РСД и КРИ, и анархисты).

Дело не только в том, что левые активисты наводнили лагерь протеста своими изданиями и создали инфраструктуру: информцентр и организацию питания (здесь помогли анархисты и люди из ФНБ). Важнее другое: в лагерях «оккупай» появилась ассамблея (нечто очень привычное для Франции или Аргентины, сохранивших остатки коммунитарности, вновь и вновь расцветающей в дни социальных возмущений, и совсем невиданное для России уже лет девяносто, со времен Советов: когда люди решают все на вече, без вождей, выработывая коллективное решение, стремясь к консенсусу и парализуя попытки лидеров и партий овладеть гегемонией; надеюсь, дело не ограничится только модным словечком и теперь практика ассамблеаризма (то есть прямой демократии) будет распространяться по России в различных сферах жизни и регионах) и социальная повестка дня.

Темы семинаров: как организовать политическую стачку, проблемы образования, экология и капитализм, самоцензура в прессе, история гражданского неповиновения, опыт рабочего самоуправления в Венгрии 1956 и в Польше 1980, опыт анархо-экологических лагерей протеста в России 1990-2000-х, вопросы патриархата и феминистского сопротивления ему, коммуна на площади Тахрив в Каире, и опыт лагеря протеста против диктатуры Лукашенко в Минске в 2008 году — потеснили на обочину старые темы «честных выборов» и «России без Путина». Модель либертарного общества, успешно функционирующего и противостоящего репрессиям, была продемонстрирована в эти дни: можно охранять себя без полиции при помощи своей добровольческой дружины, распространять информацию без официальных СМИ (через Интернет, листовки,

листки, надписи на стендах), коммуницировать без посредников на манер Гайд-Парка обсуждая волнующие всех вопросы, обеспечивать свою жизнь без бизнеса и начальства (были созданы рабочие группы по питанию и информации, в лагере действовали системы экономики дара и добровольной взаимопомощи — буккроссинг и фримаркеты), создавать систему самообразования без денег и государства (десятки бесплатных семинаров под открытым небом), решать все вопросы на ассамблее без лидеров.

Впрочем, по меткому выражению одного моего товарища, система прямой демократии причудливо соседствовала в лагере с элементами «феодализма»: когда у Абая появлялась очередная вип-персона, обескураженно наблюдающая спонтанно развивающийся без ее мудрого руководства протест «простых людей» и начинала изображать «главного», на нее тотчас сбегались орды журналистов, жаждущих разъяснений, и зевак, жаждущих приобщиться к величию вип-персоны; две реальности — старая и новая — сосуществовали, почти игнорируя друг друга.

Разумеется, лагерь у Абая, ставший знаменем протеста, воодушевляющим примером, рассадником и образцом новых идей, ценностей и практик, местом общественной коммуникации и кристаллизации новых инициатив, продержался только (и целую!) неделю и был разогнан. Разумеется, силы участников протеста иссякли, а расколы в движении усилились (как и влияние нацистов). Разумеется, 12 июня старым вождям удалось воспроизвести в Москве клон унылой и самодовольной, ритуально-бесполезной демонстрации, по образцу декабря-марта. Разумеется, репрессии со стороны перепуганных властей привели к арестам некоторых активистов и заставили других временно «лечь на дно». Но опыт мая останется и, я уверен, не будет забыт. Левый, радикальный и либертарный поворот движения протеста начинается даже раньше, чем я это предсказывал в первой части статьи. Что будет дальше? Дорогие читатели! Не дожидаясь нового номера «Автонома» или новых выпусков новостей по ТВ, чтобы узнать об этом. Формируйте эти новости сами! Майские события в столицах еще раз подтверждают то, что это в наших силах.

Павел Сентябрьский

ОБЩЕСТВО

Дикие дети

Подростковая мода на правые взгляды и особенно шмотки, конечно, не новость. Все помнят, что когда в Москве на площади перед ТЦ «Европейский» ожидалось продолжение случившейся за несколько дней перед тем «Манежки», туда пришли как раз такие вот подростки-модники. ОМОН их быстро погрузил в автобусы, отобрав при обыске у мальчиков и девочек кухонные ножи, березовые поленья и другое смешное оружие.

Есть такое ощущение, что сегодня у многих подростков как будто понижен «порог чувствительности». Их нельзя считать какими-то бесчувственными тварями, но у многих явно несколько размыты границы того, что можно делать и говорить (я думаю, что это касается и тех, кто считает себя анархистами — хотя и в меньшей степени).

Для человека, не готового к подобному моральному релятивизму, подобное может стать шоком. Вот накануне очередного девятого мая блогер Vizza читает сообщения на одном из закрытых сайтов, где тусуются московские

«Правых — их много, очень много, ого-го как много. Малолетки дико закотировали правую тему после Манежной площади. Малолетки — это седьмой класс. Восьмиклассники были на Манежке, и, конечно, там были правые из параллельного класса, но я с ними на эту тему не общался. Мне неприятно было, совершенно не интересно», — рассказывает о своей школе один юных читателей журнала «Автоном». Живет в Москве, учится в девятом классе.

школьники, и приходит в некоторое замешательство. «Мой дедуля был сказочный долбоеб, раз сдох на войне», — делится семейной историей один из пользователей. «Ветераны похожи на ублюбочных животных, которых жалко усыпить, пользы от них уже никакой, еле двигаются, никуда не видят не слышат, ссутся под себя, еще лекарства им покупай, да нахуй это надо?» — удивляется другой.

«От школы сегодня вручали цветы ветеранам, так хотелось спросить, когда же он уже сдохнет, а потом зигануть, но я удержался. Старый уебищный пердун со значками», — рассказывает третий. Кто-то подытоживает: «Если видишь ветерана, то подбегаешь к нему и в процессе метания зиги бьешь эту старую суку по еблету».

И дело здесь не в том, что все правые — больные люди, а дети вообще не всегда задумываются о том, что пишут и говорят. Мне кажется, что все это часть какой-то общей «виртуализации сознания», о которой уже заходила речь в «Автономе». Все эти подростки постоянно общаются друг с другом в социальных сетях и как будто не очень понимают, где проходят границы реальности.

Мне хочется рассказать здесь три истории о детях, выросших в эпоху путинского безвременья, нефтяного капитализма и безлимитного интернета. Мне не хочется выводить какую-то «мораль» и делать обобщения. Это просто три частных истории о перекосах, к которым может привести сознание

человека, погруженного в идеологическую муть (и пустоту) социальных сетей и лишенного тех человеческих ценностей, которые многим кажутся очевидными.

Я только на полях отмечу два слова о соцсетях. Принято считать, что личность человека формируется к 16-18 годам, поэтому «дети из контакта» и их представление о мире — это будущее в том числе анархического движения. А значит, богомерзкий «Вконтакте», как бы ни было противно заходить туда, это пространство, которое нам необходимо если не захватить, то существенно усилить там свои позиции (существующих проектов явно недостаточно).

ОБРАЗЦОВЫЕ ПИПЛХЕЙТЕРЫ

В начале 2011 года в иркутском Академгородке неизвестный маньяк разделался с несколькими взрослыми мужчинами и женщинами. Он подкараулил своих жертв возле работы или в парке и забил их насмерть молотком. Еще на нескольких человек были совершены покушения, однако им удалось вырваться и спастись. Милиция сбилась с ног в поисках маньяка. По городу ходили слухи о том, что нападавший выглядел довольно молодо. Выжившие утверждали, что нападавших было двое.

В городе был объявлен комендантский час, столбы и автобусные остановки заперестрели предупреждениями о маньяке. Местная пресса окрестила маньяка «молоточником».

Когда возле детского сада был обнаружен труп очередного мужчины, жители Иркутска вышли на стихийный митинг. Были организованы отряды добровольцев, которые дежурили на остановках и провожали горожан с работы. В Следственном комитете упорно продолжали утверждать, что «характер, место и время совершения нападения абсолютно разные, что говорит о том, что преступления не имеют серийного характера».

Убийцы попались на случайном промахе. Они взяли у родственника видеокамеру и сняли на нее нападение на пожилую женщину. Когда возвращали камеру, запись стереть забыли.

Обнаружив видео, дядя одного из преступников обратился в милицию. После этого восемнадцатилетние Артем Ануфриев и Никита Лыткин были задержаны. Они признались в шести убийствах. Выяснилось, что их первой жертвой стал шестиклассник, чья смерть казалась несчастным случаем. Он был найден с разбитой головой, рядом валялся снежок. Милиция и родители были уверены, что мальчик не справился с управлением и врезался в дерево. Лыткин и Ануфриев рассказали, что избили школьника битой и молотком.

Выяснилось, что Артем и Никита познакомились «ВКонтакте». Оба они придерживались националистических убеждений. Ануфриев участвовал в Русском марше в Иркутске в 2010 году, а на фотографиях Лыткина нередко была изображена свастика. Кроме того, Ануфриев был модератором группы под названием «Мы боги, мы решаем, кому жить, а кому умереть». Никита Лыткин и Артем Ануфриев называли себя «пиплхэтерами».

«Сердце нашей священной идеологии — это пиплхейт. Ненависть

ко всем этим отвратительным лживым людишкам», — говорится в одном из манифестов этого движения. Его суть заключается в том, что нет смысла ненавидеть ментов и мигрантов, когда если есть пассивные россияне — «овощи рузке». «Вместо того чтобы заниматься бесполезным политическим оппортунизмом, не лучше ли предать анафеме всех homo sapiens эпохи постмодерна?» — пишет неизвестный автор манифеста.

Считается, что эту идеологию придумали и распространяли участники неонацистской группы Боровикова-Воеводина, недавно осужденные в Петербурге. Во всяком случае, пиплхейт активно обсуждался на сайте их фан-клуба (сегодня несколько десятков его пользователей находятся за решеткой). Принято думать, что сторонники этого образа мыслей активны скорее в сети, но это не вполне верно: пиплхейтерство все чаще выплескивается на улицы.

ГРУППА ПОДДЕРЖКИ ПИЧУЖКИНА

Ануфриев и Лыткин — случай скорее исключительный (и хочется сказать: клинический). Последователей у них пока что, к счастью, не появилось, а вот единомышленников и поклонников

уже полно. «ВКонтакте» иркутские «молоточники» состояли в группе поддержки битцевского маньяка под названием «Александр Пичушкин — наш президент».

Группа существует до сих пор, в ней состоят около 500 человек, в основном подростки. В социальных сетях существует по меньшей мере десяток посвященных битцевскому маньяку групп, а общее количество их читателей достигает тысячи человек. Поклонники коллекционируют фотографии Пичушкина, пишут ему стихи и покупают себе клетчатые рубашки, которые тот предпочитал носить. Своего кумира они ласково называют Саньком.

«Меня Санек привлек тем, что он настоящий великий человек. Те, кто сейчас называют себя людьми — это слабые и ничтожные существа, которые пытаются стать похожими на настоящих людей», — говорит 17-летний Иван, проживающий в поселке Ольховатка Воронежской области. «Саша убивал друзей, знакомых, алкоголиков, бомжей. Чем ближе к тебе человек, тем сильнее эмоции, когда его убиваешь. Это его слова, и он как всегда прав», — уверен Иван.

Иван вообще разборчив в маньяках: скажем, Андрей Чикатило и Тэд Банди не нравятся ему тем, что они занимались сексом со своими жертвами. Американских школьников, которые приходят в школы и стреляют в своих одноклассников, он презрительно называет «лохами».

По словам Ивана, он уже с детства готов к убийству. Мешают лишь неподходящие обстоятельства. Родителям и друзьям, которых считает «добрыми», он о своих увлечениях не рассказывает. Иван говорит, что верит в Бога и мечтает стать знаменитым.

МЕТАТЕЛИ КОЛЕС

История про «колесных убийц» достаточно громко прокатилась по сети, но сегодня про нее уже забы-

«Меня Санек привлек тем, что он настоящий великий человек. Те, кто сейчас называют себя людьми — это слабые и ничтожные существа, которые пытаются стать похожими на настоящих людей», — говорит 17-летний Иван, проживающий в поселке Ольховатка Воронежской области. «Саша убивал друзей, знакомых, алкоголиков, бомжей. Чем ближе к тебе человек, тем сильнее эмоции, когда его убиваешь. Это его слова, и он как всегда прав», — уверен Иван.

Убило колесом, выброшенным из дома

ли. Я напому. Вечером 8 ноября 2010 года Виктор Губин, 44-летний житель Петербурга, возвращался домой, когда вдруг рядом с ним на асфальт упало колесо и, подпрыгнув, сбilo с ног. Этот момент засняли камеры видеонаблюдения. Когда приехала скорая, мужчина был еще жив — он умер через пару дней, не приходя в сознание. Те же камеры зафиксировали, как за несколько минут до падения колеса в дом заходит группа подростков. Когда они выбегают на улицу, мужчина уже лежит на земле. Подростки некоторое время стоят возле умирающего, потом уходят.

Следователи обошли окрестные школы и обнаружили этих подростков. Основными подозреваемыми стали двое: 16-летний учащийся ПТУ Эрнест Николаев и 14-летняя школьница Дарья К... Как выяснилось, в тот вечер влюбленные друг в друга Эрик и Даша внезапно поссорились, и тот со злости вышвырнул из окна колесо, которое хранила в подъезде одна из жительниц дома. Николаеву было предъявлено обвинение в «причинении смерти по неосторожности» (ст. 109 УК РФ).

До суда Эрик находился под подпиской о невыезде, а 25 мая 2011 года Калининский суд Санкт-Петербурга приговорил его к полутора годам ограничения свободы — это значит, что подростку запрещено посещать развлекательные заведения и уходить из дома с 22.00 до 6.30. Кроме того, он обязан являться в полицию по первому требованию. Сообщалось, что это максимальное наказание, возможное для несовершеннолетнего, ранее не привлекавшегося к ответственности и

раскаившегося Николаева.

Бросание разных предметов из окна и с крыши — в принципе, не самое редкое развлечение среди подростков. В том же Петербурге спустя месяц после подвига Николаева подростки сбросили на проезжавшую машину глыбу льда. К счастью, подобные игры редко оканчиваются увечьями или смертью, и если бы не эффектные кадры с камер наблюдения, то и этот случай подростковой глупости прошел бы мимо СМИ.

«На самом деле, многие любят выкидывать что-то из окна, я тоже этим занимался. Тумбочку выкидывали с балкона... Нам это нравилось. О том, что кто-то может пострадать, вообще не думали. Потом я поразмыслил и как-то завязал с этим развлечением», — комментирует такие развлечения тот же юный читатель. — «Если бы я так кого-нибудь убил, я бы сильно переживал... Но многие мои знакомые, я думаю, не стали бы париться — им главное не попасться и себя отмазать».

Так что и в петербургской истории не было бы ничего нового, если бы в интернет не попала личная переписка подростков. Знакомство с этой перепиской позволяет нам заглянуть в то, что думали и о чем говорили между собой подростки, вдруг убившие прохожего колесом.

В этих сообщениях ребята испытывают редкие всполохи раскаивания, цинично шутят про убийство, радуются своей все возрастающей известности и выдумывают, как и что им врать милиции и взрослым.

«Колеса кидая, хахаха!» — так шутит Эрик, когда вечером 8 ноября (день убийства) один приятель пишет ему и спраши-

вает, чем он занимается. «Не убей никого, когда спать пойдешь)))» — через пару сообщений подхватывает шутку приятель. Одновременно Эрик общается с другим знакомым, и чувствует, что случившееся все-таки произвело на него некоторое впечатление. «Ты не грузишься?» — спрашивает Эрика приятель. «Чуть-чуть! Но все равно тупо все!» — отвечает тот. Почти сразу ребята меняют тему и начинают обсуждать наркотики.

Вообще, в этих сообщениях так часто встречаются обсуждения того, кто как «дунул» и «где взять», что это начинает утомлять. Судя по переписке, ссоры Эрика и Даши часто были вызваны как раз наркотиками: девушка не раз с досадой пишет, что траву и друзей Эрик любит больше, чем ее. Впрочем, злополучным вечером влюбленные поссорились из-за другого: «Когда я зашла в кабинет, она мне сказала: «Даша, у меня единственный вопрос. Из-за чего вы поссорились?». Ты только не обижайся, я так и сказала, что я тебе запрещаю пить страйк (очередная разновидность «яги» — Автоном), а ты попил...», — так через несколько дней девушка опишет свой разговор, вероятно, со следователем.

Пока же Эрик переписывается с Дашей все в тот же злополучный вечер. Они обсуждают, почему Даша не хочет через пару дней подуть вместе с друзьями. «Блин, ну давай ты захочешь!... Один раз-то можно же!» — уговаривает Эрик. Даше, видимо, этот разговор надоел и она пишет, что собирается спать. Эрик расстраивается и сетует, что у него виснет компьютер. «Щас выкину его нахуй», — в сердцах добавляет он.

«Да, давай еще кого-нибудь убей, люди начнут думать, что у нас с неба колеса и компьютеры летают...» — немедленно откликается девушка, и это вызывает у Эрика, возможно, самый яркий приступ раскаяния за всю переписку: «Да я не хотел убивать никого, ааааааа*((((((».

Всю дальнейшую переписку ребят занимают вполне прагматические вопросы о том, как бы им вывернуться из этой истории, а когда их роль в трагедии всплывает наружу — какой приговор суд может вынести Эрику. Они с интересом собирают все упоминания о себе в СМИ, жалуются на родителей (кажется, поведших себя в этой ситуации не лучшим образом) и расстраиваются, что пока запрещено встречаться друг с другом.

«Я люблю тебя, убийца мой. Только не грузись на эту тему. Я понимаю, совесть мучает, но что с этим поделать... Судьба у мужика такая... Я тебя люблю! И я ушла мыться)» — вот одно из типичных сообщений Даши. Она будет сопровождать Эрика на всех судебных заседаниях.

НАЦИСТЫ-ПОЛИЦЕЙСКИЕ

Днем 28 августа 2011 года почти одновременно вышли из дома двое подростков, Дима Яшков и Илья Ульянов. Одному было 16, другому 17 лет. Оба жили в Ленинградской области — один в городе Сертолово, другой в Кингисеппе. С собой они взяли фотоаппарат, ноутбук и около 50 тысяч рублей. Встретившись, ребята вставили в мобильные новые сим-карты, выкинули старые и уехали из города.

Судя по всему, ребята росли в неплохих семьях, были спокойными мальчиками, не курили и не пили, занимались спортом, читали книжки, хорошо учились. О них тепло отзываются учителя и друзья. «Он был гордостью нашего класса», — говорит одна из Диминых одноклассниц. Уходя из дома, Дима оставил отцу записку, в которой написал, будто пойдет к другу — однако у друга его не оказалось. Илья родителей вообще ни о чем не предупредил — просто исчез. Тем же вечером родители подростков подали заявления в полицию.

Илья и Дима обнаружили только через трое суток — в ночь на 1 сентября они были задержаны в Нижнем Новгороде. Переодевшись в полицейскую

форму, ребята неумело бросили коктейль Молотова в здание приемной депутата-единоросса Владимира Жука. Почти сразу после этого их задержали сотрудники местного Центра «Э». Борцы с экстремизмом сидели в засаде, очевидно, зная о планах подростков. Через несколько дней кадры оперативной съемки были выложены на сайте ГУВД по Нижегородской области.

На видео ребята рассказывают, будто они намеревались совершить в городе ряд аналогичных поджогов — основными целями должны были стать табачные палатки и точки продаж алкоголя. Таким образом они собирались пропагандировать здоровый образ жизни. Дима Яшков на записи признается даже в том, что они якобы планировали убийство подполковника Алексея Трифонова, одиозного начальника нижегородского Центра «Э». Тем не менее, уголовное дело против них было возбуждено по статье «Хулиганство» (ч.2, ст. 213 УК РФ). В конце марта 2012 года дело было передано в суд.

Ульянов и Яшков — одни из того множества подростков, увлеченных правой модой, которым оказалось недостаточно трепаться в интернете и которые захотели «действовать». Они даже и лично не были знакомы, только по общению «ВКонтакте». Там же они познакомились с неким Алексеем, создавшим там группу под названием «Прямой ход».

«Прямой Ход» — это группа боевых людей, которые готовы идти на смерть ради свободы. Они рискнут своей жизнью, во имя общей идеи. Мы ведем объединение партизан славянских городов. Создавайте партизанские отряды под названием 1ПХ4 («8Прямой8Ход2»). В таких партизанских отрядах, все до единого участника должны иметь взгляды и методы борьбы NS/WP», — говорится в описании группы.

Именно Алексей объяснил подросткам, как добраться из Петербурга до Москвы на электричках и автобусах, встретил их в столице и отвез в Нижний Новгород. Он привез ребят на съемную квартиру, в которой оперативники потом обнаружили «две бутылки с зажигательной смесью, компоненты для изготовления взрывчатых веществ и литературу экстремистского характера». Подростки говорят, что в момент поджога Алексей находился рядом, одна-

ко не был задержан дежурившими в засаде оперативниками. За прошедшие месяцы менты так и не начали его искать.

Судя по всему, этот провокатор и вдохновитель бессмысленного поджога — нижегородский нацист по имени Алексей Дмитриев. Желющие легко найдут его фото на сайте Streetmob.Org. Не приходится сомневаться, что перед нами провокатор, так или иначе работающий на местный центр «Э». В одном из его статусов «ВКонтакте» был написано: «Всем здравствуйте! Даю правые советы, сам возглавляю ПХ88(Прямой ход)82». Видимо, один из таких «правых советов» получили и Яшков с Ульяновым.

Провокация — один из методов работы политической полиции. Особенно в этом методе поднатерели антиэкстремисты из Нижнего, вершиной творческой карьеры которых пока что является известное дело группировки «Антифа-RASH».

Поэтому к этой истории с двумя правыми оболтусами стоит приглядеться всем анархистам и антифашистам, особенно неопытным и юным. Было бы глупо думать, что эшники и им подобные откажутся от провокаций. Внедрение агентов, слежка, подставные группы, провокации самого разного рода — я думаю, что в ближайшие годы мы познакомимся со всеми методами работы политического сыска.

Сразу же после декабрьских протестов в Питере уже появилась явно созданная органами «подпольная группа» с громким названием «Революционная повстанческая армия» (РПА). Она активно пиарит в сети свои бутафорские акции и явно не прочь завлечь в свои ряды пару-тройку неосторожных «сторонников».

Так что не стоит доверяться радикальным незнакомцам в интернете, друзья. Думайте о безопасности и соблюдайте конспирацию. А то будете потом передавать через адвокатов также же сопливые послания, как Дима Яшков: «Я был убежден, что незаконное уничтожение торговых точек продажи табака и алкоголя приведет к положительным результатам для нашей нации. Сегодня я задержан, вину свою признал, считаю свои мысли бредовыми...»

Егор Сковорода

ЖАНАОЗЕН И ТАХРИР — ЧТО ОБЩЕГО?

Казахстан как полигон интегрированного спектакля

Публичные представители властей Казахстана крайне нервно реагируют на проведение каких-либо параллелей между событиями в Жанаозене и процессами, получившими в либеральных СМИ всего мира название «арабская весна». Между тем, при рассмотрении причин, толкнувших бастующих рабочих на смертельную схватку с силами правопорядка в Казахстане, подобные сравнения напрашиваются сами собой, ведь все симптомы указывают на один и тот же диагноз.

АРАБСКИЙ ОПЫТ

Как известно, в начале гиперинфляционное стимулирование потребления в США, в частности, путем махинаций на рынке ничем не обеспеченных ипотечных кредитов, спровоцировало глобальный финансовый кризис, который не мог не закончиться массовым кровопролитием и резней на экономически уязви-

мых перифериях развитого мира. К тому же, в большинстве случаев представляющих исключительный интерес для важнейших игроков энергетической отрасли. Рост цен на продовольствие и произвол местных представителей коррумпированной власти подтолкнул юношу по имени Мохаммед Буазизи к публичному самосожжению в одном из городков Туниса, которое вызвало массовый гнев на-

родных масс, в считанные недели превративший одно из хлебных мест европейской туристической индустрии в объятый хаосом очаг нестабильности.

Цепная реакция оказалась совершенно непредсказуемой, спровоцировав катастрофические последствия во влиятельных соседних странах. Нас в данном случае больше всего интересует бросающаяся в глаза параллель с Египтом — одной из самых быстро развивающихся экономик мира, важнейшим геополитическим союзником США. В нем в течение нескольких десятилетий царил авторитарный режим Хосни Мубарака, основанный в первую очередь на тандеме президентской Национально-демократической партии (НДП)

и физической силы армейской машины, содержавшейся во многом за счет финансовых средств США. В последние годы бесменного президентства Мубарака-старшего его режим начал практически в открытую готовиться к передаче всей полноты государственной власти младшему сыну Мубарака, Гамалю, по династическому сценарию, успешно обкатанному на тот момент в Сирии и Азербайджане.

Имя Гамалы Мубарака и возглавлявшейся им группировки молодых технократов тесно ассоциируется у египтян с целым рядом непопулярных реформ неоллиберальной толка, способствовавших не только улучшению инвестиционного климата, но также росту массового обнищания и усилению социальных контрастов в этой густонаселенной стране. Именно усиление позиций группировки Гамалы в национальной экономике и в рядах НДП вызвало массовые протесты на каирской площади Тахрир в сентябре 2010-го, участники которых уже в следующем году, вдохновленные крахом тунисского режима, добились свержения действующей власти, сопровождавшегося непрекращающимся поныне разгулом охлократии на улицах Каира.

НАЗАРБАЕВСКИЙ ЗЯТЬ

Точно также в Казахстане в последние месяцы 2011 года уже начиналось прозрачное прощупывание общественного мнения на предмет передачи всей полноты государственной власти зятю президента Тимуре Кулибаеву, сконцентрировавшему в своих руках практически все рычаги управления экономикой страны. Возглавлявшийся им фонд национального благосостояния «Самрук-Казына» генерирует 53% ВВП Казахстана. В его состав входит 583 организации, включающие практически все крупнейшие предприятия добывающего, промышленного и финансового секторов, такие как национальная нефтегазовая компания, национальная уранодобывающая компания, национальная электроэнергетическая система, национальный железнодорожный перевозчик и многие другие. Активы ФНБ, по некоторым оценкам, составляют 86,9 миллиардов долларов США. (Личное же состояние Кулибаева, согласно списку Forbes, оценивается в 1,3 миллиарда.) Но в первую очередь г-н Кулибаев специализируется на нефтегазовом

бизнесе, в котором он начал свою карьеру и захватил максимально возможный контроль над добычей и транспортировкой углеводородов всей страны. В течение последних пяти лет кабинет премьер-министра Карима Масимова, близкого к кулибаевским кругам, целенаправленно и успешно проводил форсированную политику «ресурсного национализма», увенчавшуюся пересмотром соглашений о разделе продукции и вхождением КМГ (национальной нефтяной компании) и ФНБ в долю западных консорциумов, занимающихся разработкой всех стратегически важных месторождений страны.

Очевидно, что именно в качестве негласного, но явного лидера нефтегазового сектора Казахстана г-н Кулибаев полгода назад был введен в Совет Директоров ОАО «Газпром». Кроме того, на январь 2012 года была назначена косметическая операция государственной важности, разработанная не без участия западных пиарщиков и личных советников президента, вроде Тони Блэра — досрочные выборы демократического двухпартийного парламента с введением и легитимацией в республике института политической оппозиции. Специально под выполнение этого сценария Национальная экономическая палата Казахстана, председателем которой является все тот же г-н Кулибаев,

Именно усиление позиций группировки Гамалы в национальной экономике и в рядах НДП вызвало массовые протесты

была спешно преобразована в политическую партию с праволиберальной платформой. Одновременно в местных и зарубежных СМИ впервые состоялся недвусмысленный вброс информации о том, что г-н Кулибаев является вероятным преемником Назарбаева на посту президента. Скорее всего, публикация этой новости, распространенной крупнейшими информационными агентствами страны, должна была послужить чем-то вроде печатной гарантии для крупных зарубежных инвесторов, обеспокоенных на тот момент непредсказуемостью инвестиционного климата в Казахстане в случае ухудшения здоровья действующего президента.

Суть декабрьских событий в Мангистауской области довольно хорошо известна мировому сообществу, так что в описательных целях приведем здесь вкратце лишь основные факты. Жанаозен (бывший Новый Узень) — город, образованный в 1968 году посреди пустыни Мангышлакского полуострова, выросший вокруг газоперерабатывающего завода, обслуживающего близлежащие месторождения. Уровень развития инфраструктуры, водоснабжения, коммунальных услуг соответствующий. Трудоустройство по понятным причинам является практически безальтернативным и ограничивается исключительно нефтегазовым сектором и его обслуживанием.

В прошлом году у местных рабочих были изменены условия выплаты заработной платы, что повлекло за собой ее фактическое снижение в денежном выражении при получении на руки. При расчете зарплаты были упразднены отраслевой и территориальный коэффициенты, причитавшиеся местным работникам в соответствии с прежними положениями трудового законода-

По официальной информации, в результате столкновений были убиты 16 человек, по неофициальной — от 70 до 150.

тельства и связанные как раз с неблагоприятными социальными условиями, резкими сезонными изменениями погоды, плохой экологической обстановкой и т.п. Из-за понижения зарплат на предприятиях местных дочерних компаний КМГ начались забастовки с бессрочными акциями протеста на площадях, которые продлились дольше полугода и вызвали определенный международный резонанс. В частности, бывший вокалист «Police» Стинг мотивировал свой отказ от заявленного на празднествах в Астане выступления именно солидарностью с требованиями бастующих нефтяников Западного Казахстана.

Тем не менее, руководство компании-работодателя и отрасли в целом в лице Тимура Кулибаева отказалось идти навстречу требованиям стачечников, избрав силовой метод решения проблемы — массовые увольнения с «волчьим билетом», наем штрейкбрехеров, бескомпромиссный отказ от диалога с участниками протестов. То, что произошло дальше, разошлось по миру сообщениями множества изданий и видеосвидетельствами в интернете. Неудачный разгон манифестантов закончился вооруженными столкновениями, продлившимися несколько суток, с беспорядочным применением огнестрельного оружия.

ОППОЗИЦИОННЫЕ ГРУППЫ

По некоторым данным, в город были брошены силы ОМОНа из разных областей страны, морская пехота, бронетехника, патрульные вертолеты, были блокированы электроснабжение,

социальные сети и мобильная связь, введен комендантский час. По официальной информации, в результате столкновений были убиты 16 человек, по неофициальной — от 70 до 150. Президент, выходец из рабочего класса, бывший металлург, прошедший бюрократическую школу КПСС, посетил место происшествия и по-своему разобрался с ситуацией. Он в очередной раз изменил баланс сил в стране путем перетасовки остающихся подконтрольными ему кадров, отправив в отставку Кулибаева и некоторых членов его команды, заменив их представителями «старой гвардии». Возможно, главную роль в случившейся трагедии и впрямь сыграла «неспособность» первых «справиться с трудовым конфликтом», или, проще говоря, абсолютное незнакомство молодой олигархической и технократической поросли, заполнившей ряды власти, с реальностью повседневной жизни простых людей, обеспечивающих себя и свои семьи посредством наемного труда. Насколько эта мера способна отдалить неизбежный передел власти и экономических активов в стране с более или менее драматичными последствиями, пока непонятно. Но факт в том, что несостоявшийся преемник, спровоцировавший своими действиями жанаозенскую трагедию, нанес самый тяжелый и, вероятно, непоправимый урон режиму своего тестя.

Впрочем, отставкой Кулибаева последствия жанаозенской трагедии не ограничились. В профилактических целях органы госбезопасности через месяц после конфликта в Жанаозене провели

обыски и аресты активистов оппозиционной партии «Алга» и главного редактора газеты «Взгляд», в свое время распространившей заявления беглого олигарха Мухтара Аблязова о нарушении Кулибаевым законодательства Казахстана в ходе приватизации целого ряда национальных нефтегазовых активов. Этим лицам были предъявлены обвинения в призывах к насильственному свержению конституционного строя РК.

Вообще, в каком-то смысле эволюция политической системы Казахстана с ее подчас курьезными трансформациями может служить пособием по отработке технологий «интегрированного спектакля». По итогам парламентских выборов 22 января 2012-го в нижнюю палату прошли даже не две, а три партии, вместе с коммунистами из КНПК. Коммунистическая народная партия Казахстана, в настоящее время налаживающая все более тесные контакты и межрегиональное сотрудничество с зюгановской КПРФ, была образована в 2004-м году после раскола в КПК (Коммунистическая партия Казахстана). Раскол произошел после того, как секретарем КПК был цинично назначен один из представителей крупного бизнеса. Дело в том, что в начале нулевых часть национальной олигархии, пострадавшей в ходе процессов консолидации капиталов и от открытого рейдерства со стороны старшего президентского зятя Рахата Алиева, объединилась в оппозицию действующему режиму, выдвинув политические требования. В качестве пушечного мяса для организации возможных уличных протестов они привлекли в свои ряды верхушку массовой КПК, сформировав таким образом «Демократический выбор Казахстана».

Эволюция политической системы Казахстана с ее подчас курьезными трансформациями может служить пособием по отработке технологий «интегрированного спектакля».

С тех пор этот странный симбиоз антиназарбаевских сил безуспешно пытается раскачать ситуацию в стране, используя без разбора весь спектр протестных настроений, способных нанести ущерб установившемуся статус-кво и конкретно президенту республики: от популизма до ксенофобии. ДВК был практически сразу же обезглавлен, когда оба его лидера: Г.Жакиянов, бывший губернатор Павлодарской области, и М.Аблязов, владелец БТА, второго по активам банка страны — были приговорены к более или менее длительным срокам тюремного заключения по обвинениям в коррупции. Н. Субханбердин, владелец другого системообразующего банка, АО «Казкоммерцбанк», занимающего первое место по размерам активов и собственного капитала, вышел из ДВК на следующий же день после его образования, возможно, передумав после личной встречи с президентом.

Однако инерция и пассивность казахстанского общества, во многом обусловленные относительным благосостоянием нулевых годов и благоприятным положением на нефтегазовом рынке, наносит всем амбициозным планам и расчетам оппозиционного фронта гораздо более ощутимый урон, чем все репрессивные меры полицейской и судебной исполнительной машины вместе взятые. Уже около десяти лет оппозиция регулярно проводит свои санкционированные акции протеста в рабочих микрорайонах Алматы, на окраине города, в тени перемещенных сюда же со старых центральных площадей па-

мятников Ленину и Калинин: они отличаются смехотворной, даже по меркам СНГ, малочисленностью. В лучшем случае ей иногда удается мобилизовать пару-тройку дюжин зевак.

В январе 2005-го организация ДВК была распущена решением специализированного экономического суда Алма-Аты. После чего ее радикальное, прозападное крыло сформировало незарегистрированную партию «Алга», вокруг которой тогда сложился предвыборный блок «За справедливый Казахстан». Этот блок выдвинул на президентских выборах 2005-го своим кандидатом г-на Жармахана Туякбая, преспокойно занимавшего должность генерального прокурора РК всю первую половину девяностых, а непосредственно перед переходом в оппозицию бессменно председательствовавшего в нижней палате парламента с 1999 по 2004 год. На тех выборах он успешно набрал 6,61% голосов, занял второе место, после чего на основе блока ЗСК сформировал со своими единомышленниками Объединенную социал-демократическую партию, которая «назвалась груздем» настолько убедительно, что в прошлом году была даже принята во II Интернационал. Обе организации в последнее время действуют в тесной смычке с крайне правыми. Помимо всевозможных западных фондов и грантов, пожалуй, наиболее ощутимую поддержку их деятельности, в том числе информационную и финансовую, осуществляет все тот же Мухтар Аблязов.

Лозунг «Казахстан для казахов» на деле еще более абсурден, чем лозунг «Россия для русских», и опасен, в первую очередь, для самих праворадикалов.

Освободившись из тюрьмы досрочно, он сумел бежать в Лондон с деньгами, и в настоящее время объявлен в международный розыск не только генпрокуратурой Казахстана, но и Тверским райсудом Москвы. Связано это как раз с махинациями по вывозу и отмыванию капиталов (на общую сумму от 3,5 до 5 млрд долларов США) через масштабные проекты в РФ, такие как приобретение земли под возведение города-спутника в Домодедово, участие в строительстве ММДЦ «Москва-сити», сооружение океанариума на Поклонной горе и многие другие.

По иронии судьбы ныне свое лондонское изгнание, тяготы политической эмиграции и замыслы по свержению действующего режима Аблязов делит со своим бывшим гонителем и врагом, некогда генерал-майором национальной безопасности, Р.Алиевым, в 2007-м также объявленным в международный розыск и заочно приговоренным к 20 годам лишения свободы в колонии строгого режима по делу о подготовке государственного переворота. Видимо, именно Аблязову принадлежит инициатива по сращиванию прозападной, либеральной оппозиции с националистами, чья провокационная риторика в первую очередь направлена против русскоязычного населения, а во вторую разыгрывает карту синифобии.

КАЗАХСКИЕ ФУНДАМЕНТАЛИСТЫ

Как и схожие течения в других странах, эти люди начинают все более активно спекулировать на различных аспектах идеи о преобладании «права крови» над «правом почвы» и отчетливо демонстрируют тенденцию к дальнейшей радикализации своей программы. На данный момент крайне правый актив представлен карликовой организацией, опирающейся на массы сельской и провинциальной молодежи, традиционно населяющей университетские кампусы Алма-Аты. Самой громкой их акцией пока стал сбор в студенческих общежитиях восьми тысяч подписей под обращением, направленным против политики тандема Масимова и Кулибаева. В частности, в данном обращении содержалось требование отставки

Масимова и протест против возможной передачи президентской власти Кулибаеву.

Тем не менее, в потенции, даже в случае перекрытия каналов поддержки из-за рубежа, новоявленные радикальные националисты все же имеют шанс занять определенное место у политической кормушки, а в случае успеха — даже подливать рост межнациональной напряженности в стране. С непредсказуемыми последствиями. Ведь их идеи явно или скрытно разделяют как некоторые высокопоставленные государственные чиновники, так и многочисленные мелкие сошки в органах исполнительной власти на местах. Последствия непредсказуемы в первую очередь из-за количественного соотношения титульной нации (60% от общей численности населения, а не 80% как в России, причем еще недавно, в период до развала СССР, этот показатель составлял 40%). Поэтому лозунг «Казахстан для казахов» на деле еще более абсурден, чем лозунг «Россия для русских», и опасен, в первую очередь, для самих праворадикалов. Кроме того, в областях последние год-полтора все выше поднимает голову ваххабитское подполье.

Больше всего это движение смахивает на некую новую разновидность молодежной субкультуры, поверхностно заточенную под каноны религиозной доктрины. Часто основа этих группировок состоит из молодежи восьмидесятых годов рождения, проявляющей избыточную склонность к использованию огнестрельного оружия и взрывчатых веществ в качестве аргументов.

Идеологические установки, как правило, импортируются через интернет с Северного Кавказа и из других регионов РФ. В прошлом году вооруженный конфликт между группой молодых сельчан, исповедующих ваххабизм, и местными правоохранительными органами разгорелся в западных регионах, расположенных между Актюбинском и Кызыл-Ордой. Согласно свидетельствам очевидцев, группировка промышляла врезками в пролегающий по территории района нефтепровод, и конфликт с местной полицией изначально носил сугубо экономический характер. Тем не менее, он закончился физическим уничтожением этой группы, обошедшимся также ощутимыми потерями полиции и спецназу, стянутому, как и в случае с Жанаозенем, из всех регионов страны.

Незадолго до этого молодой фундаменталист произвел самоподрыв в здании актюбинского КНБ (бывший КГБ), а сразу после

Начиная с девяностых, Казахстан и казахстанское общество довольно часто играли роль своеобразного полигона для пилотного тестирования непопулярных в народе мер

этих событий на закладываемой у мэрии взрывчатке в нефтяной столице Казахстана, г. Атырау (бывший Гурьев), подорвался еще один активист ваххабитского подполья. За этим последовала атака камикадзе, вооруженного пистолетом Макарова, двумя карабинами, автоматом Калашникова и гранатометом РПГ-26, на органы охраны правопорядка и национальной безопасности на юге страны, в г. Тараз (бывший Джамбул), и ликвидация еще одной вооруженной до зубов ячейки в Бурундайском районе Алма-Атинской области, в непосредственной близости от мегаполиса, во время которой погибло еще два бойца спецназа КНБ. Лидер этой ячейки был вскоре уничтожен в Кызыл-Орде.

Во всех последних случаях ответственность на себя брал так называемый джамаат «солдат Халифата», верхушка которого, явно состоящая из индоктринированной молодежи, вроде вышедших в оффлайн интернет-воинов, по официальной версии уже базируется в приграничных районах АфПака. Разумеется, ваххабитское подполье также не просто возникло и в одночасье развилось на пустом месте. Очевидно, что оно пользуется тайной поддержкой отдельных влиятельных лиц внутри страны, готовых использовать эти силы при уходе президента и начале борьбы за власть. В случае развития этого сценария не стоит сбрасывать со счетов и Тимура Кулибаева, далеко не окончательно утратившего влияние на экономику страны.

ПОСТСОВЕТСКИЙ ПОЛИГОН

Совсем недавно он вновь заставил говорить о себе российские СМИ, по сообщениям которых именно он стоял за рекордной на рынке коммерческой недвижимости сделкой по продаже питерского торгового центра «Галерея» за 1,1 миллиарда долларов США американскому инвестиционному фонду Morgan Stanley. Еще одной сенсацией, последовавшей за парламентскими выборами, стала процедура вотума доверия, в результате которой во главе нового кабинета министров остался Карим Масимов. Корреспондент газеты «Коммерсантъ» А. Габуев в интервью, взятом у Масимова как раз по случаю его нового премьерского срока («Коммерсантъ» от 23 января 2012 г.), сконцентрировал большую часть острых вопросов именно на последствиях отставки Кулибаева, хотя он так ни разу и не назвал его имени.

Во-первых, «Ъ» интересовала достоверность слухов о возможной реорганизации ФНБ с передачей нефтяной монополии и железных дорог в ведение соответствующих министерств, которые премьер лаконично опроверг. Во-вторых, корреспондентом были заданы вопросы об утверждении бюджетов второго и третьего этапов освоения месторождений Кашаган и Карачаганак соответственно, по поводу которых «очень нервничают инвесторы». Здесь премьер анонсировал начало новой фазы переговоров, также напрямую увязанной им с сохранением структуры кабинета. В-третьих, Масимова попросили

дать комментарий о дальнейшей судьбе экспансии «Еврохима» в Казахстане. Эта компания заключила в прошлом году крайне выгодное для себя соглашение с казахстанской стороной о строительстве завода минеральных удобрений, исключительно благодаря лоббистскому весу Кулибаева, личного друга ее владельца А. Мельниченко. Выгоден этот проект в первую очередь благодаря исключительной дешевизне ресурсов, газа и рабочей силы, в которые Мельниченко инвестирует в разы меньше, чем это обошлось бы ему на территории РФ. Премьер-министр подтвердил неизбежность соблюдения заключенного соглашения и сообщил, что газ, требующийся для реализации проекта, будет поставляться «из западных районов Казахстана», причем «часть расходов правительство будет компенсировать».

В этом контексте любопытно отметить, что, начиная с девяностых, Казахстан и казахстанское общество довольно часто играли роль своеобразного полигона для пилотного тестирования непопулярных в народе мер, таких, например, как либерализация КЗоТа или пенсионная реформа, проведенные в этой стране раньше, чем в России и других постсоветских республиках. Обладая самой развитой финансовой системой в СНГ, Казахстан также первым принял на себя удары глобального ипотечного кризиса. Заходя в обобщения еще дальше, можно предположить, что именно в странах будущего Евразийского Союза на наших глазах формируется и развивается новая форма взаимоотношений власти с населением под названием «управляемой» или «суверенной» демократии, которая, вероятно, будет претендовать на определенную универсальность на всемирном уровне в посткризисный период.

Ги Дебор в своих «Комментариях к обществу спектакля» в 1989-м выдвинул теорию о появлении общества «интегрированного капитала», в котором наиболее эффективно будут сочетаться политические технологии тоталитарных режимов прошлого («сконцентрированный спектакль») и западной либеральной демократии настоящего («рассеянный спектакль»). На наш взгляд, эта теория находит себе полное подтверждение в наши дни, прекрасно отражая суть политических процессов, происходящих на территории бывшего СССР после 2000 года.

Комуана

ОЛИГАРХИ НЕ ВЫСТУПАЮТ ЕДИНЫМ ФРОНТОМ

Украинская версия периферийного капитализма.

Бывший президент Украины Леонид Кучма написал в свое время фундаментальный труд под названием «Украина — не Россия». Эта книга породила много шуток и издевательских комментариев. Не знаю, были ли они заслуженными. Мне не доводилось встречать людей, которые продвинулись бы в ее изучении дальше названия. Но с заголовком не поспоришь. Леонид Кучма, при всей своей злобности, лживости и жестокости был самым умным человеком из всех, кто когда-либо возглавлял это государство. В отличие от прочих своих коллег, он не страдал идиотизмом в клинической стадии и умел подмечать очевидные вещи. Украина существенно отличается от России. Это действительно разные страны. Невзирая на все сходство постсоветских капиталистических режимов, украинская версия периферийного капитализма обладает своей спецификой. И пусть наша местечковая политика тоже является лишь частью глобального спектакля, но и декорации, и игра актеров существенно отличают Украину от соседей.

ХИЩНИКИ И ЧУЖИЕ

Первое фундаментальное отличие между Украиной и Россией заключается в том, что у нас все еще жива старая добрая буржуазная политика. Да, в Верховной Раде действительно идут

споры, часто перерастающие в драки. Оппозиция в силах тормозить принятие законов, выгодных власти и это может здорово подпортить настроение правителям. Даже выборы не являются стопроцентной фикцией. Разумеется, все парламентские партии кормятся из рук олигархов и вынуждены лоббировать интересы крупного капитала. Но олигархи не выступают единым фронтом и конфликты денежных мешков создают иллюзию реального политического процесса. Акулы капитала, почуявшие кровь собратьев, с аппетитом их пожирают. Поэтому они так боятся за свою шкуру.

При определенной доле везения, мы вполне можем нанести им пару царапин — забастовки на производстве и уличные акции протеста могут стать эффективным способом давления на власть и капитал. В Украине сегодняшняя оппозиция — это вчерашняя власть, а сегодняшняя власть — вчерашняя оппозиция. И те, и другие — одинаково лживые мерзавцы. И те, и другие продвигают одинаковую неолиберальную и неоконсервативную политику. Но, потеряв бразды правления, вчерашние лоббисты рыночных реформ и «сильной руки», становятся популистами, внезапно вспоминают о социальной справедливости и мешают своим коллегам принимать непопулярные законы. Именно таким образом тормозится принятие трудового кодекса, превращающего наемных работников в крепостных XXI века, или же закона о собраниях, делающего невозможными мирные акции протеста.

Таким образом, противоречия между политиками полезны как «несистемным» уличным активистам, так и простым людям. Пришедшую в 2010 году к власти «Партию регионов» многие сравнивают с «Единой Россией». Действительно, команда Януковича пытается закрутить гайки по российскому образцу. Но для того, чтобы построить настоящую диктатуру, им не хватает ресурсов. У Путина в нулевых была нефть, была война в Чечне, подарившая стране единый образ врага. Была харизма. Это

сейчас ботексный дедушка вызывает лишь смех, свист и улюлюканье. В начале карьеры Путина, способного самостоятельно стоять на ногах и произносить связные речи, обыватель принимал нового национального лидера с восхищением. У Януковича нет ни ресурсов, ни харизмы, ни подходящего врага. Нет политической воли. Нет единой идеологии, способной объединить страну. Нет ничего, кроме личного вертолета, кортежа с мигалками и желания подольше просидеть в кресле.

ДВА ПРАВЫХ ГЛАЗА

В Украине национальная тема является смыслообразующим фактором в политике. В России национал-демократы и национал-либералы являются сравнительно новым конструктом. Русский национализм всегда подразумевал имперство, либерализм всегда ему противоречил. Слияние двух этих концепций происходит лишь в последнее время. Как правило, национал-демократы — это либо вчерашние ультраправые людоеды, ищущие респектабельности, либо либералы, решившие половить электоральную рыбку в мутноватой патриотической воде. В Украине дело обстоит не так. Здесь нацдемы — старая политическая сила, игравшая ключевую роль в местной политике еще с советских времен.

Диссидентское движение в Украине с самого начала во многом носило национально-освободительный окрас. Оранжевая революция 2004 года привела к власти именно нацдемов, и, несмотря на то, что они здорово дискредитировали себя за время правления, их идеология до сих пор остается одной из доминирующих в стране. Нацдемам противостоят разномастные пророссийские силы. Именно русский национализм стал доминирующей идеологией местных карикатурных постсоветских «коммунистов». Идеи социальной справедливости, даже в их искаженной сталинистской интерпретации, сменились буржуазным популизмом, замешанным на религии и «традиционных ценностях». «Коммунисты» здесь стоят

на митингах рядом с черносотенцами под одинаковыми лозунгами о «единстве славянских народов».

«Партия регионов» также использовала в своей пропаганде русскую национальную риторику: языковой вопрос, поддержка православия Московского Патриархата, налаживание политического и экономического сотрудничества с Россией. Именно противостояние между Востоком и Западом и позволило им выиграть последние президентские выборы. Есть в Украине и радикальные националисты, более того, они имеют реальные шансы оказаться в Верховной Раде на следующих выборах. Партия с издевательским названием Всеукраинское Объединение «Свобода» играет роль пугала как для русскоязычных жителей страны, так и для западных наблюдателей. Одна из участниц этой партии ходит по детским садам и оскорбляет детей с «недостаточно украинскими» именами, другой на митинге призывает вешать жидов и москалей, третий — покрывает преступления уличных неонацистов. Еще несколько лет назад рейтинг «Свободы» не достигал до процента, теперь же она выиграла муниципальные выборы в паре западных регионов, и имеет реальный шанс создать собственную фракцию в Верховной Раде.

Откровенные фашисты во власти играют ту же самую роль, что и коммунисты в 90-е годы. Управляемый манкурт, безопасный, но достаточно страшный, чтобы произвести впечатление на Запад, либералов и, самое главное, избирателей. Оказавшись перед выбором: туповатая и жадная «Партия регионов» или же безумная и фанатичная «Свобода», все выберут меньшее зло. Национал-демократы в Украине страдают от болезни, которая поражает их идейных коллег по всему миру — слепоты на правый глаз. Это особенно забавно, если учесть, что оба глаза у наших политиков — правые. При каждом удобном поводе критикуя русских националистов, они в упор не замечают их украинских коллег. Аналогичным образом, имперские шовинисты выступающие против «бандеровцев» любят называть себя «антифашистами». Только вот их антифашизм странным образом гармонирует с сталинизмом, клерикализмом, монархизмом или всем вышеперечисленным сразу. Русский и украинский национализмы натравливают друг на друга трудя-

щихся, которым одинаково тяжело и во Львове, и в Донецке. Политики при каждом удобном случае нагнетают конфликт между западными и восточными регионами.

ДЕЛО ТИМОШЕНКО

Amnesty International вполне оправданно отказалась признавать экс-премьера Юлию Тимошенко узницей совести. Очевидно, что посадили ее не из жадности справедливости, а из желания уничтожить крупнейшего политического конкурента действующей власти. Но дело не в идейном противостоянии, а в разборках двух преступных кланов. Точно также очевидно, что Тимошенко ограбила эту страну на многие миллионы. Ее руки по локоть в крови, как и руки любого другого крупного политика. Она успела от души поуправлять Украиной, имея в роли премьер-министра больше полномочий, чем президент.

И именно потому, что люди хорошо помнят ее правление, на защиту Юлии Владимировны вышли лишь профессиональные политики, провокаторы и безумные старушки. Януковича сейчас многие сравнивают с Путиным. На самом деле, на Путина гораздо больше похожа именно Тимошенко. На Путина, которому не повезло. Действующий президент Украины не харизматичен и не современен, он гротескно глуп и культ его личности напоминал бы дурную шутку. Тимошенко же, напротив, похожа на предводительницу харизматичной секты. Даже на выборы ее сторонники шли в составе донельзя персонифицированного «Блока Юлии Тимошенко». Вся предвыборная кампания строилась на абсолютистской формуле «Юля = Украина». Тимошенко — это Путин, который неожиданно проиграл выборы Зюганову. Незадолго до своего поражения на президентских выборах она обещала построить в стране «диктатуру закона», и в том, что происходит с ней сейчас, есть своеобразная ирония. Янукович и компания реализуют на практике то, что для Тимошенко было отдаленными планами. Это касается как разборок с конкурентами и ограничения демократических свобод, так и неолиберальных реформ в сфере экономики.

НЕОЛИБЕРАЛЬНЫЕ ДЕ-ФОРМЫ

Трудовой кодекс — это одна из ключевых деформ («реформ наоборот»), продвигаемых украинским правительством. Вернее сказать правительствами. Кодекс

пытались принять при Тимошенко, его же пытаются сделать и сейчас, при Азарове-Януковиче. Его автором является Василий Хара, бывший председатель ФПУ, официальной федерации профсоюзов. С принятием этого закона работники теряют немногие сохранившиеся у них права, наниматели же получают почти безграничную власть. Рабочая неделя удлинится и теперь люди будут больше трудиться за меньшие деньги, до 12 часов в день. После принятия закона любой сможет быть уволен без согласования с профсоюзом, профсоюзы вообще остаются без каких-либо реальных рычагов для воздействия на работодателя. Есть нечто особо циничное в том, что закон уничтожающий трудовые права написан человеком, представляющим организацию, которая должна символизировать их защиту. С другой стороны, во многом именно благодаря Василию Харе многие работники поняли реакционную суть официозных управляемых профсоюзов, которые не дотягивают даже до уровня трейд-юниона.

Сейчас украинские профсоюзы все больше и больше дрейфуют влево и радикализируются. И хоть далеко не все из них становятся анархистскими или ревсиндикалистскими, но они, по крайней мере, потихоньку склоняются к старому доброму трейд-юнионизму и классическому лейборизму. По сравнению с тем продажным конформистским болотом, которым было украинское профсоюзное движение еще несколько лет назад, даже тот умеренный протест, который оно позволяет себе сейчас, является колоссальным рывком вперед. Когда выступления против Трудового Кодекса только лишь начинались, ими занималась небольшая группка анархистов и либертарных марксистов, и мало кто из них верил в успех. В лучшем случае планировалось использовать удачный медиаповод для привлечения новых людей в протестное движение. Но, совсем неожиданно, звучный слоган «Рабский КЗОТ не пройдет» и еще более лаконичный «Харе в харю!» нашли широкий отклик.

Сегодня риторику, разработанную левыми радикалами, используют даже парламентские политики и профсоюзные функционеры. Плевать и на политиков, и на функционеров, но эту риторику слышат и воспринимают в первую очередь реальные работники. И они видят, что

восстание бесполезно. Нам, простым людям, можно выступать против власти и вполне успешно. Своим проектом Трудового Кодекса власти невольно подарили нам замечательный инструмент для радикализации населения. Пенсионная реформа таким инструментом, к сожалению, не стала. Ее название уже звучит обманчиво. Люди, не читающие законов, и ограничивающиеся заголовками ошибочно полагают, что «пенсионная реформа касается лишь пенсионеров». На самом деле, все наоборот. Ударит она в первую очередь по молодежи. Пенсионный фонд превратится в финансовую пирамиду наподобие МММ, и выиграют от нее только банкиры. Первый этап закона был принят, второй — еще впереди, так что борьба проиграна не до конца. Налоговый кодекс, принятый в прошлом году, спровоцировал массовые выступления предпринимателей.

Мелкий и средний бизнес ущемляли в угоду крупному, лавочки были вынуждены выступить против олигархов. Протесты против налогового кодекса оказались не слишком успешными — во многом по вине политиканов, попытавшихся взять их под свой контроль и использовать для саморекламы. В украинских реалиях присутствие профессионального политика является предвестником провала любого движения. Акции протеста успешны до тех пор, пока этот протест остается низовым. Самоорганизация способна напугать власть куда больше, чем дельцы из конкурирующей партии. Как только у кампании появляются политически-ангажированные лидеры — она тотчас же сливается. Это хорошо понимают как мелкие оппозиционеры, так и власть имущие. Поэтому вторые часто помогают первым, подкармливают их, помогая выпустить пар и направить протестные настроения в безопасное русло.

ГРАНИТ НАУКИ — ТОЖЕ БУЛЫЖНИК!

Отдельно следует остановиться на ситуации с образованием. Оно тоже оказалось под прицелом неолиберальных деформаторов. Университет из места научного поиска и интеллектуального самосовершенствования, превращается в фабрику, где из людей за их же деньги штампуют более дорогих специалистов. Творческому поиску, академическим свободам и какому-либо вольнодумству в

этой системе места нет. «Социальным лифтам» тоже. Для того, чтобы учиться бесплатно придется быть гением, и то не факт, что повезет найти свой рыбный обоз. Но на данный момент образовательная реформа натолкнулась на хорошо-организованный низовой протест, существенный вклад в который внесли и анархисты, и леваки. В частности, синдикалистский профсоюз «Пряма Дея» несколько лет подряд способствовал блокированию распоряжения «О платных услугах в ВУЗах» и самого закона о высшем образовании. Различие между левыми и паразитирующими на социальной риторике правыми особенно ярко проявляется именно в ходе противостояния новым реформам.

Министр образования Дмитрий Табачник для украинских националистов — как красная тряпка для быка. Этот неприятный тип позволяет себе резкие, часто ксенофобские высказывания в адрес жителей Западной Украины, он говорит на русском языке, исповедует «московскую» версию православия. Поэтому все нападки справа сводятся к «антиукраинской» сути министра, претензии к нему сводятся к национальному вопросу, социальная составляющая отходит на второй план. Табачник играет роль своеобразного громомолота, очень выгодного властям — нацисты всякий раз пытаются выйти на студенческие демонстрации с антисемитскими и ксенофобскими антиросийскими лозунгами и таким образом дискредитируют всю кампанию. Впрочем, захватить образовательную тему им так и не удалось, настоящие студенты чувствуют неискренность ультраправых пропагандистов и предпочитают аполитичные акции с социальной риторикой.

АНАРХИЯ ИЛИ ХАОС

Янукович одновременно мечтает о «вертикали власти» и однопартийном режиме по российскому или, еще лучше, белорусскому образцу, но не обладает ресурсами, которые позволяют ему это построить. Для того, чтобы диктатура была устойчивой, кнут нужно чередовать с пряником. Украинская власть все чаще берет за кнут, но вместо пряника может предложить разве что заплесневелый сухарь. Янукович хотел бы дружить и с Европой и с Кремлем, сохраняя любовь как «роевропейской», так и «пророссийской» части электората, но это невозможно. Европа соглас-

на целовать руки диктаторам только лишь в том случае, если они следят за чистотой, а кровь в этом сезоне отмывается только лишь нефтью. Если Путин позволяет себе дружить с европейскими лидерами, в то время как бывшие лидеры прислуживают ему в «Газпроме», то с Януковичем Запад вполне может изобразить принципиальность. Украинская власть находится в тупике: между голодным бунтом и разорением, между диктатурой и потерей влияния. Мировой экономический кризис и идеологический кризис неолиберализма заставляют все больше сомневаться в перспективности реформистского сценария.

Революция в наших условиях — это не романтическая мечта и не утопия, а единственная внятная политическая альтернатива наступающему тоталитарному хаосу. Грядущий бунт будет не сытым, а самым, что ни на есть, голодным. И для того, чтобы дело не ограничилось очередным путчем, меняющим марионеток у власти — Украине нужно децентрализованное революционное движение, распространяющее либертарную политическую культуру в широких массах. Один из способов создать его — активное участие анархистов в социальном протесте (будь то выступления за права льготников, или против незаконной застройки), и, особенно, в борьбе на рабочих местах. Как правило, борьбе ненасильственной, чаще всего даже не противоречащей уголовному кодексу.

Революция должна ставить в первую очередь радикальные цели, радикальные же средства далеко не всегда оказываются самыми эффективными. Синдикализм в Украине сегодня является не начетничеством или исторической ролевой игрой, а реальной революционной практикой. Классовый конфликт между работником и капиталистом неотделим от извечного противостояния человека и государства. Списывая пролетариат в утиль, многие теоретики слишком уж идеализировали европейский капитализм с человеческим лицом. С приходом кризиса это лицо опять начинает походить на кровожадного монстра из малобюджетного хоррора. Режиссеры фильмов ужасов учат нас, что убить оборотня можно только лишь серебряной пулей. Бородатые классики учат, что свободное бесклассовое общество будет построено лишь после победы над капиталом и полной ликвидации частной собственности. Следует прислушаться и к тем, и к другим.

Shitman

СОПРОТИВЛЕНИЕ

ГОЛОДОВКА

Зачем начинать и как закончить?

Даже связанные по рукам и ногам продолжают борьбу. Когда в руках нет оружия, когда рядом нет друзей, загнанные в клетку или просто изолированные от общества, держа удар государственной машины, решившие идти до конца, находят возможность действовать. Отказ от приема пищи — выбор людей стальной воли. Тех, кто готов поставить на кон свое здоровье и даже жизнь.

ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

Голодовка — это оружие, и, как с любым оружием, с ней нельзя шутить. Если ты не уверен в себе, если не уверен на 100%, что это — единственный возможный способ сопротивления, и он будет нести какой-то смысл и какие-то последствия кроме собственных болезней — лучше не начинать. Нам не нужны мученики, нам нужно достижение целей. Мы не должны переоценивать и недооценивать голодовку, как и любое оружие, которое мы держим в руках. Помня о том, какую силу она несет, мы не должны забывать и о героях, отдавших свои жизни, решив идти до конца. О зоозащитнике Барри Хорне, приговоренном к 18-летнему заключению за поджоги и разрушение имущества компаний, связанных с вивисекцией. Будучи в тюрьме, Барри трижды объявлял голодовки. Последняя из них продлилась 68 дней и завершилась гибелью эколога от

печеночной недостаточности. Мы должны помнить о Хольгере Майнсе, участнике первого поколения RAF, вместе со своими товарищами голодавшем в тюрьме. Майнс добивался лишь гласного суда, возможности выступить вместе со своим адвокатом и вызывать свидетелей защиты. Он так и не отступил и скончался после восьминедельной голодовки. Западногерманские таблоиды печатали фото мертвого партизана на первых полосах. Совсем еще недавно красивый молодой парень, которому не было тридцати, был больше похож на старика, истощавшего, заросшего бородой. Не стоит забывать и о русских анархистах, умиравших в 30-х годах в сталинских концлагерях, отказываясь от еды до тех пор, пока им не вернут статус политических заключенных.

Все новые и новые случаи сознательного отказа от употребления пищи в заключении происходят и в наши дни. Можно назвать хотя бы чилийских анархистов, обвиняемых

во взрыве посольств Швейцарии и Чили в Италии и других «бомбовых» атаках. Отказавшись от еды, они требовали своего немедленного освобождения, прекращения судебных и полицейских фальсификаций и отмены чилийского 282 — «анти-террористического» закона. Всего голодало 9 из 14 задержанных. Их требования, разумеется, не были выполнены — собственный престиж для государства важнее молодых «бандитов». Но по всему миру развернулась компания солидарности с чилийскими товарищами, и о героях узнали по всему миру — от Австралии до Беларуси. Кстати, летом 2011-го, во время массовых акций протеста учащихся и преподавателей в столице Чили Сантьяго, 30 школьников объявили голодовку в знак протеста против платного высшего образования и перехода на «Болонскую систему». Она вкупе с большими манифестациями и массовыми беспорядками имела большой резонанс в международных СМИ.

На другом полушарии, в греческих тюрьмах, совсем недавно голодали бомбисты из «Заговора огненных ячеек», требуя справедливого суда и прекращения репрессий против их товарищей на воле, не участвовавших в городской герилье и попавших под каток государственной машины исключительно за знакомства с людьми из ЗОЯ. Голодовка участников «Заговора» продлилась десять дней и прекратилась из-за разногласий среди заключенных. Одна из них — Константина Каракатсани — вопреки общему решению заявила, что не отказывается от услуг предоставленных государством адвокатов. По мнению остальных, такая позиция нарушила их единство, и продолжать голодовку стало бессмысленно. Участники ЗОЯ получили тюремные сроки от 3 до 25 лет.

В Турции отказывался от приема пищи Осман Евкан. Попав в 1992 году

на 30 лет за решетку по обвинению в экспроприациях и участии в марксистско-ленинистской организации, Осман уже в заключении стал анархистом и веганом. Тюремное начальство отказывалось кормить его качественной веганской едой. Эвкан сообщал в письмах, что ему давали некачественную пищу, нередко напичканную химикатами и вредными добавками. Поначалу он покупал еду на свои деньги, но потом пошел на радикальный шаг. В случае с Эвканом тюремное начальство действительно испугалось голодовки, и анархист добился своего — права на достойную веганскую еду.

Наконец, в Санкт-Петербурге голодовку объявлял Филипп Костенко, дважды подряд арестованный на 15 суток якобы за участие в несанкционированных акциях протеста и нарушение общественного порядка, а фактически — за свою политическую и правозащитную активность. Филипп требовал освободить всех задержанных во время мирных акций протеста против партии власти и сфальсифицированных выборов в Госдуму. Несмотря на ухудшение состояния здоровья Костенко продолжал голодать все первые 15 суток, но после повторного заключения смысла в голодовке осталось мало — все задержанные ранее уже были на свободе, и Филипп возобновил прием пищи. Политическая активность Костенко, не остановившаяся даже взаперти, продолжала раздражать полицейских и после его выхода на свободу. Филипп неоднократно получал угрозу от сотрудников центра по противодействию экстремизму, а 3 февраля на него напали неизвестные, сломав Костенко ногу.

Нарастающая волна народного недовольства по всему миру, рост активности левых сил и прямопропорциональный ему рост государственных репрессий говорят о том, что голодовки будут объявляться все чаще. Даже на момент выхода этой статьи в печать список, приведенный выше, пополнится новыми товарищами, столкнувшимися с репрессиями или решившими проявить радикальный акт солидарности отказом от еды. Будут появляться они и в дальнейшем, кто-то от легкомыслия и на романтической волне, кто-то осознанно, попав в безвыходную ситуацию и трезво взвесив свои силы и необходимость такой формы борьбы.

Наконец, в Санкт-Петербурге голодовку объявлял Филипп Костенко, дважды подряд арестованный на 15 суток, якобы за участие в несанкционированных акциях протеста и нарушение общественного порядка, а фактически — за свою политическую и правозащитную активность. Филипп требовал освободить всех задержанных во время мирных акций протеста против партии власти и сфальсифицированных выборов в Госдуму. Несмотря на ухудшение состояния здоровья Костенко продолжал голодать все первые 15 суток, но после повторного заключения смысла в голодовке осталось мало — все задержанные ранее уже были на свободе, и Филипп возобновил прием пищи.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ

Важно не только перенести голодовку, но и правильно выйти из нее. Советский диссидент Анатолий Марченко, отбывая очередное наказание в лагере, держался без еды 117 дней, требуя освободить политических заключенных СССР. А через 12 дней после того как вышел из голодовки, был госпитализирован. В последний раз в жизни.

Основной совет прекращающим голодовку — делать все постепенно и прислушиваться к своему организму. Начинайте есть понемногу и, если нет рвоты, увеличивайте порции. Потенциальной проблемой для восстановления может стать нарушение микрофлоры кишечника. Поэтому в идеале для усвоения пищи желательно есть полезные бактерии (бифидум-бактерин) и пробиотики, еду для бактерий (например зубикор). Бактерии помогают нам переваривать еду. Поскольку во время голодовки они могут умереть, их нужно заново поселить и накормить. А только потом кормить себя.

В идеале питанию должен предшествовать прием глюкозы. Выпейте 50 грамм глюкозы, которую капают в вену больным, она продается во всех аптеках. Сделайте перерыв и, если организм не противится, повторите прием. Тем самым вы получаете уже готовую энергию, не требующую переваривания. Ее должно хватить для усвоения первой порции пищи. После

2-3-х приемов глюкозы вы должны почувствовать небольшой прилив сил. Если это произошло, и нет рвоты, через 30 минут можно приступать к еде. Начинать лучше всего с овощного супа. Картошка, морковка, брокколи, цветная капуста — все должно быть мелко нарезано. После 2-3 ложек подождите. Если нет тошноты, продолжайте. Хлеб лучше потреблять отрубной, в нем грубая клетчатка, а она пригодится. Обычный хлеб не рекомендуется. В первый день стоит воздержаться и от любого масла. Если организм хорошо принимает малое количество пищи, лучше увеличьте ее объем, более сложные блюда из привычного рациона лучше оставить на потом. Первое время рекомендуется употреблять растительную пищу, овощи и фрукты. Не приветствуется сырая еда. Не вегетарианцы могут добавить к этому молоко и рыбный бульон, но нежирный.

Если на каком-то этапе началась тошнота, и организм не принимает пищу, нужно подождать несколько часов и вернуться на предыдущий этап. Будьте аккуратны с нагрузками. Старайтесь увеличивать их, но постепенно. После длительной голодовки даже прием пищи — испытание для вашего организма. К интенсивным нагрузкам стоит переходить только после полного восстановления пищеварения, если нет проблем с тошнотой и стулом.

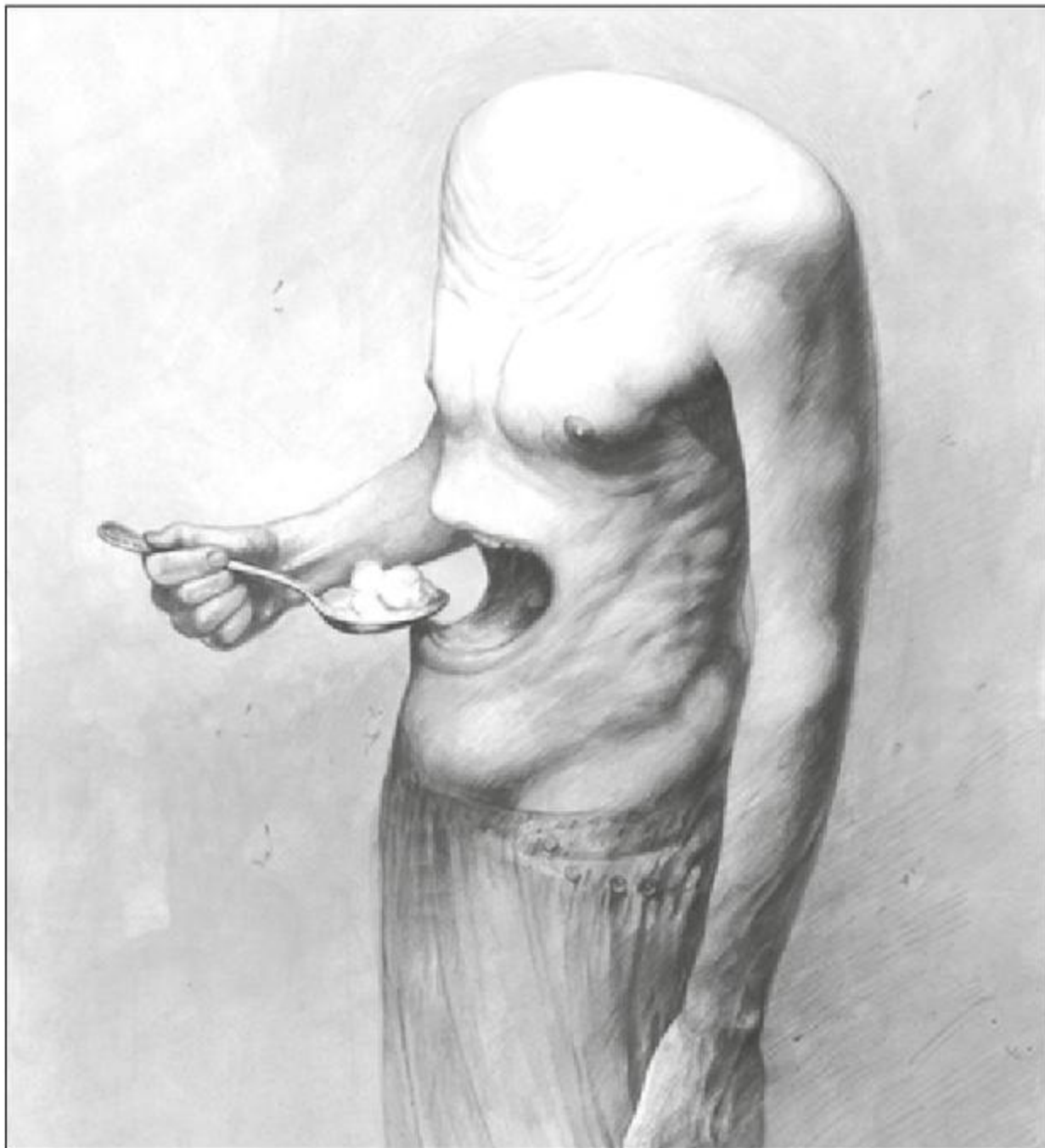
Берегите себя! И не сдавайтесь никогда!

Аркадий

Основной совет прекращающим голодовку — делать все постепенно и прислушиваться к своему организму. Начинайте есть понемногу и, если нет рвоты, увеличивайте порции. Потенциальной проблемой для восстановления может стать нарушение микрофлоры кишечника. Поэтому в идеале для усвоения пищи желательно есть полезные бактерии (бифидум-бактерин) и пробиотики, еду для бактерий (например зубикор). Бактерии помогают нам переваривать еду. Поскольку во время голодовки они могут умереть, их нужно заново поселить и накормить. А только потом кормить себя.

ГОЛОДОВКА или ДИЕТА?

Редакция «Автонома» в порядке полемики вокруг темы голодовки как оружия протеста решила перепечатать (в существенном сокращении и с незначительными изменениями) древнюю статью Петра Рябова «Голодовка или диета?» Впервые она была опубликована в 1992 году (!) в № 108 газеты Московской организации партии Демократический Союз «Свободное слово», но за прошедшие ровно 20 лет, как нам кажется, в значительной мере не утратила актуальности.

Как показывает исторический опыт, всякое реальное оппозиционное освободительное движение вырабатывает не только свои самостоятельные цели и средства борьбы с властью, но формирует что-то вроде этического кодекса (разумеется, неписаного!), регулирующего применение этих средств. Иными словами, даже такой крайний способ борьбы, как индивидуальный террор, применяемый народниками и социалистами-революционерами в России, не доходил до беспредела и был ограничен своего рода революционной этикой (например, недопустимость подвергать опасности во время терактов мирное население

и т.д.). Эти ограничения, складываясь стихийно, тем не менее жестко соблюдались и были обусловлены как соображениями целесообразности, так и общими нравственными ориентирами движения. Несмотря на ожесточенный характер борьбы, оппозиционеры прошлого во всех странах мира понимали ту очевидную истину, что не следует палить из пушки по воробьям, из дробовика — по слону и, главное, нельзя, стремясь к ненасильственному обществу, культивировать беспредельное насилие как форму борьбы. Поэтому, скажем, в России, вплоть до появления большевизма, нечаевщина осталась единственным инцидентом — случайным

и патологическим на фоне освободительного движения, ограничивающего себя определенными этическими рамками. (...)

Сегодня же, пока любая несанкционированная властями акция будет восприниматься политизированной публикой как «провокация» и «экстремизм», — разумеется, нечего и заикаться об оппозиции (хотя бы просто идейной и нравственной), с присущими ей целями и средствами борьбы. Без осознания того, что политическая жизнь сегодняшнего... СНГ есть Королевство Кривых Зеркал, без полного разрыва со «славным перестроечным прошлым» либеральной интеллигенции, без элементарного возвращения понятиям их изначального смысла, любое независимое, альтернативное, «внесистемное» движение здесь невозможно. Не замахиваясь, впрочем, на такую глобальную постановку проблемы, я хочу в этой заметке лишь проиллюстрировать ее одним частным примером — рассмотрением голодовки как формы борьбы в контексте исторического опыта и наших уникальных реалий.

...Осень 1990 года. Москва, Манежная площадь. Три десятка московских студентов героически объявили здесь суточную (!) голодовку со скромным требованием — немедленной отставки правительства Рыжкова (чего уж тут мелочиться — мы не хуже, чем в Пекине или в Киеве!).

...Осень 1991 года. Москва. Возле посольства СФРЮ держит многодневную голодовку некий гражданин — с еще более скромным требованием к президенту Ельцину — вступить в войну в Югославии на стороне Сербии против Хорватии.

А уж сколько было голодовок в последнее время с требованием снять какого-нибудь начальника или повысить заработную плату — это и перечислить невозможно! Еще бы, — для голодовки не нужен стачком, как для забастовки, не нужны даже плакаты, как для митинга, — нужны только энтузиасты. Голодовка — дешево и сердито (очень даже сердито!). Голодовки стали буквально «в каждой бочке затычкой», средством постановки любых, больших и малых, проблем, едва ли не признаком хорошего тона в нашей шизофренической «политике»

«А не объявить ли нам всем народом месячную голодовку протеста против политики правительства? — шутят мрачные остряки. — Глядишь — и брежневскую Продовольственную Программу выполним». А волна голодовок ширится по всей стране, и дело доходит уже до «часовых предупредительных голодовок протеста»¹.

Таков наш очередной оригинальный и бесценный вклад в историю освободительных движений².

Нечего и говорить, что подобные «голодовки» не способствуют серьезному отношению к их участникам, ведут к девальвации этой формы борьбы. Что может быть абсурднее, чем однодневная или двухдневная «голодовка» (скорее, — просто диета!) кучки людей, проводимая с крутыми и глобальными требованиями, или, напротив, длительная голодовка с риском для жизни — ради... какой-нибудь прибавки к жалованью или выплаты ликвидаторам-чернобыльцам положенных денег. Такие голодовки свидетельствуют о бессилии движения, неспособного привлечь внимание общественности иными средствами и зарабатывающего рекламу такими скандальными акциями, раздувающими его на миг до размеров мыльного пузыря. Но общественность привыкла, алергически пресытилась и уже давно воспринимает известия о бесчисленных «голодовках» еще более равнодушно, чем новые сообщения об очередных жертвах в Карабахе и Цхинвали. Неужели никому из участников подобного политического цирка даже не приходит в голову мысль о его постыдности? Да нет, эти мародеры, спускающие в один месяц моральный и символический капитал, накопленный годами и десятилетиями, вероятно, считают себя «продолжателями дела» диссидента Анатолия Марченко, погибшего во время голодовки в зоне на заре перестройки — с требованием освобождения политзаключенных в СССР³, Махатмы Ганди, не раз доводившего себя до полного истощения в отчаянных голодовках

против английского гнета, или китайских студентов, голодавших и раздавленных танками на площади Тяньаньмэнь в июне 1989 года...

Хороши продолжатели! Это не борцы, а трусливые нищие, выпрашивающие милостыню. Скорее, в числе их предтеч я бы назвал Васисуалия Лоханкина, днем «голодавшего», а ночью питавшегося втайне от жены, и доктора Чарльза Хайдера, который, протестуя против американской политики, на радость советскому телевидению, «голодал» у Белого Дома подозрительно долго — почти год (помню заунывные передачи программы «Время» начала 80-ых: «Пошел сотый день голодовки доктора Хайдера...»), остался жив, а потом, сделав свое дело, незаметно исчез со страниц совковой печати.

Мне даже как-то неловко напоминать (но приходится!), что голодовка — исключительная форма борьбы, и шутить с ней непозволительно не только потому, что подобные «шутки» вызывают у властей соответствующее отношение к «шутникам» (это, в конце концов, их проблемы!), но и потому, что дискредитируя и обесценивая голодовку акциями, подобными нынешним, мы предаем индийских гандистов, китайских студентов, американских негров (борцов за равноправие), русских диссидентов — всех тех, для кого голодовки были действительно единственным возможным путем борьбы и не раз доводили до гибели. *Однодневная (или даже недельная) голодовка — это нонсенс. Голодовка по определению должна быть смертельной, бессрочной — до победы или до смерти — иначе это пошлая и стыдная профанация.* Но и начинаться она может не по всяким пустякам текущей политической конъюнктуры и не из-за всякого социального недовольства, но лишь тогда, когда нет другого выхода. А такое, по-моему, возможно лишь в двух ситуациях.

Первая ситуация — это голодовка заключенных, не имеющих других эффективных форм борьбы за свое человеческое достоинство. Это тот послед-

ний акт отчаяния, когда уже исчерпаны все надежды, и остается, поставив на карту жизнь, либо умереть, либо отстоять свои неотъемлемые права.

Вторая ситуация — нечто, подобное голодовке студентов Пекина, когда, опять же, все иные формы борьбы испробованы, отступать уже некуда, — власть не реагирует, обществу нужен толчок, шок, и переход к насильственным действиям невозможен, например, по нравственным соображениям. Но, обращая внимание, голодовка пекинских студентов не была свидетельством их бессилия, ибо тысячи голодающих были поддержаны сотнями тысяч демонстрантов и забастовщиков (и демонстрации с забастовками предшествовали голодовке). У нас же — как раз наоборот: за голодовку сразу бессильно и легкомысленно хватаются, как за скандальную возможность выклянчить хоть что-нибудь у власти, не имея в груди решимости бороться до конца, а за спиной — мощного движения поддержки и давления.

В этом — еще одно существенное отличие наших «голодовок» от зарубежных: если за рубежом голодовки (как и любые другие акции оппозиции), апеллируют не к власти⁴, но к гражданскому обществу, то у нас — по причине полного отсутствия как оппозиции, так и гражданского общества — все действия, в том числе и голодовки, направлены исключительно вверх, к трону Власти, в надежде выпросить у нее подачку, умолить, расстрогать ее или добиться позволения «оппозиционерам» занять соответствующее место в иерархии государства. Таким образом, если оппозиционная борьба за рубежом представляет собой борьбу общества против власти, то у нас — вопреки вековой революционной традиции — это борьба политизированной публики не против власти, а за местечко в ней, не против ее патернализма и привилегий, а за то, чтобы урвать кусочек этих привилегий. (...)

Выводы из сказанного пусть проницательный читатель сделает сам.

Петр Рябов

1 А в последние годы стало модно объявлять голодовку при административном задержании... на пять-десять суток — это выглядит «круто».

2 Это выражение принадлежит молодому и тогда остроумному и радикальному Андрею Исаеву, в 1987-91 годах вождю российских анархистов, а ныне думскому депутату, чиновнику и одному из видных бонз ФНПР и «Единой России».

3 И Горбачев пошел на уступки: начал освобождение политзэков — за это Марченко погиб в Чистопольской тюрьме в декабре 1986 года.

4 Власть всегда цинична и бесчеловечна, ей наплевать на жизни людей. Как сказала демократическая Маргарет Тэтчер (которая популярна у нас в России куда больше, чем у себя в Британии) про голодающих ирландских политзаключенных из ИРА: «Если они хотят умереть, это их личное дело». И они умерли на голодовке, один за другим! Тем более наши доморощенные ельцины и гайдары, — им пусть хоть половина из нас с голоду передохнет, — только меньше потенциальных безработных будет. И доходы от Трубы не надо будет ни с кем делить. Поэтому голодающие могут рассчитывать только на общество, но не на доброту Власти, в отношениях с которой — и не только в зоне — всегда уместен старейший солженицынский принцип: «Не верь, не бойся, не проси!»

АНАРХИСТЫ В АФИНАХ

Кажется, у меня появилась собака

«Тут лучше не снимать. Мы просто выкидываем человека из демонстрации, если видим, что он кого-то снимает», — говорит мой новый знакомый Ставрос. Мы идем с ним в колонне анархистов на первомайском шествии в Афинах.

В Грецию я приехала в поисках бездомного пса по кличке Сосиска. Город встретил гостеприимно — у входа в хостел наше такси было атаковано чернокожими проститутками. Каждую ночь они верещали под балконом, а если кто-то из них видел полицейского, все разбежалось по окрестностям, прячась за автомобилями. Мы оказались в одном из тех районов в центре города, которые обыватели обходят стороной, опасаясь быть ограбленными. Наш район специализировался на проститутках и продаже фальшивых документов, соседний район — на героине. До Акрополя прогулочным шагом — 15 минут.

Два дня мы бродим по Афинам с подругой-фотографом, вглядываясь в счастливые глаза встречных собак. Встречные собаки симпатичные, многие из них — песочного цвета, как и требуется, но не те. «Еще одна рыжая собака. Сегодня это уже пятая» — думаю на третий день, проходя мимо здания парламента, и тут вижу спящее оранжевое тело с лапами, ушами и хвостом. С этого-то момента все и началось.

Сосиска — Луканикос по-гречески — пес, который последние несколько лет не пропускает ни одной значимой уличной акции в центре Афин. На мирных митингах он обычно

лежит рядом с баннерами или бродит по толпе, а во время драк анархистов с полицией всегда оказывается на стороне демонстрантов и яростно облаивает копов. Он стал моим проводником по районам Афин и всем основным демонстрациям, благодаря ему я встретила множество людей, ставших моими друзьями. В тот момент первомайское шествие оказалось самым подходящим местом для того, чтобы увидеть Сосиску в действии.

Говорят, что Первомай-2011 был самым скучным за несколько лет. Не так много людей, как могло бы быть, не так много конфликтов с полицией. Зато было полно активных профсоюзников, на контрасте с Россией это сильно бросалось в глаза. Удивили ребята с красными флагами на древках такой толщины, что было понятно, для чего флаги нужны на самом деле. Ребята получили условное название «опасные марксисты».

Анархисты после демонстраций возвращаются в Экзархию — богемный и анархистский район в центре города, где живут студенты, писатели, киношники и прочие вольнодумцы. После любой крупной демонстрации по району бегают юноши в черном, за которыми охотится толпа райоткопов (местный ОМОН). Будучи не в курсе этой традиции, я часа полтора

носила по улицам вместе с ребятами, которые профессионально блокировали перекрестки горящими мусорными баками. И когда мы с Сосиской стояли в дыму пылающих баррикад на главной площади Экзархии, пес выглядел довольным как никогда.

ЖИЗНЬ КАК БУНТ

В один из дней кто-то привез на площадь Синтагма (на этой площади стоит парламент) мощную саунд-систему и начал ставить веселые песенки. Вокруг становилось все больше женщин разных возрастов, они несли с собой плакаты и разные гуделки. Когда число женщин доросло до нескольких сотен, они стали хором распевать песни, доносящиеся из динамиков. Оказалось, это профсоюз работников детских садов протестует против нового закона о количестве часов в рабочем дне.

В середине мая в центре города неизвестные убили и ограбили греческого мужчину. На этот случай тут же среагировали местные фашисты. Они обвинили в убийстве мигрантов, после чего по городу прокатилась волна избиений и погромов. Так совпало, что вечером того же дня я переехала в очередной мигрантский район города, расположенный недалеко от места убийства и потому ставший излюблен-

ным местом фашистских патрулей. Я ждала знакомую со скутером, которая обещала довезти меня от метро до дома, и смотрела по сторонам, пытаясь обнаружить неприятных ребят в толпе раньше, чем они обнаружат меня. Казалось, что я снова в России.

Следующие несколько дней мне постоянно встречались на улицах группы людей с палками, убегающие от них мужчины с окровавленными головами и группы дерзких чернокожих ребят. В те дни два анархистских сквота были атакованы фашистами под прикрытием полиции. Повсюду ходили слухи о том, что где-то снова видели фашистов. Люди брали флаги с толстыми древками или арматуру и ждали очередного нападения. Однажды я встретила такую оцетинившуюся арматурой толпу в шлемах поздно вечером. Толпа стояла у меня на пути. Они молча смотрели на меня, я — на них. Оказалось, это анархисты, которые пытались дать отпор ультраправым.

Моя жизнь в Афинах окончательно превратилась в одну большую демонстрацию, плавно перетекающую во всеобщие забастовки. Утром перед шествием заходим в аптеку: «У вас есть Маалокс?». Получаю пол-литровую пластиковую бутылку с белой жидкостью и две маленькие упаковки какого-то геля. «Если в тебя попадут газом, нужно съесть немножко, намазать глаза, и все пройдет». Знакомая складывает аналогичный набор в исцарапанный мотоциклетный шлем, который несет в руке, как сумку. У нее нет ни мотоцикла, ни скутера, а шлем есть. Угадайте, почему.

Людей очень много. Медленно толпа начинает двигаться. Снова вижу в стороне Сосиску. «Я немного поснимаю, а потом вернусь к вам», — говорю своим спутникам. Это был последний раз, когда мы виделись в тот день.

Сначала все было спокойно. Толпа профсоюзников и Сосиска пришли к парламенту, позади появилась колонна анархистов. Когда через некоторое время шествие двинулось обратно в сторону Экзархии, ничто не предвещало беды.

Внезапно за спиной раздалось несколько невероятно громких взрывов. Копы выскочили из боковых улиц, и, кидаясь гранатами, разделили колонну надвое. В ответ анархисты стали разносить все, что попадалось под руку, в том числе автобусные остановки и светофоры. Из града осколков мы попали в облако дыма. Где-то рядом постоянно раздавались взрывы. Вечером мы узнали,

что на расстоянии пары сотен метров менты избивали демонстрантов, один из которых в результате оказался в больнице в состоянии комы.

Возвращаемся в Экзархию. На главной площади района нервно, чувствуется запах слезоточивого газа. Вдали горят мусорные баки. Решаю пройти вверх по улице, и тут мне навстречу вылетает отряд райот-копов, которые, оказываясь, прятались за углом. Весте с толпой случайных прохожих я влетаю в ближайшее кафе. Посуда, стулья, столы — все летит на пол, но посетители не обижаются — все понимают. Дверь удалось захлопнуть не очень быстро — помещение кафе наполняется газом. Всем плохо, но все терпят — на улице еще хуже.

Из-за ограды Политехнического Университета вылетает коктейль Молотова. Летит долго и неторопливо. Слежу за ним взглядом и вижу, что летит он в копов, которые прячутся за колоннами здания в боковой улочке. В ответ они бросают гранату. Гранаты приземляется возле меня и начинает дымить. Она падает ровно между мной и здоровенными воротами, которые я только начала открывать.

Граната оказалась шумовой. Ребята в черном смотрят на меня сочувственно из-под шлемов и платков. Через пару минут они нашли где-то шланг для полива цветов. Сразу начинается веселье — цепочка копов, которые попытались выбежать из-за колонн и подойти к воротам, залита водой. Они стоят и ничего не видят, вода стекает по забралам. Прибегает Сосиска, его впускают за ограду, гладят и поят водичкой.

БАСТУЙ, А ТО ПРОИГРАЕШЬ

Перед очередной всеобщей забастовкой запасаясь респиратором и подходящими очками. Подходящие — любые, которые плотно прилегают к лицу по типу очков для подводного плавания. Приятель Адонис приобретает шикарный противогаз. Начинаю было ему завидовать, но быстро перестаю — этот противогаз весит килограмма три. Кроме противогаза и геля, а также неизвестных мне раньше супер-капель в глаза, Адонис приобрел огнетушитель. «Это помогает от газа. Копы их очень боятся».

Около себя замечаю группу, состоящую из троих мальчишек лет по 11-12. Им очень хочется во что-нибудь покидаться, но они еще слишком маленькие, чтобы самостоятельно скалывать мрамор со ступенек и бордюров. Ходят невероятно важные, все трое — в масках, и постоянно стреляют глаза-

ми по сторонам. Как только замечают, что кто-то с молотком занимается добычей камней — бегут туда, набирают полные руки и потом ищут, куда бы все это швырнуть. Сильно приближаться к старшим товарищам, атакующим здания банков по пути шествия, они опасаются, но тоже стараются во всем активно поучаствовать.

Знакомый сквоттер Яннис получил пинка от одного из пацифистов. «Ты хулиган и провокатор, зачем ты поджигаешь мусор?» — сказал при этом пацифист. Яннис объяснил, что костры нужно жечь для того, чтобы разгонять облака газа. «Спустя полчаса я встретил этого пацифиста на соседней улице, он поджигал мусорный бак».

Воздух становится газом. Радуюсь, что у меня такой хороший респиратор. Очки тоже хорошие, но запотевают и отклеиваются каждые полчаса. Если забыть их вовремя протереть, можно в самый ответственный момент зарыдать от легкого ветерка. В перерывах между атаками копов пытаюсь спасти француза Рене, у него вместо маски только тоненький шарф, ему хуже всех. Опытным путем выясняю, что гель лучше капель.

Знакомые испанцы отправляются в киоск за едой. Киоск героически стоит под градом камней и других подручных средств, но при этом работает. Продавец — в респираторе.

Уворачиваясь от летающих предметов, испанцы возвращаются с двумя бутылками воды и большой упаковкой шоколадного печенья. Оглядевшись по сторонам, устраиваем пикник прямо здесь — на бордюре около палаток, окруженные кострами из мусора. Вдалеке летают камни и Молоты, постоянно слышатся взрывы, а за нашей спиной группа музыкантов бодро и громко наигрывает мелодии, похожие на саундтреки фильмов Кустирицы. Покурить мы успели, а вот доесть печенье уже нет — копы внезапно сгруппировались, и, кидаясь гранатами, с нескольких сторон побежали прямо на нас.

Какой-то человек потерял сознание и упал. Хорошо, что рядом оказались врачи. Ходили слухи, будто наряду со слезоточивым газом использовался газ удушающий, но точно никто не знает. Через несколько минут еще один человек потерял сознание, его увезла «Скорая».

Не могу сказать, сколько часов уже продолжается этот ад. В который раз толпа отступает в сторону площади, атакованная гранатами. «Вперед!» — кричит кто-то, и все в который раз отгоняют полицию на несколько де-

сятков метров. Ненадолго. «Пиздец!» говорит Ставрос, с которым мы сталкиваемся буквально на пару минут и снова теряемся в хаосе.

Детишки в масках пытаются снять национальный флаг с фонарного столба, но столб высокий и скользкий — не залезть. При этом флаг прикручен к дорожному знаку. Как-то им удается отцепить знак, и он вместе с флагом падает на землю. Следующие 15 минут проходят в попытках этот флаг поджечь. Горит он плохо, но ребята не сдаются, постоянно обкладывая его бумажками. От флага остается несколько обгоревших по краям тряпочек.

МОЙ РАЙОН

Экзархия — затягивает. На фоне в принципе уродливого и жестокого города, застроенного жуткими зданиями 70-х годов вперемежку с полуразрушенными домиками в неоклассическом стиле, на фоне улиц, где в самом неожиданном месте ты всегда встречаешь ширяющихся джанки, район этот кажется раем. Страшные дома покрыты граффити и афишами, по вечерам район полон красивыми людьми, и никто не предлагает тебе героин на французском языке. Еще год назад джанки собирались на центральной площади района, но жители самоорганизовались и прогнали их. Джанки, правда, ушли недалеко — в парк около Политехнического Университета. Практически каждый вечер туда приезжают «скорые» и копы, а дилеры выясняют отношения посредством стрельбы.

Вот только не пытайтесь фотографировать в Экзархии людей, особенно ночью — это может закончиться плачевно. Жители здесь милые, но вспыльчивые.

Однажды вечером на главной площади показалась группа неприятных накачанных ребят в спортивных костюмах. Ребята огляделись. Площадь угрожающе затихла. Большая часть из них благоразумно развернулась и ушла, и только трое самых наглых зашли в кафе напротив — выйти оттуда они долго не могли, поскольку на выходе их поджидала недобрая толпа с арматурой. Дело в том, что спортивные ребята оказались охранниками представителей правящей партии, которые накануне приходили в Политех и агитировали студентов голосовать за их кандидатов на выборах в студсовет. Говорят, что делалось это не очень красиво, в том числе посредством угроз. К тому же один из охранников оказался фашистом.

Жители района очень любят приглашать гостей, и сами постоянно ходят в гости. Заходят без повода — просто посидеть, выпить кофе или пива и поговорить. В какой-то момент все разговоры превращаются в обсуждение политики. Во время таких споров могут поссориться даже очень хорошие друзья: все бурно реагируют на вещи, с которыми не согласны. На следующий день друзья обычно забывают о своих разногласиях, но только до очередных посиделок.

В доме, где я жила, основное место таких встреч — крыша. Крыша огромна, иногда туда выносят проектор и устраивают просмотры фильмов. На крыше дома напротив какие-то ребята раньше устраивали ночные дискотеки. Соседи, которые хотели спать, постоянно жаловались, несколько раз приезжала полиция, и пока что дискотеки прекратились.

В другом доме напротив живет толстый гей-эксгибиционист. Он никогда не занавешивает свое окно и ходит по комнате голышом. Улица очень узкая, а его окно и наша крыша находятся примерно на одном уровне, так что мы невольно оказались в курсе всех аспектов его быта. На ужин он любит есть сувлаки в пите (греческий фаст-фуд, напоминающий шаурму), после чего зачастую засыпает у работающего телевизора. Когда к нему приходит в гости бойфренд, они гасят свет, но шторы и ставни все равно оставляют открытыми.

Житель соседней крыши — эмигрант из Румынии, к которому, как и к нам, периодически приходят небольшие толпы. Однажды он подарил нам вино. Дарить вино нам легко — достаточно перегнуться через невысокую бетонную ограду между крышами.

Каждую субботу на главной площади Экзархии проходят ассамблеи. Если есть желание сообщить или обсудить что-то, касающееся жизни всех, нет способа лучше.

Вокруг площади расположено много кафе, вдоль которых прохаживаются гуляющие люди и бездомные собаки, в том числе Сосиска. Когда собаки хотят есть, они идут попрошайничать, но не к посетителям кафе, а к поварам.

День у всех начинается с кофе. Каждый знает несколько способов приготовления, один лучше другого. Те, кому лень возиться с шейкером и эспрессо-машиной, идут в ближайшее кафе и часто берут стакан на вынос, чтобы выпить его дома. Пока есть кофе, никто больше ничего делать не будет — это всеобщий ритуал.

Если приходится работать, то все работают, в том числе сутками, если надо. Правда, найти работу становится все сложнее, и поэтому многие подумывают попробовать это делать в какой-нибудь другой стране. Если работа есть, терять ее обычно никому не хочется, но если объявлена забастовка — все идут бастовать.

Ездят здесь в основном на мотоциклах и скутерах, реже — на велосипедах.

Если на каком-то мероприятии оратор говорит нечто, с чем не согласен твой переводчик, то перевода слов оратора от него не дождешься. Максимум, чего удастся добиться, это фраза: «Он говорит полную хуйню!» Проверено на разных людях.

Несколько сквотов и социальных центров каждую неделю устраивают готовку и коллективное поедание прекрасных вегетарианских блюд. Туда приглашаются все желающие. Таким образом, если у кого-то дела идут совсем плохо, зная расписание таких вечеров, вкусный бесплатный ужин и самую неожиданную компанию можно найти почти всегда. Но главный смысл таких мероприятий — прежде всего в коллективной готовке и еде. Все убеждены, что это гораздо круче делать вместе, а не по одиночке у себя дома.

В Экзархии есть несколько основных тусовочных мест на улице, и главная площадь — далеко не единственное из них. Вверх от нее отходит так называемая «интеллектуальная улица Экзархии», на которой расположен кинотеатр под открытым небом и стоят многочисленные лавочки. На них, а также на ступеньках домов, по вечерам собираются взрослые анархо-интеллектуалы. Если уйти оттуда чуть правее, то попадешь на другое тусовочное место — улицу Месологиу, ныне переименованную в улицу Александра Григорулоса. В 2008 году именно на этой улице полицейскими был убит пятнадцатилетний Александр, что привело к многодневным протестам по всей стране. История современной политической жизни афинских улиц теперь начинается именно с того дня.

На этой улице обычно можно встретить группы дерзкой молодежи в черном лет по девятнадцать. Их называют «ребята с улицы Месологиу», они довольно агрессивны, зачастую по совершенно идиотским поводам, и никто не знает, что с ними делать.

Еще одно известное место района — парк, который так и называют — «Парк». Когда-то там был пустырь,

но жители района расчистили его от строительного мусора, посадили деревья, разбили клумбы, поставили лавки. Иногда там показывают кино.

Тусоваться в Экзархию приходят люди со всего города. Но жить здесь могут далеко не все — некоторые просто не выдерживают частых полицейских оцеплений, криков и взрывов под окнами, пробегающих туда-сюда толп с коктейлями Молотова, регулярно горящих мусорных баков и так далее. Буквально каждый дом, каждая дверь, каждая картинка на стене уже вошли в различные истории. Идешь и знаешь, что вот эти ворота выносили танки во время восстания студентов в 1976 году. Вот здесь стояли анархисты во время уличных бунтов зимы 2008, отбивая атаку копов («представляешь, они начали кидаться в нас камнями, это нечестно!»). Вот здесь был Александрос, а те свиньи примерно возле того кафе. Эту картинку нарисовал один граффитист, друг которого разбился, он сделал портрет своего друга и расклеил по всему району, красиво, правда? А вот эту афишу мы здесь повесили полгода назад, и она висит до сих пор.

Как-то раз, гуляя по району, я познакомилась с чудесным эмигрантом из Румынии, который заявил, что больше всего он любит фотографировать, как бьют ментов, что вот это анархическое кафе — тоже долбаные капиталисты, но водички выпить там можно, и что если я тоже эмигрант, то мне должен нравиться футбол. По-русски мой новый знакомый знал два слова: «добро» и «казак». Еще как-то раз футбольные фанаты праздновали на площади то, что команда района что-то выиграла. Выигрывает она редко, но ее все равно очень любят.

Любят так: на скульптуру голых младенчиков на постаменте в центре площади вешается огромный флаг с портретом какого-то мужика (так и не выяснила, кто это). На площадь привозится саунд-система, диджей, все берут пиво и начинают плясать и орать. Все время кидают на газоны петарды, а иногда швыряют в младенчиков коктейль Молотова, о чем присутствующие предупреждаются заранее. Все отходят подальше от центра, воздух вздрагивает от взрыва, лицо обдувает волна обжигающе-горячего ветра. Младенчики в огне. Все счастливы. Такой вот фейерверк.

А потом дискотека продолжается, и чья-то дочка лет шести кричит в микрофон «Μπάσοι! Γουρούνια! Δολοφόνοι!» (менты, свиньи, убийцы). Все присутствующие, разумеется, согласны.

Юлианна Лизер

ПРО СТАРИКОВ, ГЛАМУР И МЯСО

Неслучившаяся египетская революция

«Мы помним», так называется видеоролик памяти молодых людей, убитых во время «арабской весны» в Каире. Его мне выслали друзья-египтяне пару месяцев назад. На первый взгляд, за два года мало что изменилось: те же самые уличные кафе с молодежью, неизменные ночные ларьки со сладостями и главное информационное оружие пролетариата — демократичный кирпичик «Нокии». А я уж было поверила, что все поголовно пересели на пафосные BlackBerry и iPhone. Даже площадь Тахрир во время протестов выглядит знакомо. Футбольные матчи в свое время собирали не меньше полиции, военных, фаеров и флагов. Однако появилось то, чего я

не помню — Типичный Молодежный Революционер.

Оказалось, что Типичный Молодежный Революционер обладает сразу четырьмя неоченимыми достоинствами. Во-первых, он молодой мужчина, во-вторых, набожен, в-третьих, женат, в-четвертых, у него хорошие отношения с родителями. Типичный Молодежный Революционер гламурен. Даже пуля в голову не сносит ему полчерепа, а проделывает аккуратную дырочку в очках. Типичный Молодежный Революционер благовоспитан. Он читает благопристойного Аля аль-Асуани, а не безнравственного Нагиба Махфуза.

То ли за год в Египте мне попадались исключительно неправиль-

ные политические активисты, то ли правильные политические активисты обитают только при мечетях, но те, кого я знала, были слишком разными, чтобы создавать их обобщенный портрет. Да, они действовали вместе. Но вовсе не потому, что их объединяла единая политическая платформа — политически они были воинствующе безграмотны. Их объединяло сопротивление власти. Однако не той, которая в погонах и с дубинками.

Политический протест был моден среди всех — от бородачей до «золотой молодежи». Допросы мухабаратчика, затрещина полицейского становились темой для разговоров на несколько месяцев вперед, этим охотно делились и гордились. Демонстрации против режима напоминали праздник. На групповых фотографиях, сделанных на мобильники прямо в автозаках и заботливо выложенных на страничке в Facebook (под собственным именем!), горящие глаза и неприлично довольные лица. И немудрено, из полицейского участка активист выходил звездой своего района, университета, кофейни. Интервью с ним охотно публиковали крупнейшие египетские издания. Но если человек отказывался подчиняться семье, то общество умывало руки.

Даже полиция не может покуситься на суверенное право клана охранять свои порядки любым способом вплоть до пыток и убийства. Бессрочное заключение в пустой комнате три на три метра, без кондиционера, с целью под потолком вместо окна, выходящей в зарешеченный просвет между домами, без прогулок, с ежедневными проповедями, с побоями вплоть до комы или психушки — это не зверства авторитарного режима или садизм. Это социально приемлемое средство перевоспитания любящими родителями своих детей. А помимо семьи есть еще улица, школа, университет со своими нормами и санкциями. Борьба в буквальном смысле насмерть завязывается за элементарные вещи: где ходить, какую музыку слушать, что пить, какие мультики смотреть, что читать, с какой осанкой двигаться, как смотреть, с кем спать, во что верить, что носить, с кем дружить, как делать макияж,

настоящие политические активисты, так и просто случайные прохожие и жертвы мародеров. В список мучеников революции включены даже погибшие год спустя в драке друг с другом футбольные фанаты. Потому что ценность представляет не то, к чему стремились эти люди при жизни, а одобренная смерть сама по себе.

Причина усердия в воспевании погибших состоит в том, что после смерти шахид становится еще полезнее, чем при жизни. Во-первых, количество и качество шахидов — это показатель авторитетности, каждая уважающая себя исламистская организация стремится составить свой собственный иконостас. Неразлагающийся или испускающий аромат труп шахида — это очень хорошо, а уж если его могила совершает исцеления, то это вообще замечательно.

Во-вторых, шахиды — это не только ценный мех... Шахидизм не может существовать без благотворительности, поэтому от него получают пользу все. Например, в Газе в 2002 году семья шахида получала в среднем от 25000\$ за погибшего. Тем, кто обучили и направили смертника, выделяют средства на развитие инфраструктуры — школ, тренировочных лагерей, больниц. Посредники также получают свой процент. Жена шахида становится звездой, сияющей в лучах славы покойника. Материальная и социальная поддержка семей шахидов поощряет их производить еще больше шахидов, поскольку от их количества зависит семейное благосостояние. Есть женщины, которые воспитали от 2 до 5 шахидов, за это они получают дополнительные выплаты.

В-третьих, шахид сговорчивее живого героя. И тот, кто регулярно выплачивает деньги семьям шахидов, получает право говорить от имени погибшего. Родственники убитого становятся его клиентурой, ведь без ежемесячных выплат они потеряют социальную поддержку, славу, внимание и легкие деньги.

Но не стоит поддаваться искушению объяснить все нищетой и экономической безвыходностью. Материалы «синджарского архива» показывают, что абсолютное большинство боевиков «Аль-Каиды» составляли граждане благополучных стран Персидского залива. Они выбирали «истишхад» вовсе не для улучшения финансового положения родственников. Просто для насто-

как улыбаться. Избиения пятеро на одного, стайная травля одноклассников или одноклассников, увольнение с работы, изгнание из университета, бутылка с кислотой, неприязнь бывших друзей, неприкрытая ненависть когда-то близких людей, домогательства, стукачество даже незнакомых людей, изнасилования, оскорбления и камни в спину, изощренные издевательства школьных учителей — чтобы столкнуться с этим, достаточно сбрить бороду или снять хиджаб.

В отличие от политического протеста, таким каждодневным сопротивлением не хвастают, как не хвастают СПИДом или сифилисом. Из такой борьбы каждый выходит покалеченным. Поэтому опыт борьбы с тоталитарной властью «молчаливого большинства» был стигмой, отделяющей от чужих. В беседах один-на-один те, кто постарше, соглашались, что Хосни Мубарак сам по себе нормальный мужик, герой войны, держится бодрячком, а руководитель службы общей разведки так вообще национальная гордость (а вот полицию, контрразведку и многочисленные правящие кланы ненавидели совершенно искренне). Но «борьба с режимом» одобрялась обществом, поэтому служила «порченным» хоть каким-то способом получить социальную защиту. Немудрено, что набожность, почтение к родителям и целомудрие встречались среди политических активистов немногим чаще пятой ноги у собаки.

«Мы помним» аккуратно стирает это грязное пятнышко с безупречной иконы. Оказывается, тахирская «революция молодежи» делалась не теми, кого еще вчера порицали за «разврат» и «недостойное поведение», а добропорядочными мальчиками из хороших семей. За дальнейшими разъяснениями видео отсылает на сайт shohadaa-misr.com.

Стоит заранее уточнить, что такое шахид и чем он отличается от героя (батыля). Героем можно стать при жизни, причем даже неоднократно. Герой получает награду здесь, на земле, в виде уважения и почтения современников и потомков. Героизм индивидуален. Нельзя сделать пособие: «Как стать героем, рецепт для ленивых».

Шахид — это мученик. Он мертвый. Всегда. Единственная его награда — рай. Стать шахидом легко. Женщина, умершая при родах, шахид. Умерший от эпидемии — шахид, утопленник — шахид, умерший от диареи — шахид (по хадису), убивший об стену — шахид (это тоже по хадису). Убитый ради Аллаха — шахид, умерший ради Аллаха — шахид. Убитые в Беслане исламисты — шахиды. Убитые исламистами бесланские дети — тоже шахиды. Совершить «истишхад» — это модно. ХАМАС, например, сделал специальный сайт — al-fateh.net. Для самых маленьких. В картинках.

Так что не следует удивляться, что на сайте «Шахиды Египта» свалены в одну братскую могилу как

СОПРОТИВЛЕНИЕ

ящих мужчин стало модным выезжать за пределы страны, чтобы убивать заграничных неверных во славу своей религии. До Бурятии, кстати, эта мода тоже дошла.

В Египте гонка за голоса шахидов уже началась. Забавно, но сайт «Шахиды Египта» создан людьми, живущими в Саудовской Аравии. Они успели подсуетиться и захватить прибыльную позицию посредников в дальнейших сделках между родственниками шахидов и саудовскими благотворительными организациями. Мертвые шахиды немедленно стали приносить вполне зримые дивиденды. В марте этого года египетский медиамагнат Тауфик Окаша был обвинен матерью шахида блоггера-бизнесмена Халеда Саида в неуважении памяти погибшего и приговорен к полугодовому тюремному заключению — так влиятельный сторонник Мубарака оказался отстранен от выборов.

Что же касается тех политических активистов, кому не посчастливилось стать шахидами, то для них все вернулось на круги своя. «Революция молодежи» окончилась 18 февраля 2011 года триумфальным возвращением из Катара кумира исламистов шейха Юсуфа аль-Кардави. Он поздравил нацию со свержением диктатора, призвал позаботиться о национальной экономике и заняться борьбой с Израилем.

Пресса, доселе шумно восхищаясь смелостью и героизмом борцов за демократию, переключилось на восхищение павшими шахидами. Протестующие, выдвигающие простые и внятные требования, внезапно превратились в непонятных сектантов и маргиналов. 23 марта 2011 года премьер-министр одобрил закон, запрещающий «забастовки, стачки и собрания, которые служат помехой частному или общественному бизнесу» под угрозой годового тюремного заключения и штрафа в полмиллиона египетских фунтов.

И та же самая либеральная пресса, которая еще недавно поощряла молодежь кричать «ускут, ускут, Хосни Мубарак», обвинила ее же в намерении «разрушить достижения революции». Правительство из «тиранов» и «диктаторов» неожиданно превратилось в защитников «Революции 25 января» от неправильных «местечковых» протестов. Интеллектуалы, имамы, известные политики и аналитики воспевали бескорыстие тахирских протестующих, борющихся за свободу, либерализм и демократию в интересах всей нации,

и подчеркивали эгоизм требований рабочих, учителей, инженеров, настаивающих на таких низменных вещах, как минимальная заработная плата, еда и улучшение трудовых условий. Поэтому такие требования были объявлены нелегитимными. Репортеры стали отказываться освещать протесты. Спикер «Братьев мусульман» обвинил протестующих в подрыве национального консенсуса и выразил «понимание» позиции правительства. Министр финансов объявил, что «местечковые» протесты стоили казне 7 миллиардов египетских фунтов, возложил на них

ответственность за подрыв туристического сектора и вину за потери иностранных инвестиций. Салафитские проповедники напомнили верующим, что участие мусульманина в демонстрации, в которой участвуют неправильно одетые женщины, это грех. В апреле главный муфтий Египта заявил, что «подстрекательство к «местечковым» демонстрациям посягает на божественные установления».

Политическая деятельность снова стала считаться грязной и греховной, негласные законы улиц ужесточились. Это дало военным божествен-

ную санкцию разгонять забастовки резиновыми пулями и запускать фосген в госпитали с ранеными. В ответ демонстранты вооружились камнями и «коктейлями Молотова». Но если в отношении взрослых протестующих власти могли использовать лишь избиения и угрозу «опускания» в тюрьме, то молодые активисты стали подвергаться «перевоспитанию» тех, кого в египетской прессе называют «молчаливым большинством».

Таким образом, военные получили неофициальное одобрение общественности применять новые меры, невозможные при Мубараке — срывание с женщин одежды на улице, «тесты на девственность» в тюрьмах. В стране, где гомосексуализм и педофилия преследуются меньше, чем отношения между двумя гетеросексуальными совершеннолетними молодыми людьми, обвинение в незаконном сексе вычеркивает человека из числа «рукопожатных». И здесь вновь обозначилась незаметная в тахрирской эйфории стигма — между добропорядочными и недостойными, между уважаемыми и грязными, между скромными и бесстыдниками. Между послушными детьми и детьми, позорящими своих родителей. Между модными и отстоем.

Когда Алиа аль-Махди сфотографировалась голой в знак протеста против действий исламистов и военных и заявила о своих атеистических убеждениях, либеральное молодежное «Движение 6-ого апреля» поспешило откреститься от нее. Без охраны друзей и поддержки влиятельных родственников ее бы убили в первый же вечер. Но разлом проходил и внутри этой организации. В то время как активисты-мужчины совершали турне с лекциями по престижным американским университетам и конференциям и собирали призы, наградой девушкам была лишь премия журнала «Glamour». Еще бы, ведь многие из них разведены, то есть недостаточно чисты, чтобы представлять тахрирскую революцию за рубежом. В официальной политической сфере это вылилось в еще более дикие вещи. Теперь женщины-кандидаты в парламент должны были доказать, что политическая деятельность не будет препятствовать им выполнять домашние обязанности — готовить, стирать, растить детей. На предвыборных плакатах вместо собственной фотографии кандидатка могла поставить фотографию ее мужа. Такая экзотика удивила не только молодежь и город-

скую бедноту, но заставила опешить даже жителей деревень.

Если сейчас египтян и объединяет что-то, то только настойчиво культивируемая исламистами ненависть к Израилю. В этом суннитские богословы и шиитское духовенство проявляют редкое единодушие. И немудрено, ведь перед иранскими аятоллами и египетскими (а также саудовскими, палестинскими и т.д.) проповедниками и стоит одна и та же проблема — демографическая. Можно решать ее, отказываясь от традиционной патриархальной семьи. А можно просто сделать суицид гламурным.

Наверное, Исламская революция 1979 года осталась самым светлым воспоминанием в жизни двух поколений иранцев. А потом духовенство и торговые гильдии зачистили страну от левых. Но даже лишённая собственных политических целей городская молодежь представляла угрозу в силу своей многочисленности. Поэтому война с Ираком стала для аятолл подарком судьбы. Иракская армия была укомплектована самым современным оружием, а у иранцев был только боевой дух. Бессмысленная мясорубка длилась 8 лет. Плохо вооруженные отряды басиджей навязывали иракцам ближний бой, кидались на пулеметы, не сдавались в плен. Молодежь шла на иракский фронт не для того, чтобы стать героями, а чтобы принять мученическую смерть.

Духовенство поощряло их в этом желании. Родственники шахидов получали многочисленные социальные льготы, торговые гильдии базара создавали фонды помощи матерям и вдовам, шахидам ставили памятники. Воспевая подвиг молодых, старики получали право говорить от имени убитых. Таким образом, старшее поколение становилось надежной опорой режима.

Вчера вечером к твиту знакомого активиста добавилась маленькая надпись — via Twitter for BlackBerry®. Я добавила его в список «ВВ». Еще у меня есть список «IP». Это означает «via Twitter for iPad» и «via Twitter for iPhone». Любопытно наблюдать, как меняется содержание твитов, когда человек переходит с одной платформы на другую.

После прошлогодних демонстраций страна так и не оправилась. На улицах впервые с последней войны появился криминал, цены растут, спекулянты скупают бензин. Нападения на церкви, угрозы по телефону, поджоги, погромы фут-

больных фанатов стали обычными. Ужесточилась безработица, упали зарплаты. Люди распродают вещи, меняют районы проживания. Вместе с тем все больше молодых активистов находят возможность покупать статусную технику. BlackBerry для тех, чьи дела пошли в гору. Продукция Apple — знак уверенной принадлежности к «элите».

Такая покупка означает, что активиста кто-то «подобрал». Возможностей много. Парня с незапятнанной репутацией и опытом борьбы с режимом охотно возьмет телеканал — ведущим телепередачи о проблемах молодежи, рассказывать о шахидах. Другой получит статус спикера и эксперта, будет регулярно выступать на передачах, круглых столах, конференциях. Те же, чья репутация для работы ртом и лицом слишком нечиста, найдут приют в богадельне — правозащитной организации, НГО, фонде памяти кого-нибудь, партии и т.п. Там им будут платить за молчание и иногда давать возможность участвовать в распилах. Квалифицированный же специалист с правильным имиджем легко получит серьезную должность в международной компании, где после переворота меняют персонал.

«Нас предали те из нас, кто стал звездой», — поделился знакомый. Чем раньше ты открестись от «нерукопожатных», тем более блестящим будет твое будущее. В одном случае, достаточно просто перестать посещать определенное заведение. В другом — публично с кем-то помириться и начать выглядеть уважаемым. В третьем — отказаться признавать новорожденного ребенка, чтобы связь с порочной женщиной не помешала потенциальной политической карьере родственника.

Но дело не в предательстве бывших единомышленников. В конце концов, в богадельню или под крышу идут не только из жадности или тщеславия. Зачастую это становится единственной гарантией безопасности от семейного насилия, возмездия ревнителей общественной нравственности. Ошибка была совершена тогда, на Тахрире, когда молодежь допустили к микрофону, и они стали говорить то, что от них хотели услышать. Они потребовали свержения Мубарака, а не то, что было по-настоящему необходимо: независимость от власти отможенных стариков, право на секс и достойную работу. Они сами своими трупами вымостили дорогу к власти тем, кто их ненавидел и убивал.

Токариш К.

МАНИФЕСТ #ОККУПАЙ

Текст, который мы произносим, был составлен коллективно и гласно участниками движения #оккупай:

7 мая мы вышли на улицы своих городов и больше не уходили с них. Москва, Петербург, Новосибирск, Калининград. Когда нас незаконно задерживала полиция, когда нас прогонял ОМОН, мы возвращались вновь на свои улицы. Мы заняли их раз и навсегда, чтобы освободить от насилия власти. Это наш город! Это наша страна!

Мы вышли на бульвары и площади и начали жить вместе, забыв об идеологиях и разногласиях. Мы самоорганизовались: наладили работу полевой кухни, охраны, агитации и информирования населения, устроили лагерь в разных точках города, выражая свой протест днем и ночью.

Мы научились договариваться друг с другом и принимать решения на Ассамблеях. Решения, которые дают право каждому частному мнению быть услышанным и повлиять на решения большинства. Мы ошибались, разделялись и собирались вновь, ведь у нас не было учителей и не было помощников, кроме нас самих.

За этот месяц тяжелой ежедневной работы мы получили живой практический опыт: мы научились самоорганизовываться и решать проблемы самостоятельно.

Мы не верим власти! Мы не верим законам, которые она принимает, и мы не ждем, что кто-то придет и напишет за закрытыми дверями лучшие законы и позаботится об их исполнении без нашего участия.

Но мы верим себе — так рождается прямая народная демократия (свобода): демократия без лидеров, которых мы знаем только по картинке из телевизора, которые где-то там, далеко, когда мы — здесь. Без лидеров, которые, дорвавшись до власти, забывают о нас.

Нельзя изменить систему, действуя так, как действует эта система. Цель нашей самоорганизации — построение иной политической системы, основанной на принципах горизонтальности и народовластия.

Только возможность каждому повлиять на принимаемые решения позволит нам жить в своей стране так, как мы этого хотим.

Хотим ли Мы, чтобы Россия вступала в ВТО?

Хотим ли Мы жить по новому закону о митингах?

Хотим ли Мы иметь платное образование и медицину?

Позволим ли Мы дальше обманывать себя на выборах?

Или Мы не хотим всего этого?

Или Мы можем выйти на улицы и начать действовать самостоятельно?

Здесь и сейчас! Не ожидая помощи ни со стороны власти, ни со стороны медийных персон. Делать свое образование, организуя бесплатные лекции, семинары и дискуссии. Решать за себя и проявлять себя делом. Не ждать, что Первый канал начнет говорить правду, а делать свое общественное телевидение. Не ждать, что муниципалитеты придумают, как улучшить нашу жизнь, но прийти к ним с готовыми решениями. Сформировать ячейки на местах, которые выстроят вокруг себя общество и станут районными советами. Выйти на улицы, чтобы вести агитационную работу, рассказывая о преступлениях режима и методах их предотвращения.

Каждый из нас, кто начнет что-то делать в своем городе, в своем районе положит начало самоорганизации вместе со своими друзьями и соседями.

У нас спрашивают: «Кто, если не Путин?»

Мы отвечаем:

«Кто, если не мы?»

Наша власть — это мы сами, это наша самоорганизация!

ЗАНИМАЙ, ЧТОБЫ ОСВОБОДИТЬ!

<http://оккупайабай.рф/?p=1622#more-1622>

Политзаключенные Беларуси

Александр Францевич был приговорен судом Заводского района Минска к 3 годам лишения свободы в колонии усиленного режима. Обвинялся в участии в антимилитаристском шествии около Генерального штаба Вооруженных сил Беларуси в сентябре 2009 года, в нападении на здание Федерации Профсоюзов Беларуси 30 апреля 2010 года, в знак протеста против эксплуатации рабочих, в нападении на опорный пункт милиции в Солигорске, приуроченном к Дням действий против милицкого произвола, а также во взломе сайта Новополоцкого горисполкома.

Беларусь, 225295, Брестская область, Ивацевичский район, ст. Доманово, ИК-22 «Волчы норы», отряд №2. Францевичу Александру Владимировичу

Николай Дедок был приговорен судом Заводского района Минска к 4,5 годам лишения свободы в колонии усиленного режи-

В этом номере в рубрике «Черного креста» мы публикуем информационную подборку о либертарных заключенных и текущих уголовных делах и процессах, направленных против нашего движения.

ма. Обвинялся в организации антимилитаристского шествия около Генерального штаба Вооруженных сил Беларуси в сентябре 2009 года, проведенного в знак протеста против совместных белорусско-российских военных учений, в атаке на казино «Шангри-Ла» в декабре 2009 года в знак протеста против усиления социального неравенства, в нападении на здание Федерации Профсоюзов Беларуси 30 апреля 2010 года, в знак протеста против эксплуатации рабочих.

Беларусь, 213004, г. Шклов, Могилевская обл., ИК-17, отряд 17. Дедку Николаю Александровичу

Игорь Олиневич приговорен судом Заводского района Минска к 8 годам лишения свободы в колонии усиленного режима. Обвинялся в атаке на российское посольство в Минске в сентябре 2010 года в знак солидарности с химкинскими заложниками, в организации антимилитаристского шествия около Генштаба Вооруженных сил Беларуси в сентябре 2009 года, в атаке на казино «Шангри-Ла» в декабре 2009 года в знак протеста против усиления социального неравенства, в поджоге отделения «Беларусьбанка» 31 мая 2010 года

в знак протеста против капитализма, в нападении на изолятор временного содержания в Минске на ул. Окрестина 6 сентября 2010 года с требованием освободить задержанных на тот момент активистов.

211445, Беларусь, Витебская область, г. Новополоцк, Техническая ул, 8, ИУ «ИК-10», отряд 12, бригада 120, Олиневичу Игорю Владимировичу

Павел Сыромолотов, Евгений Васькович и Артем Прокопенко осуждены на 7 лет лишения свободы в колонии усиленного режима по обвинению в нападении на отделение КГБ в Бобруйске 14 октября 2010, совершенном в знак солидарности с арестованными в сентябре 2010 анархистами.

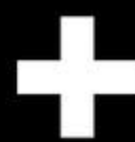
Беларусь, ИК-15, 213105, г. Могилев, п/о Вейно, Славгородское шоссе, 5 км, отряд 10, Васьковичу Евгению Сергеевичу

Беларусь, 212013, г. Могилев, Славгородское шоссе, 183, ИК-15, КАРАНТИН, Прокопенко Артему

Беларусь, ИК-19, 213030, г. Могилев Славгородское шоссе, 3 км, Павлу Сыромолотову

Белорусским заключенным вы можете писать на адрес: belarus_abc@riseup.net (письма будут напечатаны группой поддержки и отправлены заключенным).

Подробнее об их делах:
<http://avtonom.org/freebelarus>

Дело московских антифашистов

Алексей Олесинов и Алексей Сутуга, по мнению следствия, были участниками инцидента в клубе «Воздух» 17 декабря 2011 года. Их обвиняют по ч.2 ст. 213 УК РФ («Хулиганство»). Тогда во время панк-концерта произошла стычка между посетителями и ультраправой охраной клуба, задиравшей слушателей. Из-за конфликта концерт закончился преждевременно, но охранники попытались взять нескольких посетителей в заложники, обещая им расправу со стороны своих друзей, футбольных хулиганов-националистов. Посетители сопротивлялись, охранники открыли огонь из травматического оружия, но в итоге были обезврежены.

Кроме того, Олесинова и Сутугу «опознал» шестнадцатилетний националист, которого они якобы избили 4 декабря прошлого года, так что к обвинению добавилась ст. 111 УК РФ (нанесение тяжких телесных повреждений). При этом Олесинов был в тот день дома и сидел за компьютером — он занимается поддержкой одного сайта, что намерена доказать

защита. И эта процедура так же проходила с нарушениями. Сутугу этот юный бон якобы опознал по татуировке сзади головы, которую видеть никак не мог. К тому же пострадавший говорит, будто на Алексее были красные ботинки и красная куртка — такой одежды у Сутуги, по словам матери, попросту не было.

Ни по первому, ни по второму делу у следователей нет никаких достоверных доказательств.

Алексей Олесинов не желает получать письма поддержки от незнакомых людей

Сутуга Алексей Владимирович, ФКУ СИЗО-2 УФСИН России по г. Москве, 127055, Москва, ул. Новослободская д. 45

Игорь Харченко обвиняется в участии в драке 4-го июля 2010 года, в ходе которой посетители антифашистского концерта обратили в бегство группу националистов, которые пришли с целью нападения. Ему предъявлены обвинения по ст. 115, ст. 111 и 213 УК РФ.

Однако сам Игорь не участвовал в драке — больше десяти посетителей концерта дали показания, что во времени драки Игорь выступал на сцене. Показания против Игоря дали только сами неудавшиеся «расовые бойцы» — Сумин В.Ю. и Жидоусов В.В. Тогда в ходе потасовки Жидоусов получил легкие телесные повреждения, а Сумин едва не погиб — тяжело раненый, он попал в реанимацию.

Причем Сумин по прозвищу

«Аркан» упорно твердит, что четко запомнил двоих нападавших — Харченко и вместе с ним Дениса Солопова. При этом Солопов в тот день вообще был в Турции, что доказывает его загранпаспорт.

Очевидно, что все это дело — месть московских следователей за неудачные попытки посадить кого-нибудь за акцию у Химкинской администрации. Недавно Игорю было предъявлено также обвинение по ч. 2 ст. 282.1 УК РФ («участие в деятельности экстремистского сообщества»).

Как считают адвокаты, не исключено, что участие в том же «экстремистском сообществе» может быть предъявлено и Олесинову с Сутугой. Во всяком случае, следокам было бы очень удобно объявить экстремистским все антифашистское движение.

ФКУ СИЗО-2 УФСИН России по г. Москве, 127055, Москва, ул. Новослободская д. 45. Харченко Игорю Олеговичу

Платные письма в Бутырку можно отправить через форму на сайте СИЗО.

Подробнее о деле московских антифашистов:
<http://avtonom.org/mda>

Пока верстался номер, враги свободы задержали по делу о «Воздухе» антифашиста Алена Воликова. Подробности ищите на avtonom.org!

Заклученные 6 мая

Анархисты **Степан Зимин** и **Александра Духанина** оказались в числе полутора десятка человек, которых следствие обвиняет в участии в «массовых беспорядках» 6 мая 2012 года на Болотной площади в Москве. Тогда во время оппозиционного митинга демонстранты не стали молчаливо сносить насилие омонцовцев, а дали достойный отпор полицейским. В ходе стычек те потеряли несколько десятков касок и бронежилетов, не считая всякой мелкой амуниции вроде раций и дубинок. По мнению следствия, Зимин и Духанина «бросали в ОМОН куски асфальта». Никаких, впрочем, доказательств того, что Саша и Степан были в числе людей, которые швыряли камни или били ментов, у следствия нет. Хватают и сажают тех, кого задерживали в тот день на Болотной — а значит, в протоколе есть адреса этих людей, и сыщикам не составляет труда отыскать их. И Степану, и Саше предъявлены обвинения по ч.2 ст.212 (участие в массовых беспорядках) и ч.1. ст.318 УК РФ (применение насилия в отношении представителей власти).

Александра Духанина находится под домашним арестом, ей запрещено писать и получать письма
Зимин Степан Юрьевич. ФКУ СИЗО-5 (Водник) УФСИН России по г.Москве, Москва, Выборгская, 20

Платные письма в СИЗО можно отправить через форму на сайте ФСИН.

Подобнее о деле «узников Болотной»:
<http://avtonom.org/people/zaklyuchennye-6-ma>

Свобода сейчас

Если ты борешься против государства, и за лучший мир, то есть шанс, что ты попадешь за решетку. Это место, где я обитаю вот уже 15 лет. В адских местах, в изоляции «во имя безопасности», в течение более, чем 10 лет. Меня арестовали в 1996 году, и допустили к основному населению тюрьмы только в 2007.

В октябре 1996 года меня арестовали после ограбления банка, которое я совершил, чтобы обеспечить деньгами некоторые левые проекты, легальные и нелегальные. Мне дали тюремный срок 11 с половиной лет, а также «предохранительный арест», согласно нацистскому закону 1933 года, который разрешает государству оставить меня в заключении хоть до конца жизни, если им покажется что я «угрожаю общественной безопасности». Поскольку я постоянно сопротивлялся, меня держали в изоляции в течение более 10 лет, и только последние 4 года я провел среди остальных заключенных. Я отказываюсь от любого сотрудничества с государством и не соглашаюсь на рабский труд.

Соответственно, в 2009 году комиссия по УДО не нашла оснований, чтобы выпускать меня. В 2013 году я отсижу свой срок, и меня переведут в другую тюрьму для особо опасных заключенных в целях «предохранительного ареста». На самом деле, «предохранительный арест» должен был начаться уже в 1998 году, но в течение последнего десятилетия меня еще несколько раз судили за оскорбления судей, политиков и тюремного персонала, за что мне дали пять с половиной лет дополнительно (и я не шучу!).

Я никого не убил, никого даже не ранил — понятное дело, что заложники в банке были травмированы, я не закрываю на это глаза — но это было 15 лет назад. Я не знаю, сколько лет государство собирается держать меня за решеткой, но я никогда не буду сотрудничать с ними. Ни с тюремщиками, ни с судом, ни с психологами, вообще ни с кем со стороны государства.

Я знаю: очень мало надежды, что суд освободит меня в ближайшие 5 или более лет. Но если люди снаружи покажут губернатору, что существует сильное движение и группа поддержки, возможно, они меня выпустят.

Поэтому я был бы очень благодарен письмам поддержки по адресу:

Ministerpräsident (Title of the governor in Germany)
Mr. Kretschmann
Staatsministerium Richard Wagner Str.15 D-70184 Stuttgart Germany
Fax: 0049-711-2153-340
Phone: 0049-711-21530
E-mail: poststelle@stm.bwl.de

И требуйте, чтобы он меня освободил!

В борьбе!
Thomas Meyer-Falk, z.Zt.
JVA-Z. 3113, Schupbornstr. 32, D-76646 Bruchsal, Germany

Свободу Бреанне Мэннингу!

Большая часть внимания к сайту «Wikileaks» была сосредоточена на его основателе, Джулиане Ассанже, и на судебном разбирательстве вокруг него. Часто в тени оставался реальный герой проекта — Брэдли Мэннинг (который предпочитает называть себя Бреанной), находящийся под намного более серьезной угрозой чем Ассанж — статьи, по которым его обвиняют в военном суде, предусматривают в том числе смертную казнь. На данный момент прокурор требует ему пожизненный срок.

Но именно благодаря Мэннингу, точнее, благодаря тем действиям, в которых его обвиняют, Wikileaks стал тем, чем он является сейчас. Как раз перед арестом Мэннинга в мае 2010 года, на Wikileaks были опубликованы самые знаменитые пока сливы — официальный дневник афганской войны, логи иракской войны и дипломатические телеграммы США. Эти документы выявили многие ранее неизвестные факты американской внешней политики:

- Что игнорирование практики пыток местными сотрудниками в Ираке является официальной политикой США. Существует большое количество отчетов, согласно которым в Ираке заключенных бьют плетями, вешают на потолок, насилуют и даже стреляют в них из перфораторов. Оказалось, что уже с 2004 года существует приказ «Frago 242», который запрещает расследование обвинений в пытках против правительства Ирака.
- Что американским офицерам приказали скрывать участие частных американских субподрядчиков корпорации «DunCorp», которая получает 2 миллиарда долларов ежегодно от правительства США,

в продаже детей для проституции афганским союзникам.

- Что большинство заключенных военной базы Гуантамо — невиновные или незначительные боевики. Некоторые крестьяне попали под подозрение только из-за того, что носили часы или одевали куртки, подобные тем, которые были популярными среди участников Аль-Каиды.
- Что Правительство США ведет секретный отчет по жертвам войны в Ираке, несмотря на то, что неоднократно утверждалось обратное. С 2004 до 2009, секретный отчет зафиксировал 109000 смертей в Ираке, среди которых 66081 были гражданскими. То есть, почти две трети жертв иракской войны — гражданские лица.
- Что военные офицеры США скрывали информацию об убийстве журналистов новостного агентства «Reuters». В видео, снятом с военного вертолета, видно, как пилоты вертолета убивают двенадцать гражданских лиц в багдадском пригороде, среди которых два журналиста.
- Что ГосДеп США поддерживал кампанию крупных гаитянских

производителей против минимальной зарплаты. Местные студенты организовали кампанию, которая требовала минимальной зарплаты на 200 рублей за день, но с поддержкой США, президент Превал в итоге отказался от увеличения зарплаты.

- Что США тренировали сотрудников египетских спецслужб. В ходе египетской революции, штаб спецслужб «Амн Даула» был захвачен, и доказательства широкого применения пыток стали общественным достоянием.
- Что США тайно собирали ДНК, данные кредитных карт и пароли сотрудников ООН.
- Что США участвуют в гражданской войне в Йемене с помощью беспилотных аппаратов...

И так далее.

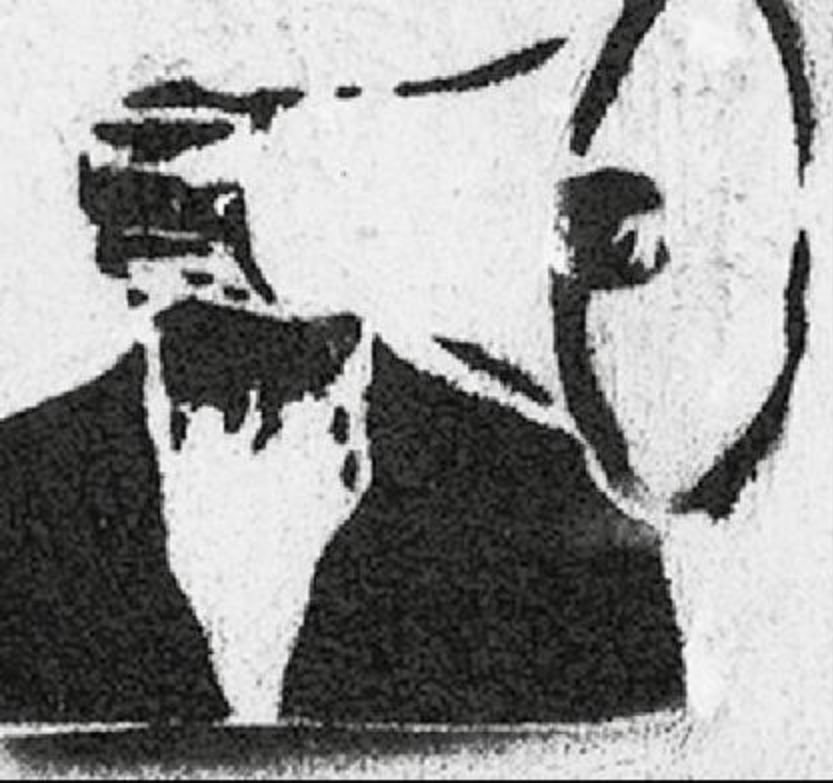
В плане реальных последствий, возможно самый значительный слив был о том, что США перестали поддерживать тунисского авторитарного президента Бен Али. Информация обнадежила участников протестов, которые раньше боялись что за Бен Али стоит мощь военного аппарата США, и всего месяц спустя после обнародования дипломатических телеграмм, режим Бен Али был свергнут.

Но эта деятельность очень дорого обошлась Мэннингу. Он никогда не добивался личной выгоды, но американские военные сделали все, чтобы духовно сломать его. Первые одиннадцать месяцев ареста его держали в изоляции. В начале его держали в камере 2 на 3 метра 23 часа в сутки и не давали одеяла, проверка каждые 5 минут круглые сутки. Многие считают, что путем жесткого обращения они надеялись, что он даст показания против создателя Wikileaks, Джулиана Ассанжа

Мэннинг является трансгендером, и предпочитает имя Бреанна. Пишите ему письма поддержки по адресу:

**Commander, HHC USAG
Attn: PFC Manning
239 Sheridan Ave, Bldg 417
JBM-HH, VA 22211
USA США**

Более подробно о том, как поддерживать Мэннинга, можно читать на сайте группы поддержки: <http://www.bradley Manning.org>

МЕТАФОРЫ

ТРАКТАТ О ДУХОВНОСТИ

В первую очередь, хочу сказать, что это мое мнение, никому не навязываемое. Вопрос самый сложный, сложнее, чем все вопросы об анархистской оборонительной армии, альтернативных энергоресурсах и т.д.

Итак, что из себя представляет анархист — член будущего свободного анархо-общества? Это человек, свободный от давления государственной власти, человек, сам решающий, как ему жить и во имя чего. Быть винтиком в механизме государства гораздо проще: все уже придумано и предложено тебе в таком виде, что создается иллюзия того, что ты сам себе хозяин. При этом в реальности ты являешься рабом — как физическим, так и духовным. Тебе навязывается некая мораль, выработанная кем-то за тебя и поданная в виде догм: «по-другому и быть не может потому, что не может быть никогда!» Параллельно человек загружается проблемами со всех сторон, прежде всего — как жить, чтобы выжить? Ответ прост: работай, зарабатывай. Со всех сторон тебе капают на мозги о красивой жизни для тех, у кого есть деньги. Каждому человеку свойственно стремиться к лучшему — на этом и играет Система, подменяя понятие «лучшей жизни» понятием «красивой жизни». Соответственно, весь твой физический и умственный потенциал уходит на зарабатывание денег, из которых в реальности ты получаешь десятую часть, а остальное получает хозяин — олигарх или государство. Все твоё время и силы тебе не принадлежат. Не слишком ли дорогая цена в обмен на иллюзии?

Для желающих жить «духовно» предлагается также удобный проверенный вариант — религия и церковь, чтобы оставить тебя в рамках той же системы, пусть даже на уровне твоей экзистенциальной сущности. Желательно, чтобы ты еще не выскакивал за рамки местной религиозной традиции. Анархистская духовность подразумевает под собой нечто гораздо более сложное, но и несравнимо более могучее. Настоящему анархисту не нужны законы, так же как и религиозная мораль, поскольку он имеет свою собственную мораль. Он живет, полагаясь на собственную ответственность перед собой и перед обществом, а она у него есть, по крайней мере, если это настоящий анархист, а не разгильдяй, не желающий никому подчиняться просто для того, чтобы ничего не делать. Анархист самостоятельно развивается

духовно, и процесс духовного развития длится в течение всей жизни. Прежде всего, надо понять, что духовность и религиозность — разные вещи. Это легче понять людям творческого призвания, поскольку они ежедневно сталкиваются с мистической составляющей искусства. Имея все необходимые профессиональные навыки, художник не может создать произведение искусства без вдохновения, которое является определенным состоянием его внутреннего мира. В такие периоды (у разных художников они различаются по силе и по частоте) творческий человек чувствует нечто, чего нельзя описать словами, некое состояние возвышенности и чистоты происходящего в его душе. Человеку нетворческому такое состояние тоже знакомо — это любовь. Церковники во все времена умело пользовались этим, подводя под любовь и творческое вдохновение культово-религиозную платформу.

Как известно, церковь — дело политическое, и, например, христианство получило широкое распространение в Европе не в силу своей божественной исключительности и духовных высот, а в целях укрепления разваливающейся Римской империи. Можно утверждать, что клерикализм имеет не больше прав на воспитание в душе человека моральной основы, нужной власти, чем законченный негодяй на обучение детей моральным ценностям. Анархисты — духовно сильные люди, не нуждающиеся в приказах «сверху», чтобы знать, какой идти дорогой — зла или добра. Морализм церкви и государства приводит к тому, что человек поступает «хорошо» лишь потому, что за «плохо» он получит кару — божью или ментовскую. Иного хотят и добиваются анархисты: человеку не нужны никаких уровней законы и правила, чтобы быть Человеком. Государству и духовенству выгодно, чтобы своя моральная ответственность у человека атрофировалась — так человек становится хорошим рабом. Если бы не эти духовные «резервации», в которые загнана большая часть человечества, каждая человеческая личность развивалась бы самостоятельно и достигала бы в своем развитии куда лучших результатов, чем мы имеем повсеместно сейчас. Человек предназначен для гораздо большего, чем рабский труд и тупое созерцание «дебилизора».

* * *

Духовность человека есть его главная составляющая, отделяющая его от животных — не разум и логика, а именно духовность. Существуют очень умные животные, но не бывает животных, имеющих духовную сущность. Анархическое общество дает человеку возможность без давления государства, без церковно-моральных догм быть Человеком вольным и высоко-развитым, с высокой ответственностью и твердыми моральными устоями. Не нужны членам анархо-обществ догматика церкви или государственные законы. Духовно развитый человек в принципе не нуждается в понукании сделать что-то нужное и хорошее, также не нуждается он в запретах делать что-то плохое.

Почему сейчас мы имеем общество, переполненное или негодьями, или людьми, не совершающими преступлений только из боязни понести наказание? Потому что государство не дает в полной мере развиваться главному в человеке — его внутреннему миру. Внутренний мир взят под контроль с младых лет и выковывается по эскизам, навязанным правителями. Это не человек, каким он может и должен быть, это всего лишь его бледная копия, работающая на Систему. Этой копии, подобно корсету для человека с перебитым позвоночником, необходима сдерживающая его извне сила государства. Государство порождает калек и пользуется их по полной в своих гнусных интересах. *Эти духовные калеки не могут противостоять власти вообще — их хватает лишь на то, чтобы в бунтарском порыве поменять одну власть на другую.*

Главное в будущем анархическом обществе — внутренние морально-духовные устои его членов. Постоянно взаимодействуя друг с другом, члены этого общества становятся невероятно сильными по сравнению с членами традиционных государственных обществ. Закономерно было бы получить вопрос от читателя: неужели все анархисты такие высоконравственные люди, что они берут на себя смелость строить общество, не охраняемое и не управляемое государством? Ответу воображаемому оппоненту следующее. Анархисты такие же люди, как и все, то есть они рождены и выращены в той же Системе, что и все остальные. Но на их воспитании Система дала небольшой сбой, которого хватило на то, чтобы повзрослевший чело-

век понял, что в мире все обстоит не так, как нас уверяют. Выросший внутри Системы анархист так же, как и все, отравлен и искалечен духовно, но он понимает это, в отличие от других. Понимает — и стремится избавиться от нравственных недугов, привитых ему государством. Подобно алкоголику, которого невозможно вылечить от алкоголизма, пока он не признает, что зависим от алкоголя, любой человек не сможет преодолеть власть Системы над собой, пока не признает, что он всецело в ее власти. Когда он признает себя рабом Системы — он уже на пути к освобождению. Ему необходимо преодолеть зависимость от сомнительных благ, предлагаемых в обмен на него самого.

Анархисты — не всегда люди, уже преодолевшие духовную зависимость, но всегда знающие, что она существует и с ней необходимо бороться. Когда человек побеждает в себе Систему, он получает возможность помогать другим преодолеть то, что он сам уже преодолел. Итак, мне видится будущее анархическое общество как общество, где нравственность и духовность стоят на первом месте, все же остальные вопросы — экономический, оборонительный — на втором.

Нет смысла строить анархо-общество насильно. Оно должно взрасти из внутренних миров нравственно развитых и высоко-духовных индивидуумов. Таких людей вообще, в принципе, достаточно много, несмотря на все старания Системы свести их количество к минимуму. Но старания Системы по разобщению этих людей дают ощутимые результаты. Один человек читает в газете про другого, обвиняемого во всех смертных грехах, и не подозревает, что тот, о ком он читает — на самом деле одухотворенный и высоко-нравственный человек, такой же, как и сам читающий. Большинство людей просто не знает, как объединиться с себе подобными, чтобы противостоять злу, творящемуся в мире. Таких людей в первую очередь необходимо вовлекать в анархо-движение. Понятно, что нам трудно, и постоянно приходится отбивать вербальные атаки контрреволюционеров и спецслужбовских троллей, но давайте не терять свое лицо сознательных анархо-активистов, стремящихся построить общество в первую очередь свободных и чистых духом!

Вадим Курылев, «Электрические партизаны»

ЕМКИЕ ФРАЗЫ

О возможности теоретической дискуссии перед дракой

В очередной раз бесплатно пройдя в метро, автор столкнулся с мужчиной, попытавшимся заставить его оплатить проезд. И вот о чем он подумал...

— Я бы мог задавить его интеллектом, но не нашел куда давить... Да и ругань перед возможной дракой — такой специфический вид общения,

предполагающий навык за несколько секунд объяснить незнакомому дебилу, почему он дебил. Рассказать, что он — мерзкая красноперая тварь, одуревший раб, низший в иерархии воров, что вся его жизнь еще в детстве была украдена, а он как лох и фуфел служит этим ворам верой и правдой, что его нае*али, а он нае*ываться рад, что «неужели

ты, мужик, сам не видишь, что они там с блядьми, тачками и на Канарах за твой счет, а ты тут в метро с женой и на работу, что б хоть как-то отдать квартплату, налоги... Кому? ИМ! ИМ, БЛ*ДЬ! Хозяевам твоим, кого ты сейчас так рьяно защищаешь и по чьим правилам ты призываешь жить! Неужели ты всего этого можешь не видеть?!»

А дебил-то тебя еще и слушать не хочет, и знать не знает, и не думал обо всем этом толком никогда. А если и думал, то не головой, а телевизором. И в глупости и невежестве своем, подгоняемый тысячами ложных причин и страхов, внушаемых слугами воров, он стремится влиться в эту систему — служить, давить, принуждать, лгать, страдать и заставлять страдать. Да еще и с таким усилием, что не каждый мусор на зарплате так работает!

Ты хочешь пожалеть его, ты уверен, что он болен, что эти уроды свели его с ума, что всю жизнь он прожил во лжи. И это невь*енно грустно, что так много лет он шел по дороге жизни не в ту сторону! Ты хочешь сказать ему: «Успокойся, брат! Нам нечего делить. Это они внушили тебе, что я враг. Я не враг! Я друг, я хочу, чтобы всем на свете было хорошо, я много стараюсь ради этого, я много думаю об этом». А вместо этого орешь: «Руки, мля, убери свои!»

Сложно за несколько секунд рассказать кричащему на тебя незнакомцу, что всей этой системе тысячи лет, что все эти тысячи лет они совершенствовали свою ложь. Ведь они не всегда были главами корпораций с целой свитой ряженных президентов, министров, экспертов, звезд шоу-бизнеса и эстрады, наглых попов, бодро осваивающих свободный рынок и прочих прихлебателей с последним звеном в виде тебя, дорогой усатый дебил. Сначала они были просто обычными бандосами. Мол, «мы с пацанами дружиной по району прошвырнулись, дань пособирать». А чтоб дань легче собирать, назвали ее налогом. Чтоб сами приносили. А чтоб лучше отдавали, убедили всех, что только так жить и можно, что иначе люди сами себя не прокормят, от бандосов с соседнего района не уберегут... Так и появилось первое государство.

Государство — это, по сути, бандиты, которые узаконили и упорядочили свой грабеж. Легитимизировали, бл*, его! С тех пор неотесанная дубина сменилась на дубину резиновую, церковь на супермаркет, бандосы совсем обленились и уехали с блядьми на Канары, оставив за себя президента, что б он был красивый и всем нравился, и целую систему отточенной лжи, убеждающей всех и каждого, что мы должны жить по их схеме. Система лжи многогранна и непонятна. В этом-то ее суть. Всех запутать и поделить. Чтобы люди гнались за недостижимой иллюзией красивой жизни, манящей с обложек глянцевого журналов, чтобы пугал неотвратимостью закон, а учителя убеждали со школьных парт в единственно верных истинах системы и давали только те знания, вкладывали только те истины, которые ей удобны.

Они сделают все, чтобы ты не заметил, не понял, не поверил... Они дадут тебе бухло, секс, наркоту, интернет, игры, верования, моду — все, что угодно! Все, чтобы поделить нас, запутать, отвлечь, напугать, но заставить остаться в этой системе. Заставить платить им налог, а так же работать на них

и покупать у них же плоды нашей работы. А ведь на самом деле никаких «их» нет. Это все мы сделали. Огромную машину самоугнетения. Логика власти и законы обезумевшего рынка диктуют нам как жить. И в этой бездушной схеме прибыли и иерархии нет места ничему истинно живому, истинно человеческому...

«Дебил ты!» — выкрикнул я, задыхаясь от невозможности донести больше. Его даже дернуло на секундочку, будто бы он почувствовал мою мысль... Но нет.

В общем, поэтому встает вопрос, как запихнуть годы размышлений, десятки книжек, сотни примеров в одну-две емкие фразы, которые сможет понять самый обыкновенный пассажир метрополитена?

Игорь Адсов

ЭКСТРЕМИЗМ И ТЮРЬМЫ ПОСЛЕ ПУТИНА

Место «узников без совести» — у параше

Одной из первых инициатив новой Госдумы стали поправки в Трудовой кодекс, запрещающие работать с детьми людям, привлекавшимся «за экстремизм». Эта инициатива властей появилась еще зимой прошлого года, в числе непоследовательных реакций на бунт на Манежке 11 декабря 2010. Вообще, существуют ограничения, запрещающие работать учителем людям, судимым или привлекавшимся к уголовной ответственности (и невиновность которых не установлена) по целому ряду статьей УК. Без сроков давности. И даже если человека амнистировали, учить он все равно не может. Другое дело, что, особенно в провинции, желающих работать с детьми тщательно проверяют не всегда.

Если бы все оставалось «как раньше», сотрудники центров «Э» получали новый грозный рычаг давления на инакомыслящих: как повелось в России, очень большая часть политических активистов — выпускники исторических и других гуманитарных факультетов. Соответственно, многие из них трудоустроены именно в сфере образования. И тогда любое политическое дело означало бы для них увольнение с волчьим билетом. Другой вопрос, когда страна избавится от Путина — как распорядятся антиэкстремистским законодательством в целом.

Последние годы было заведено несколько тысяч «идейных» уголовных дел на людей всех политических взглядов. Очевидно, многие из этих дел сфабрикованы, многие абсурдны, многие несправедливы. Но в этих репрессиях была своя логика: у властей не было политической воли устраивать новый 37-й, зато заморочить своих оппонентов беготней по судам, попытками получить помощь у правозащитников и СМИ, режим смог. Половина всей деятельности его оппонентов свелась к бесконечной правовой самозащите. К общественному спокойствию такая политика не привела:

уже несколько лет по всей стране народной забавой стали ночные поджоги отделений «Единой России» и полицейской инфраструктуры. Сейчас за радикальную листовку и воспламенение полицейской автомашины человека ждет примерно схожее наказание. Очевидно, в чем куража больше.

Вместе с тем, лозунг «амнистия всем осужденным по 282-й статье» — неправильный. Он напоминает идею афроамериканских радикалов 1960-х, требовавших выпустить всех чернокожих из тюрем США. Дескать, белый человек не имел права их судить.

В блогах идут жаркие споры, кого можно считать узниками совести в нашей стране. Из этих споров очевидно, что общих критериев практически нет, что каждое конкретное уголовное дело нужно пересматривать тщательно и отдельно. Что на общей освободительной волне крикливые соратники попытаются добиться освобождения из тюрем и всяческих мразей, изображая их жертвами режима. Однозначным критерием не является даже тюремное заключение «за слова», не дополненные насильственными действиями. Я бы совершенно не одобрил смерть за право каких-нибудь гадов говорить какие-то гадости.

Практически любое общество табуирует некие идеи. Таких табу не должно быть много, но они могут быть, и они вытекают из опыта именно этого общества. Оскорбившему Коран в арабских странах мало не покажется. Борьба за международное общественное мнение между армянами и турками и их внутренние законодательства об исторических оценках событий 1915 года общеизвестны. В Евросоюзе человека, оправдывающего Гитлера, ждет тюрьма. Зато в США ты можешь спокойно ходить со свастикой, но заработаешь проблемы с законом, если будешь появляться в общественных местах в белом колпаке с прорезями для глаз и жечь кресты. Потому что американцев

мало волнует Гитлер, и сильно задает Ку-Клукс-Клан. На территориях, контролировавшихся Нестором Махно, за антисемитскую пропаганду полагалась смертная казнь — таковы были реалии Украины, охваченной гражданской войной.

Да, анархисты против ментов и тюрем. Когда мы установим свои порядки, нынешняя система общественной безопасности и наказания за причинение вреда людям будет капитально изменена. Но давайте посмотрим цифрам в глаза: в России за решеткой 800 тысяч человек. Известный журналист и общественный деятель Ольга Романова, занимающаяся разоблачениями ментовских махинаций, утверждает, что 400 тысяч зэков сидит по беспределу.

Это похоже на правду. Но, значит, еще 400 тысяч россиян посадили более-менее в соответствии с уголовным кодексом. Допустим, из них 300 тысяч, или даже больше, можно назвать социальными заключенными — то есть по человеческим нормам они или вообще не особо виноваты, или вполне способны к возвращению к нормальной жизни.

Но все равно, нужно признать, что в нашей стране есть десятки тысяч мразей, совершивших поступки, не совместимые с дальнейшим нахождением в обществе — насильники, работоторговцы, садисты-убийцы и т.п. Что с ними делать, разберемся, когда придет время, но если сейчас менты лютуют в их отношении, вряд ли нас это сильно должно парить.

И уж тем более, если на нарах сгниют мрази вроде Никиты Тихонова или Евгения Панова, воистину, мало кто заплачет.

P.S. Для сомневающихся: автор этого текста точно также не заплачет — а, скорее, даже улыбнется — когда придет черед антиэкстремистов отвечать перед обществом за свои деяния.

Валерий Листьев

ВЫВОДЫ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ АНАРХИЗМА

Итоги эпохи разума, в которой мы живем, Сара Пэйлин подводит следующим образом: «Теперь не время, чтобы экспериментировать с социализмом». И это сказано во время страшнейшего кризиса с 1930-ых гг. Анархисты сказали бы, что самое время — но для либертарного социализма.

Капитализм в кризисе (снова!) и отказ от государственного социализма не может не быть понятным. Социал-демократия стала неолиберальной (Новый лэйборизм? Новый тэтчеризм!) Также в этом году отмечается 20-летие окончания сталинизма в Восточной Европе. С его государственным капитализмом и партийной диктатурой сталинизм сделал болезнь (капитализм) более привлекательной, чем лечение (социализм). И анархисты должны это остро прочувствовать — подобно Бакунину, предсказавшему развитие событий этих десятилетий до того, как они стали действительностью.

Итак, вот удобный случай для реальной альтернативы. Мы не должны забывать, что капитализм — это всего лишь очередная форма экономики. Прудон утверждал: *«радикальный недостаток политической экономики, состоит... в подтверждении обязательного наличия временного условия — а именно, расслоения общества на аристократов [богатую элиту] и пролетариев»*. Таким образом,

мы имеем рабский труд с последующим крепостничеством, за которым следует капитализм. Что такое капитализм? Как объяснял Прудон, капитализм — это *«период, в котором мы сейчас живем... <его> отличают по специальной характеристике: наемному труду»* (или «La salariat» — термин, любимый французами).

Итак, капитализм — это экономическая система, базирующаяся на наемном труде, что означает поэтапную продажу твоего труда (свободы) боссу. Анархисты это определяют точнее: «наемное рабство».

Анархизм стремится к обобществленному труду, свободному труду, другими словами — к ситуации, в которой те, кто работает, сами управляют работой. В долгосрочной перспективе цель состоит в отмене работы (работа/игра будет одним и тем же). По словам Кропоткина, мы стремимся «создать ситуацию, в которой каждый человек может жить, свободно работая, не будучи вынужден продать свою работу и свою свободу тем, кто

накапливает богатства на труде своих рабов/крепостных».

КОРНИ АНАРХИЗМА

Анархизм не был придуман философами в библиотеке. Его корни, как пишет Кропоткин в своем классическом произведении «Современная наука и анархия», лежат в борьбе и самостоятельных действиях рабочего класса против эксплуатации и угнетения.

Мы не проводим абстрактные параллели между капитализмом и лучшим обществом. Мы видим структуры нового мира, создаваемого в борьбе внутри капитализма, но против него. Так, ассамблеи и комитеты, созданные для организации забастовки, могут организовывать и производство в свободном обществе. Индустриальные Рабочие Мира называли это *«построением нового мира в оболочке старого»*.

АНАРХИЧЕСКИЕ ШКОЛЫ

Выделяют три разные школы анархизма (либертарного социализма): мютюэлизм, коллективизм и коммунизм. Анархо-синдикализм — это скорее, тактика, чем цель, поэтому его сторонники ориентируются на одну из этих трех школ (как правило, анархо-коммунизм, хотя Бакунин, ко-

торый первым сформулировал анархо-синдикалистские тактики, называл себя коллективистом). На практике, конечно же, различные направления используют разнообразные схемы, в зависимости от того, чего желают люди, а также от тех объективных обстоятельств, с которыми они сталкиваются. Свобода эксперимента — в этом состоит основной либертарный принцип. Хотя эти три школы различаются по некоторым вопросам, они все же разделяют определенные ключевые принципы.

Первый принцип — право владения без частной собственности. Согласно мысли Прудона, выраженной в книге «Что такое собственность?», в свободном обществе право собственности заменяется правом использования. Это автоматически подразумевает уравнильное распространение материальных благ. **Второй принцип** — обобществление. Это означает свободный доступ к рабочим местам и земле и, таким образом, конец землевладельцев и работодателей (так называемые «захват и использование»). **Третий принцип** — добровольное объединение или, иными словами, самоуправление работников на производстве. Хотя названия рабочих объединений могут меняться (кооперативы, синдикаты, коллективы, ассоциации рабочих), принцип остается один: один человек — один голос. Последний ключевой принцип — принцип свободной федерации, базирующейся на свободной ассо-

Итак, капитализм — это экономическая система, базирующаяся на наемном труде, что означает поэтапную продажу твоего труда (свободы) боссу. Анархисты это определяют точнее: «наемное рабство».

циации, которая, в свою очередь, является неотъемлемой частью любой динамичной экономики. Горизонтальные связи между производителями в ней так же важны, как федерации для координации объединенных интересов. Такое положение вещей становится возможным только в условиях децентрализации, поскольку и капиталистические предприятия, и сталинская экономика доказали, что централизация не работает. При этом организация должна происходить снизу, посредством делегатов, которые получают императивные мандаты и могут быть отозваны в любой момент.

Бакунин четко описал такой тип экономики, подчеркнув, что «земля принадлежит только тем, кто обрабатывает ее собственноручно; сельскохозяйственным общинам... инструменты производства принадлежат рабочим; ассоциациям рабочих». Мотивация

для принятия решений самоуправляемыми производствами должна быть столь же отлична от капиталистической, как и их структура. По мысли Кропоткина, экономика в разумном обществе должна быть «исследованием потребностей человечества и способов их удовлетворения с наименее возможной тратой человеческой энергии». Сегодня мы должны добавить к этому и экологические факторы, которые теперь невозможно не учитывать. С чем согласился бы и сам Кропоткин (его классическая работа «Поля, фабрики и мастерские» имела очевидную экологическую перспективу в то время).

КРИТИКА ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ

Чтобы понять анархические взгляды на свободную экономику, вам необходимо понять анархистскую критику капитализма. Общеизвестен афоризм Прудона:

«Собственность — это кража». Заявляя это, он имел в виду две вещи. Во-первых, что землевладельцы взимают арендную плату за доступ к средствам существования. Таким образом, арендная плата — это эксплуатация. Во-вторых, наемный труд приводит к эксплуатации. Предполагается, что рабочие произведут больше, чем их заработная плата. Согласно Прудону, *«тот, кто трудится, становится владельцем — это неизбежный вывод из принципов политической экономии и юриспруденции. И когда я говорю «владелец», я не имею в виду только (как это делают наши лицемерные экономисты) владельца карманных денег, зарплаты, жалованья, — я имею в виду владельца благ, которые он создает, и от которых владелец получает прибыль... Рабочий сохраняет даже после того, как он получил свою заработную плату, естественное право на произведенные вещи».*

Это обстоятельство и лежит в основе прудоновской мысли о деспотизме собственности. Другими словами, собственность производит иерархические социальные отношения, в которых структура власти позволяет распоряжаться рабочими, обеспечивая их эксплуатацию. Прудон говорит об этом так:

«Вы знаете, что такое быть наемным работником? Это означает работать, подчиняясь пред-рассудкам другого даже больше, чем его приказам... не иметь своего собственного мнения... знать, что нет возможностей сэкономить насущный хлеб и страх потерять работу. Наемный работник является человеком, которому собственник при приеме на работу говорит: «Не ваше дело, что вы должны делать, вы ничего не контролируете».

Чтобы достигнуть этого, как отмечено выше, права собственности заменяются правом использования. Личное обладание остается только для личных вещей. По мысли Александра Беркмана, необходима «отмена частной собственности на средства производства и потребления, а вместе с ними и капиталистического бизнеса. Личное владение остается только для используемых вами вещей. Таким образом, ваши часы — ваша собственность, но часовой завод принадлежит народу. Земля, машины и все остальные предприятия общественного пользования будут в коллективной собственности, без возможности ку-

пить их или продать. Будет рассматриваться только фактическое использование — это единственное право собственности — не собственности, но владения. Организация шахтеров, например, будет отвечать за угольные шахты, но не как владелец, а в качестве эксплуатационной службы. Аналогичным образом на железных дорогах будет работать профсоюз железнодорожников. Коллективное владение, совместное оперативное управление в интересах сообщества, займет место личного извлечения прибыли из личной собственности». Прудон называл такое владение *«владением без хозяев».*

ОБОБЩЕСТВЛЕНИЕ

Хотя не все анархисты использовали термин «обобществление», обозначаемое им все же составляет необходимую основу для свободного общества, потому что оно обеспечивает универсальное самоуправление, предусматривая свободный доступ к средствам производства. Как утверждали Эмма Голдман и Джон Мост, это *«логически исключает еще и всевозможные взаимоотношения между господином и слугой».*

Эта позиция стала анархистской с тех самых пор, как анархизм называли анархизмом. Мы находим размышления Прудона 1840 г., что *«земля необходима для нашего существования»* и, *«следовательно, она — общая, следовательно — недоступная присвоению»*, *«весь накопленный капитал является собственностью общества, никто не может быть его исключительным владельцем».* Это означает, что *«фермер не присваивает поле, которое сеет»* и *«весь капитал... будучи результатом коллективного труда»* является *«коллективной собственностью».* Неудивительно, что Прудон приводил доводы в пользу *«демократически организованных объединений рабочих»* и что, *«согласно закону сотрудничества, передача материальных ценностей не распространяется на орудия труда и не может стать причиной неравенства».*

Как объясняет экономист Дэвид Эллерман, демократическое рабочее место *«является социальным сообществом; сообщество на ра-*

боте важнее, чем сообщество по месту жительства. Это — республика, или res publica — группа людей с общими интересами места работы. Исключительные права управления закреплены как личные права... работников предприятия... Этот метод показывает, как предприятие может быть национализировано (обобществлено) и все же остаться «частным», т.е. не быть находящимся в собственности правительства».

САМОУПРАВЛЕНИЕ

Обобществление логически ведет к исчезновению рынка труда, т.к. люди свободно ищут сообщества, чтобы войти в них, а сообщества ищут единомышленников. Наемный труд уйдет в прошлое, и на замену ему придет самоуправление.

Так на практике выглядит принцип, иногда называемый *«рабочим контролем»* или, выражаясь словами Прудона, *«производственной демократией»*, — принцип, превращающий рабочие места в *«маленькие республики рабочих».* Для Кропоткина либертарная экономика должна базироваться на *«сообществах мужчин и женщин, которые... работают на земле, на предприятиях, в шахтах и сами управляют производством».*

В основе этого, в свою очередь, лежит принцип *«один человек — один голос».* Административно-хозяйственный персонал выбирается и может быть отозван, осуществляется комбинирование ручного и интеллектуального труда, и в этой связи имеет место, скорее, распределение работ, чем разделение труда. Как предложил Прудон, места работы должны представлять собой *«общую и нераздельную собственность тех, кто принимает в них участие»* — вместо *«компании владельцев акций, которые обманом завладели телами и душами наемных рабочих».* Это означает свободный доступ со *«всевозможной индивидуальной занятостью в сообществах»*, *«право на долю имущества компании»* и *«право занимать любую позицию».* Кроме того, все должности должны быть выборными, а *«уставы и норма-*

Общеизвестен афоризм Прудона: «Собственность — это кража». Заявляя это, он имел в виду две вещи. Во-первых, что землевладельцы взимают арендную плату за доступ к средствам существования. Таким образом, арендная плата — это эксплуатация.

тивные акты требуют одобрения участников».

Таковы признаки, лежащие в основе всех школ анархизма, теперь, о различиях между ними.

МЮТЮЭЛИЗМ

Первой школой анархизма был мютюэлизм Прудона¹.

В этой системе предполагается рыночная экономика. Ее наличие не подразумевает капитализм, поскольку рыночные механизмы не определяют эту систему. Рыночные механизмы на тысячи лет предшествуют капитализму. Капитализм делает уникальным производство предметов потребления и наемный труд. Мютюэлизм основан на производстве товаров, но с заменой наемного труда на самостоятельную предпринимательскую деятельность и кооперативы.

Это означает, что распределение результатов труда происходит по факту, а не по необходимости. Рабочие получают результаты своего труда полностью, после оплаты вкладов других кооперативов. Это не означает, что кооперативы не будут вкладывать средства в развитие, но объединение само будет определять, какая часть их коллективного дохода будет передана ее членам, а какую часть стоит оставить для использования кооперативом. Следует отметить, что неоклассическая экономическая теория утверждает, что результат работы кооперативов — высокий уровень безработицы. Однако, как и многое в этой теории, такое заявление основано на ложных предположениях и, в конечном счете, это теория, предсказания которой не имеют абсолютно ничего общего с наблюдаемыми фактами.

Помимо кооперативов, другая ключевая идея мютюэлизма — беспроцентный кредит. Предполагается, что будет создан Народный Банк, который будет начислять проценты по ставке, покрывающей расходы (около 0%). Это позволит рабочим создавать их собственные средства производства. С другой стороны, неоклассическая экономическая теория заявляет, что следствием этого будет проблема инфляции, поскольку кооператив-

ные банки увеличат денежную массу выдачей кредита. Однако, это не так, поскольку кредит не создан как попало, но «нормирован», то есть дан проектам, которые по расчетам произведут больше товаров и услуг. Таким образом, это не будет случаем все большего увеличения количества денег в погоне за товарами, деньги будут использованы для создания все большего и большего количества товаров!

Наконец, агропромышленные федерации. Прудон был хорошо осведомлен о проблемах, с которыми сталкиваются изолированные кооперативы и поэтому предложил ассоциациям организовывать федерацию, чтобы снизить риск при помощи солидарности, взаимопомощи и взаимной поддержке. Поскольку все отрасли взаимосвязаны, имеет смысл поддерживать друг друга. Кроме того, федерация

рассматривается как способ остановить возвращение капитализма рыночными силами. То же должно относиться и к общественным услугам (таким, как железные дороги, дороги, здравоохранение и т. д.). Эти услуги будут находиться в общественной собственности и в ведении кооперативов рабочих.

Мютюэлизм — реформистская стратегия, цель которой — замена капитализма посредством альтернативных институтов и конкуренции. Немногие анархисты придерживаются этих взглядов.

КОЛЛЕКТИВИЗМ

Следующая школа анархистской экономической теории — коллективизм, самый известный ее сторонник — Бакунин. Схожая с мютюэлизмом, она менее обоснована рыночно. Однако в ней больше составных элементов коммунизма, и

¹ Стоит заметить, что в академической экономической теории эту систему часто называют «синдикализм» или «рыночный синдикализм», что показывает, что небольшое знание предмета — не препятствие, чтобы писать о нем.

большинство ее сторонников считают, что она склонна развиваться в либертарный коммунизм.

Коллективизм можно определить как компромисс между мютюэлизмом и коммунизмом, но с элементами обеих теорий. Поэтому мы не будем его обсуждать. Подобно либертарному коммунизму, это — революционная теория, считающая, что капитализм невозможно изменить.

КОММУНИЗМ

Во-первых, он не имеет ничего общего со сталинизмом/ленинизмом! Последние представляли собой исключительно примеры госкапитализма, не имеющие ничего общего с коммунизмом, не говоря уже о либертарном коммунизме. Большинство анархистов — либертарные коммунисты, а наиболее известный его теоретик — Кропоткин. Подобно мютюэлизму и коллективизму, здесь отсутствует рыночная экономика. Коммунизм исходит из ликвидации денег и их эквивалентов. Не предусматривает наемного труда и наемной системы (*«от каждого по способностям, каждому — по потребностям»*).

Коммунистический анархизм распространяет коллективное владение на продукты труда. Это не означает, что мы совместно используем зубные щетки, просто товары являются доступными без платы для тех, кто в них нуждается. Цитируя Кропоткина: *«Коммунизм, но не коммунизм монастыря или коммунизм казармы, прежде защищенный [государственными социалистами], но свободный коммунизм, который предоставляет продукцию, выработанную или изготовленную на всеобщее использование, оставляя каждому свободу распорядиться ей как им нравится в его собственном доме»*.

Анархисты призывают отменить деньги, поскольку многие проблемы связаны именно с рыночной экономикой как таковой, — проблемы, которые капитализм, несомненно, усугубляет, но которые будут существовать даже в некапиталистической рыночной системе. Совершенно очевидно, что доходы не отражают потребности и справедливое общество признает это. Многие потребности не могут быть предоставлены по рыночным схемам (общественные блага и эффективная медико-санитарная помощь, что очевидно). Рыночные отношения блокируют информацию, необ-

ходимую для разумного принятия решений. Они также систематически поощряют антисоциальную деятельность (предприятия, которые не учитывают ущерб от своей деятельности могут снижать цены на продукт для увеличения прибыли и, в результате, будут вознаграждены увеличением доли на рынке). Рыночные силы становятся причиной коллективного иррационального поведения как результата атомистических индивидуальных действий (например, конкуренция ведет к тому, что люди вынуждены работать больше и дольше, чтобы выжить на рынке, а также становится причиной перепроизводства и кризиса, поскольку предприятия реагируют на те же самые рыночные сигналы и изобилие на рынке). Необходимость получения прибыли к тому же увеличивает неопределенность и, тем самым, вероятность кризиса и, как результат — социальную нищету.

Вместо установленных цен распоряжение ресурсами в условиях анархо-коммунизма будет основано на сравнении потребительской ценности определенных товаров и их относительных дефицитов. Потребительские стоимости при сравнении должны быть как положительными (то есть определять, насколько хорошо обеспечивается потребность), так и отрицательными (то есть определять, какие ресурсы затрачены, какое загрязнение вызывает, сколько труда вложено и так далее). Таким образом информация о реальной стоимости, не скрытая ценой может быть передана и использоваться, чтобы принять разумные решения. Дефицит будет выявлен обменивающимися информацией синдикатами, сколько заказов они получают в сравнении с их нормальной производительностью — если синдикаты получают больше заказов, индекс дефицита их продукта повысится, поэтому информация передается другим синдикатам, чтобы искать помощников для рассматриваемых товаров.

ФАКТЫ

Участие рабочих в управлении и участие в доле прибыли предприятия увеличивает производительность. Предприятия, управляемые рабочими, более производительны, чем капиталистические. Шокирующие 94% от 226 исследований по этой теме показали положительное влияние, а величина более 60% — яв-

ляется статистически значимой. Интересно, что собственность сотрудника оказывает сильное влияние на показатель, что требует участия рабочего в принятии решений.

Кооперативы, кроме того, имеют незначительные различия в заработной плате и статусе (от 1-10 раз в сравнении с 1-200 раз и больше в корпорациях!). Неудивительно, что высокий уровень равенства увеличивает производительность (поскольку работники не любят, когда их наемное рабство делает кого-то богатыми за счет их труда!).

Что касается необходимости фондовой биржи, то нет никакой необходимости обсуждать, насколько фондовые биржи плохи для реальной экономики. Кроме того, фондовая биржа поощряет краткосрочную прибыль под длительным ростом, что приводит к чрезмерному капиталовложению в определенных отраслях промышленности и увеличивает риски и спекуляцию. В значительной степени, концентрация капитала в банках имеет менее критический экономический цикл, чем на рынке ценных бумаг.

Успешные в условиях капитализма кооперативы, например, испанская федерация кооперативных предприятий «Мондрагон», — обычно работают в группах единомышленников и часто взаимодействуют со своими собственными банковскими учреждениями (что снова подтверждает обоснованность идей Прудона), что подтверждает смысл наличия агропромышленной федерации.

Обратимся к примерам различных социальных революций по всему миру. Ни один анархистский разговор не будет полным без упоминания Испанской Революции 1936 г., и это не исключение. Этот пример показывает, что либертарное самоуправление может работать массово, большинство предприятий в Каталонии были успешно коллективизированы, одновременно с этим огромными площадями земель владели и управляли коллективно. Позже, во время восстания против неолиберализма в Аргентине происходил захват закрытых производственных помещений. Эти восстановленные предприятия доказывают, что боссы нуждаются в нас, но мы не нуждаемся в них!

ДОСТИЖЕНИЕ ЦЕЛИ

Так, с привлекательностью и обоснованностью наброска либертарного социализма, возникает во-

прос, как нам достичь этой цели. Очевидно, что их отдельные элементы будут создавать и поддерживать кооперативы в пределах капитализма. Это может стимулировать обобществление и кооперативы как альтернативу ограничениям, дотациям и национализации.

Большинство анархистов настаивают на участии в поддержке культуры сопротивления и совместной борьбы против капитализма и государства, то есть в поддержке прямого действия (забастовок, протестов, оккупации, и т.д.). Также подчеркивается обязательность ведения борьбы по принципам самоуправления и создание организаций, формируемых снизу. Целью должен стать захват рабочих мест, жилья, земли и т.д., и таким образом обобществление сможет стать реальностью. Управляя нашей борьбой, мы учимся управлять нашими жизнями; создавая организации для борьбы против существующей системы, мы создаем структуру свободного общества. Вместе мы можем изменить мир!

(Основано на беседах во время конференции сети Radical Routes «Practical Economics: radical alternatives to a failed economic system». Radical Routes — сеть кооперативов).

Anarcho

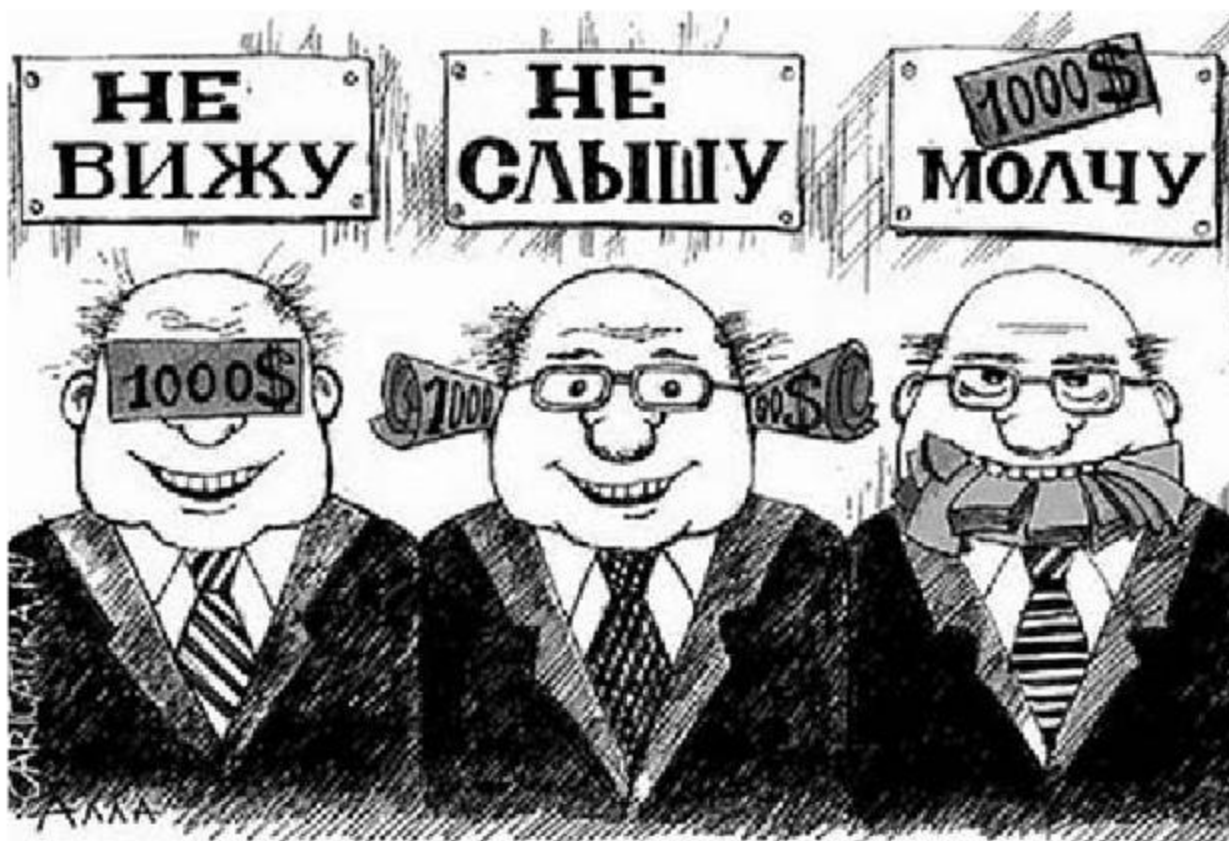
Источник:

<http://anarchism.pageabode.com/anarcho/the-economics-of-anarchy>

2) Не к месту цитируя Энгельса: «Объект производства — производить товары — не подразумевает в орудии производства характер капитала», поскольку «производство товаров — одно из предварительных условий для существования капитала... пока производитель продает только то, что он сам производит — он не капиталист; он становится им только с момента использования своих орудий производства для эксплуатации наемного труда других». (Собрание сочинений, том 47, стр. 179-80). В этом он просто повторил анализ Маркса в «Капитале» (который, в свою очередь, почерпнул различие между частной собственностью и правом владения у Прудона).

НАПОЛЕОН III В КРЕМЛЕ

Был ли государственный капитализм в Советском Союзе?

Вопрос обладания средствами производства всегда находился в центре внимания марксистов, чего не скажешь о вопросе контроля и власти над ними. Подобное упрощение мешает марксистам видеть общую картину. Суть обладания на самом деле сводится к праву пользования. Например, с некоторыми ограничениями истинным владельцем собственности несовершеннолетнего является его опекун вне зависимости от того, что написано в бумагах.

С другой стороны, анархические и буржуазные критики советской системы всегда могли просто указать на структуры контроля, заявив, что советский режим «авторитарный», и более не перегружая мозги вопросом о том, был ли капитализм в Советском Союзе. Скорее всего, именно из-за этого первые люди, которые определили СССР как «государственный капитализм» были марксистами. Например, Гавриил Мясников из «рабочей оппозиции» и эмигрант-меньшевик Федор Дан. На самом деле даже Ленин пользовался термином «государственный капитализм», обозначая «промежуточную цель» летом 1918 года. Но довольно быстро он понял, что с точки зрения маркетинга это не очень разумный подход. Лев Троцкий считал Советский Союз «деформированным рабочим государством», в котором проблемой была, скорее, шайка,

манипулировавшая системой с помощью бюрократии, а не сама система. Осуждая Сталина, он не ставил под сомнение деятельность Ленина или свою собственную.

Но идея, что двигателем истории являются массы, а не отношения производства, на самом деле довольно далека от марксизма. Это противоречие в учении Троцкого до сих пор раскалывает троцкистов на все более мелкие секты, и основным предметом споров является вопрос: был ли Советский Союз деформированным рабочим государством, вырожденным рабочим государством, страной государственного капитализма, бюрократического коллективизма, государственного социализма или, возможно, все-таки пролетарского бонапартизма. Изучение различий между этими понятиями относится скорее к сектологии, чем к советологии.

БЫЛ ЛИ КАПИТАЛИЗМ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ?

Группа «Социализм или варварство» и Корнелиус Касториadis унаследовали и развили идею о Советском Союзе как воплощении государственного капитализма. У них эту идею перехватили ситуационисты, которые «котируются» в хипстерских тусовках и по сей день. Но что же на самом деле означает термин «государственный капитализм», уместно ли это определение по отношению к Советскому Союзу?

Бухарин использовал его в отношении имперской Германии времен Первой мировой войны, поскольку вся ее национальная экономика была подчинена нуждам армии. Однако там никто не отменял частную собственность на средства производства, и некоторым капиталистам удавалось также неплохо наращивать прибыли. Очевидно, что Советский Союз не являлся государственным капитализмом в этом смысле.

Также можно понимать государственный капитализм как рынок с одной единственной корпорацией. Однако у любой монополии есть владельцы, которые принимают решения о распределении дивидендов — в Советском Союзе этого не было. Конечно, можно заявить, что в Советском Союзе само государство являлось таким владельцем, но тут мы уже сталкиваемся с парадоксом Рас-

села. Очевидно, что в Советском Союзе был капитал, и при этом немалый. Поскольку платежеспособность населения росла быстрее, чем способность советской экономики производить товары для частных лиц, объем сбережений населения был в 1980-х годах, несомненно, больше, чем на Западе. Также существовало производство прибавочной стоимости, иначе государственные банки не смогли бы начислять проценты по частным вкладам. Но производство прибавочной стоимости не было определяющей силой в обществе, даже, несмотря на то, что некоторые зарабатывали миллионы рублей на черном рынке, так как этот небольшой класс капиталистов находился в подполье до конца 1980-х годов. Следовательно, Советский Союз не являлся капиталистической системой. Возможно, он был социалистическим, но *социализм может быть чем угодно, что не является капитализмом — от примитивных племен до тоталитарного строя перуанских инков. То есть, утверждение, что строим Советского Союза был социализм, ничего не говорит о том, каким образом там производили, и кто контролировал производство.*

НОВЫЙ КЛАСС И НОМЕНКЛАТУРА

Я считаю, что ключом к пониманию классовой системы Советско-

го Союза является понятие «нового класса» Милована Джиласа и термин «номенклатура», который стал частью словарей всех крупных языков мира после перевода книги Михаила Восленского «Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза». Не удивительно, что оба теоретика исходят из постулатов марксизма-ленинизма, ведь после Второй мировой войны в Восточном блоке практически не осталось приверженцев других течений, которые могли бы наблюдать за системой изнутри.

Джилас был полевым командиром партизан Югославии, воевал вместе с Тито против нацистской оккупации. После войны он быстро поднялся в верхи нового режима, но его также быстро вычистили из рядов элиты. Согласно Джиласу, партия коммунистов стала «новым классом», власть которого была основана на воспроизводстве «политического капитала», в отличие от власти капиталистов, которая зиждется на воспроизводстве экономического капитала.

Михаил Восленский был дипломатом и научным сотрудником Советской Академии Наук, убежал на Запад и опубликовал свою книгу уже за границей, где она вышла в формате тамиздата в 1970 году.

Первоначально слово «номенклатура» означало список имен кандидатов на различные государственные посты, подготовленный региональными начальниками компартии. Эти списки Джилас и считал проявлением политического капитала. Человек, получавший свой пост, отвечал взаимностью, когда назначившему наступало время подниматься на следующую ступень. Это был наглядный пример «информации как капитала», о которой ныне модно говорить в среде теоретиков «общества информации». Информационным капиталом, который контролировался «новым классом», были социальные связи, отношения начальник-подчиненный и лояльность. И после каждого «дворцового переворота» человеческий ресурс бывшего главара полностью заменялся новыми кадрами — например, после завоевания власти в 1964 году, Брежнев заменил хрущевских функционеров своими людьми из Днепро-

петровска, где он в свое время руководил местным отделением компартии.

Почему вопрос о классовом составе Советского Союза до сих пор является актуальным? Потому что господствующий класс в России сегодня тот же, что был в Советском Союзе — номенклатура. Всем известная ельцинская «семья» подобна путинским «питерским», которые ее сменили. Почти все эти путинские кадры имели посты уже в 1980-х и начале 1990-х, следовательно, совре-

менная номенклатура является прямым наследником советской системы. Бизнес в России, в принципе, возможен и без семейных или дружеских связей с властью имущими, но в таком случае первый серьезный конфликт с теми, кто имеет подобные связи, означает конец бизнеса. И в последнюю очередь капиталистам позволяют самостоятельно заниматься политикой, судьба Ходорковского стала наглядным уроком всем буржуям.

Тот факт, что многие члены номенклатуры преуспевали в бизнесе, и что некоторые представители бизнеса стали депутатами Госдумы, не означает что номенклатура и капиталисты — одно и то же.

Многие владельцы мануфактур XVIII и XIX веков и деятели колониальной торговли были дворянами, и они преуспевали и после того, как потеряли свои феодальные наследственные привилегии. Но реальная власть в России — в руках номенклатуры. Капиталисты — просто маленькая иголка в стоге сена, в советское время поменьше, сейчас покрупнее, но все еще только иголка. Либералы жалуются на «силовиков», которые узурпировали власть, но силовики — только верхний слой номенклатуры. Почти любой государственный пост допускает откаты и прочее использование власти ради собственных интересов, и весь класс чиновников является взаимосвязанным.

ПОЖИЗНЕННЫЕ ПРИВИЛЕГИИ

Вполне уместно сравнение номенклатуры с дворянством — различие только в том, что привилегии первых не наследуются. Во времена Сталина номенклатурщик мог иногда быть расстрелян или погибнуть в лагерях, но никогда не мог стать простым колхозником или заводским рабочим. Состояние современной номенклатуры хорошо иллюстрируется судьбой тюремщиков Ленинградской области, которые систематически пытали и насиловали заключенных, а также снимали изнасилования на видео в целях вымогательства. Информация о дальнейшей судьбе этих тюремщиков

была впервые опубликована на сайте zeki.ru, созданном нацболами (указание источника тут ни в коей мере не означает поддержки прежней или нынешней партии Лимонова). Лидер банды насильников, генерал Маленчук, был уволен, но, очевидно, ему где-то нашли теплый уголок, и никакое уголовное преследование ему не угрожает. Второй участник банды, Евгений Бычков, поначалу сидел на очень мягком режиме в Тихвине, откуда его выпускали гулять в Петербург по собственному желанию, но из-за его же жалоб отправили в другую область. Третий участник банды, Вячеслав Типпель, который ранее работал вместе с Маленчуком и Бычковым в Челябинске и Калининграде, сидел в Питерском изоляторе 47/4 в ожидании рассмотрения второго дела. Вначале он жил в VIP-камере, оборудованной при тюремной больнице, вместе с одним единственным сокамерником, с телевизором и душем. Но после жалобы его отправили в камеру к другим заключенным из правоохранительных органов, в которой условия тоже далеко не такие, как у остальных сидельцев. Бычков и Типпель получили 4 года за изнасилование и опускание беззащитных заключенных (один из которых потом совершил самоубийство), но нет сомнений, что их может ожидать условно-досрочное освобождение уже в ближайшее время.

Евгений Петров, подчиненный Типпеля и исполнитель его приказов, отбывает срок в изоляторе на улице Лебедева также в особенной камере для бывших чиновников, которая почему-то находится в блоке несовершеннолетних. Руководство тюрьмы заботится о том, что при необходимости Петров мог встретиться со своей женой в административном корпусе тюрьмы.

Общественное возмущение из-за беспредела, который творили Типпель, Бычков и Петров, было настолько широким, что они теперь стали совершенно бесполезным ресурсом для системы. Они уже никогда не смогут занять никаких значительных позиций, но, несмотря на это, система все еще их награждает особыми правами, вечно благо-

дарит за то, что они когда-то были ее послушными винтиками. И все тюремщики знают, что они в любой момент могут оказаться на месте Типпеля, Бычкова и Петрова. Беспредел так глубоко пустил корни в систему, что она уже без него не сможет жить. Следовательно, тюремщики заботятся о том, чтобы система помогала ее бывшим частям в трудный момент.

СТОЙКОСТЬ НОМЕНКЛАТУРЫ

Но почему номенклатура через 20 лет после падения советского строя все еще у власти в России? Почему не происходит буржуазной революции, которая устроила бы капитализм западного типа, в котором успех зависит от того, сколько ты сам себе присвоил, а не от того, какой пост у тебя или у твоего знакомого был в комсомоле?

Конечно, согласно марксистской ортодоксии, господствующим классом не может быть никакой иной, кроме того, который владеет средствами производства. Но сам Маркс не был столь консервативен с своих взглядах, он понял, что на практике соотношение между различными группами интересов может быть гораздо более сложным. В «18 брюмера Луи Бонапарта» Маркс подвергает анализу то, как Наполеон III сначала стал президентом Франции в 1848 году путем мобилизации крестьян и люмпенов против пролетариата и буржуев городов, и как он в итоге, три года спустя, захватил власть и стал императором. Продолжительная власть номенклатуры в России и, в частности, завоевание власти Путиным похожи на эти события 160-летней давности. В этой же статье Маркс пишет также об «искусственной касте» чиновничества, которую Наполеон III был вынужден создавать в качестве рычага своей власти над буржуазией. Номенклатура — это такая «каста» в квадрате.

Сегмент российской буржуазии, не так тесно связанный с номенклатурой, желает перехода к капитализму западного типа. Но у Путина есть карта, которая сдержит капиталистов — возможность при необходимости расследовать обстоятельства

приватизации 1990-х годов. Несмотря на то, что Путин с самого начала откестился от «лихих девяностых», он также с самого начала заявил, что пересмотра приватизации не будет, и Медведев продолжал эту линию. Он делал исключения только тогда, когда к этому были веские политические причины, например, когда надо было «закрывать» Ходорковского. Капиталисты понимают, что смена режима может поднять вопрос о том, откуда на самом деле возник в начале 1990-х годов их первоначальный капитал, и этого они, конечно же, не желают.

С одной стороны, власть номенклатуры защищает буржуев от рабочих, с другой же — трудящиеся поддерживают номенклатуру, чтобы избежать возврата к девяностым. Если народ заставить выбрать между режимом и олигархами, народ, безусловно, выберет тандем Путина-Медведева. У них есть хотя бы номинальное оправдание своей власти, хоть и на выборах процентов двадцать голосов рисованные, но у олигархов даже этого нет — они просто оказались в нужном месте в нужное время, когда система была не в силах следить за своей собственностью, поскольку была занята выживанием.

Есть и другие причины пассивности буржуазии и трудящихся в России (текст писался до событий декабря 2011 года — прим. ред.). В первую очередь — атомизация общества, которая является реальностью во всех развитых странах. Я уверен, что западные профсоюзы и левые партии держатся на плаву, скорее, благодаря культурной инерции, чем реальной боеспособности класса трудящихся. Например, рабочее движение и левые партии новых стран Евросоюза являются гораздо более слабыми, чем в странах «старого Запада», даже, несмотря на то, что политический режим в этих странах уже в течение 20 лет позволяет существовать организациям, формально независимым от власти.

Часто об атомизации говорят только в контексте слабости класса трудящихся, но это также и проблема буржуазии. Большинство российских бизнесменов заинтересовано исключительно в зарабатывании денег и заво-

евании спокойного уголка (на Рублевке или в Сен-Тропе). Осуществление буржуазной революции (с гильотиной или без) их не интересует.

Как и во всем мире, вследствие технического развития в России уменьшился спрос на рабочую силу, особенно неквалифицированную. Большая часть российских трудящихся занята в секторе услуг, который вообще ничего не производит в традиционном смысле: вроде продвижения продуктов в супермаркетах или продаж сим-карт на улицах. Опыта самоорганизации у работников таких отраслей крайне мало. Советский Союз создавал мощное наукоемкое производство, но поскольку российская экономика теперь основана исключительно на экспорте сырья, а также из-за нехватки инвестиций, этот сектор во многом разрушен и может обеспечить содержательной работой лишь немногих.

У российского рабочего движения есть причины слабости, характерные именно для нашей страны. Например, благодаря демографическому кризису во многих регионах у молодежи нет проблемы трудоустройства.

В России сложилась культура трудовых отношений, в которой лояльность к работодателю минимальна, и почти на любой работе оборот кадров очень высок. Замена рабочего места на другое, лучшее, также является классовой борьбой в широком смысле, но это индивидуалистический путь, и такой подход к решению проблем не позволяет создавать организации, которые могли бы ослабить или полностью разрушить существующую иерархию. Одновременная слабость и буржуазии, и класса трудящихся является также причиной слабости демократии в России. Сильная демократия может существовать только в качестве компромисса между сильными классами. Но в любом случае, новый Наполеон III владеет Кремлем уже 11 лет. Возможно, новой Парижской коммуны следует ожидать еще лет 12. В первый раз это произошло в виде трагедии, посмотрим, не произойдет ли это в следующий раз в виде фарса.

Эрнест Мангелс

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ КРИЗИС — МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Демографический кризис — одна из любимых тем в российской политике. Одни сетуют на оголтелых феминисток и аборт, другие говорят, что во всем виноваты гомосексуалисты и общее падение нравов. Какова же ситуация на самом деле?

Сокращение населения — не плохо само по себе. С учетом большой нагрузки мирового населения на ресурсы окружающей среды в современности, уменьшение населения в мировом масштабе могло бы означать больше территорий, где природа сохранена в первозданном виде и больше природных ресурсов, оставшихся людям. С другой стороны «Кризис перенаселения» — во многом миф, созданный в развитых странах чтобы скрыть тот факт, что подавляющее большинство природных ресурсов сейчас используются богатыми, и страны с наибольшей плотностью населения далеко не всегда менее стабильны и благополучны, чем развитые страны с меньшим населением. То есть, количество населения само по себе не определяет нагрузку на природные ресур-

сы, но, в то же время, от уменьшения населения хуже не будет, при условии что прочие факторы останутся прежними. В современной системе производства большая часть рабочей силы все равно является «лишней» — люди как-то выживают в области торговли или мелкого бизнеса, но массовое производство, которое производит большую часть продовольствия и товаров народного потребления, в них не нуждается.

ДАЖЕ РОССИЯ БЛИЗКА К МАКСИМАЛЬНОМУ УСТОЙЧИВОМУ КОЛИЧЕСТВУ НАСЕЛЕНИЯ

С первого взгляда кажется, что в России могло бы поместиться намного больше народа — плотность населения в России одна из

самых низких в мире. Но на самом деле население в России, по понятным причинам, распределено крайне неравномерно. Если бы Московская область была независимой, то ее плотность населения было бы большей чем в Китае даже без учета самого города. Скученность и многолюдность там реально ощутима для каждого, а ближайший к МО нормальный, нетронутый лес находится где-то в районе Коми.

Черноземье — самая плодородная земля в мире. Но вполне возможно, что даже оно с трудом прокормит современное население России без химических удобрений. Современная индустрия сельского хозяйства полностью зависит от исчерпаемых природных ресурсов — нефти и фосфата. Через несколько десятков, в крайнем случае сотен лет их не станет. Предел возможности доиндустриального сельского хозяйства в России был достигнут уже в конце 19-го — начала

20-го века, когда голод возникал как минимум раз в 10 лет. Да, причиной было в том числе и несправедливое распределение земли, но большая часть земли тем не менее использовалась. Не весь технический прогресс зависит от ископаемых видов топлива, но по крайней мере очевидно, что максимальный уровень численности населения на территории России в условиях отсутствия ископаемых равен численности населению царской России.

И, судя по всему, в будущем российской земле придется кормить не только Россию. В Западной Европе упадок «химического» сельского хозяйства будет более катастрофическим, чем в России, и эти страны уже не будут в состоянии кормить свое население. Необязательно быть интернационалистом, чтобы понимать, что в смерти миллионов от голода нет ничего хорошего — и тем более очевидно, какой должна быть в этом случае точка зрения интернационалиста. В условиях капитализма, после исчерпания ископаемого топлива, роль черноземья могла бы стать такой же для торгового баланса России, как роль нефти сейчас. И очевидно, что у разделения труда в мировом масштабе есть свои выгоды также и при коммунизме.

ВОПРОС НЕ ТОЛЬКО В ЭКОЛОГИИ И В БУДУЩИХ ПОКОЛЕНИЯХ

Спад рождаемости реально улучшил положение рабочего класса. В 19-ом веке матери были вынуждены рожать много детей — только если рожалось пять или больше, была хоть какая-то уверенность в том, что хоть один доживет и будет заботиться о родителях в старости. Плюс к тому, в селах каждый новый ребенок был дополнительной парой рабочих рук. Но поскольку чаще все-таки выживали 3 или больше детей, «лишние» преобразовывались в дешевый рабочий резерв, в качестве безземельных крестьян или рабочих на первых заводах, которых можно было жестоко эксплуатировать.

В XX-ом веке необходимость столько рожать «на всякий случай» исчезла, и следовательно, сократился и этот рабочий резерв. Это во многом улучшило рыночное положение рабочей силы, позволило подороже продавать свою рабочую силу — то есть, лучше вести классовую борьбу и в индивидуальном, и в коллективном плане. Именно поэтому «демографический кризис»

волнует капиталистов. Как раз во многом благодаря «демографическому кризису» ситуация с занятостью населения в России лучше, чем в развитых странах в среднем.

Но, тем не менее, сейчас скорость сокращения населения в России действительно является проблемой. Умеренный в масштабе доли процентов в год спад не являлся бы проблемой, возможно даже был бы полезен, с учетом вышеуказанного. Но спад по современным темпам, по которым ООН оценивает упадок населения с 2009 до 2025-ого годы по 11 миллионов человек — вреден и опасен. Это потому, что упадок касается в первую очередь трудоспособного населения, и следовательно все сложнее будет обеспечить достойную жизнь нетрудоспособным. С другой стороны, этот прогноз вполне может быть ошибочным — в 2011-ом году спад населения уже заменился ростом, в общем количестве населения вырос почти на 190 тысяч, во многом за счет миграции.

ЧТОБЫ НАЙТИ ПУТИ К РЕШЕНИЮ ПРОБЛЕМЫ, НАДО ПОНИМАТЬ ЕЕ ПРИЧИНЫ

Динамика численности населения складывается из рождаемости, смертности и миграции. Для мигрантов, Россия привлекательная страна — она относится к более благополучным, среди стран СНГ она самая богатая. Но этот ресурс — ограниченный, все страны СНГ и в длительной перспективе все страны мира (с воз-

можным исключением самых бедных) столкнутся с теми же демографическими проблемами, что и Россия.

Если сравнивать со странами Европы, в плане рождаемости ситуация в России далеко не самая плачевная. В большинстве стран бывшего восточного блока, этот показатель намного хуже. У половины стран Западной Европы, например у Италии, Испании и Германии, рождаемость примерно на уровне России.

ГОРАЗДО ХУЖЕ ДЕЛА ОБСТОЯТ СО СМЕРТНОСТЬЮ

Россия входит в двадцатку стран с самой высокой смертностью в мире. Впереди только страны Африки с эпидемией ВИЧ, Афганистан и иногда Украина. С учетом этого, очевидно, что проще бороться именно со смертностью, но тем не менее консервативный дискурс, который сейчас преобладает, предпочитает меры которые по мнению борцов за общественную нравственность влияют на рождаемость: пропаганда семейных ценностей, ограничение аборт и т.д.

При этом причины высокой смертности в России широко известны — развал системы здравоохранения, алкоголизм, плохая экологическая обстановка (следствием которой являются в том числе респираторные заболевания и рак), суициды, ДТП, убийства и наркомания.

По некоторым из этих проблем анархистам пока что сложно что-либо

предложить. Самая острая — развал системы здравоохранения, но призывы к революции ее никак не решают. Общество пока совершенно не готово брать на себя те обязательства, которые государство взяло на себя, но не выполняет — зато тратит все больше средств для подготовки войн против выдуманных врагов и на содержание спецслужб. Можно конечно призывать тратить больше на здравоохранение, но это не решает проблемы откатов. Могу только уважать тех антиавторитариев, которые несмотря ни на что решают работать внутри этой системы.

Решая некоторые другие вопросы, можно и должно начать с себя и своего собственного окружения. Можно закрывать вредные экологические объекты, или вынуждать их переезжать в более отдаленные места. С алкоголизмом и наркоманией можно бороться в собственном окружении — и анархисты как движение должны организовывать варианты безалкогольного проведения свободного времени. Борьба за «здоровый образ жизни» не должна ограничиваться спортивными соревнованиями, поскольку большинство участников движения никогда не добиваются успеха в них. Думаю, что от пропаган-

ды сие пользы нет, поскольку это — субкультура, а субкультуры не бывают интересны людям старше 25 лет.

В российских условиях анархистам следовало бы больше уделять внимания проблемам автомобилизации. Во времена Советского Союза города были спроектированы с учетом гораздо меньшего количества машин на дорогах, и следовательно, все крупные города сейчас страдают от транспортного коллапса в различных масштабах. И он в принципе не решается без сноса домов миллионов людей. Единственное решение — различные ограничения против машин. Возможно, мы сами не в состоянии ограничивать обилие автомобилей, но это не значит, что мы должны поддерживать автомобилистов, которые протестуют против вялых ограничительных попыток государства (например, сноса гаражей и ограничения свободной парковки), кроме тех случаев, когда эти меры чрезмерно ущемляют людей.

Можно ли объяснить эпидемию суицидов и убийств исключительно материалистическим соображением? Консерваторы любят говорить о «духовном кризисе», и вполне возможно в этом есть доля правды — ведь существует множество стран, которые

намного беднее России, но в которых на порядок меньше случаев суицида и немотивированного насилия. Но сомнительно, что одна лишь «новая национальная идеология», будь то «суверенная демократия» или что-то еще, настолько вдохновит население, что оно прекратит убивать себя и окружающих. Для этого необходимо иметь возможность достойно жить, что подразумевает также возможность создавать семью. И в этом плане рождаемость и смертность — взаимосвязаны.

ПОЧЕМУ ДЕТЕЙ ВСЕ МЕНЬШЕ?

Часть анархистов, например Зерзан, сваливает все беды современности на отчуждение. Однако я не уверен, что уровень отчуждения и депрессии в обществе хоть как-то влияет на рождаемость — ведь многие, наоборот, рожают детей, чтобы у них был хоть какой-то смысл в жизни, хоть один человек, которому они не безразличны. Но в современном обществе иметь семьи все сложнее. И «падение нравов» здесь виновато в последнюю очередь.

Причина номер один, от которой падает рождаемость в мире — урба-

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ЯМА

Динамика численности населения России (РСФСР)

год, среднегодовая численность населения, тыс. человек

Число родившихся, тыс. человек

Число умерших, тыс. человек

Одна «демографическая яма» уже имела место: 1960—1975, когда родителями становились «дети войны».

Из второй «демографической ямы», существенно более глубокой и широкой, Россия выбирается сейчас.

2782	1960 г. 119 906	886
1991	1965 г. 126 749	958
1904	1970 г. 130 252	1131
2106	1975 г. 134 092	1310
2203	1980 г. 138 483	1526
2375	1985 г. 143 033	1625
1989	1990 г. 147 969	1656
1364	1995 г. 148 376	2204
1267	2000 г. 146 597	2225
1457	2005 г. 143 114	2304
1762	2009 г. 141 909	2014

Источник: Федеральная служба государственной статистики (www.gks.ru), Демоскоп Weekly www.demoscope.ru.

низация. Эта причина — глобальна, существовала во всех обществах и временах, с тех пор когда возникли первые города. Естественный рост городов всегда был отрицательным — города существовали только за счет приезжих из сел. В первую очередь это было из-за быстрого распространения заболеваний в городах, но средний размер семьи в городах тоже всегда был меньше, чем в деревнях.

Потому что в древнем селе ребенок всегда был дополнительными рабочими руками. Его часто можно было брать с собою на работу, как только он становился способен помогать. В селе новый ребенок — дополнительный источник благосостояния, а в городе — дополнительный труд. Даже в те времена, когда городской труд был в основном неквалифицированный и детей беспощадно эксплуатировали, держать множество детей в городских условиях было намного тяжелее, чем в селе.

МИФ ОБ «ИСЛАМСКОЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ УГРОЗЕ»

Правые врут о быстром росте исламского населения в мире — рождаемость падает в том числе и в мусульманских странах. По данным ЦРУ, рождаемость в Алжире уже ниже, чем рождаемость во Франции и Великобритании. Среди двадцати африканских стран с самой высокой рождаемостью 15 являются преимущественно христианскими. Из-за патриархальности мусульманских стран Ближнего востока рождаемость в них падает чуть медленнее, но общая тенденция одинакова. Турция уже достигла грани рождаемости, следствием которой является остановка роста населения через несколько десятков лет, в Албании и Боснии прошли эту грань уже давно. В России тенденция такая же. Если в 60-е годы суммарный коэффициент рождаемости составлял в Москве 1,4, а в Дагестане — 5, то к 2009 году этот показатель в Москве снизился до 1,3, а в Дагестане — до 1,9. То есть, если последствием экономического кризиса не будет массовое бегство людей обратно в деревню, то даже в Дагестане количество населения пойдет на спад через пару десятков лет, поскольку для сохранения количества населения суммарный коэффициент рождаемости должен быть приблизительно равен 2.15.

То что урбанизация снижает рождаемость во всем мире, доказывает что нет никаких «чуждых западных ценностей», которые «разрушили духовность российского человека», если не считать таковым желание жить в городах. Отношение к гомосексуализму на рождаемость не влияет — сексуальная ориентация не зависит от окружающих обстоятельств, и гомосексуалисты тоже рожают детей в более либеральных обществах. И аналогично с устойчивостью браков — из-за высокой смертности и различий между возрастами женихов и невест, средняя продолжительность браков в древние времена была на порядок меньше современной. Численность разводов стала расти только после того, как семейные пары были вынуждены терпеть друг друга в среднем не 4, а 40 лет.

ПРОБЛЕМЫ МАТЕРИНСТВА — ОТ ГОСУДАРСТВА И КАПИТАЛА

К работе женщин капитализм относится очень прагматически, при этом всегда виновата женщина. В условиях нехватки рабочей силы, во времена войн или экономического бума, считается, что женщина, которая сидит дома с детьми если не предатель, то по крайней мере отсталый носитель вредных патриархальных ценностей. А во времена кризиса капитализма, наоборот, если женщина, значит, ненавидит своих детей. Консервативные комментаторы никогда не поднимают самого основного вопроса — почему детей нельзя брать на рабочее место?

Система огораживания детей с детскими садами и с нянями возникла на ранних этапах индустриализации. Понятное дело, что детям нет места в опасных шахтах или на ткацких фабриках. Но сейчас большая часть труда уже не носит подобного характера, и если бы не жадность капиталистов, он был бы уже давно передан роботам. В офисе ребенок по большому счету мешает только боссу. Когда дети не будут искусственно отделены от родителей, они не будут требовать постоянного внимания навязчивым образом, как это происходит в современном обществе. И если у родителей возникнет естественное желание отдохнуть от детей, то каждый сможет следить за ними по очереди, как это делалось в первобытных и сельскохозяйственных общинах средневековья. Главная причина демографического

кризиса, которая стоит на первом плане в урбанизированных странах, состоит как раз в капиталистической организации труда. Как всегда, для капиталистов прибыль важнее выгоды общества в целом. И семья находится в центре рекламной индустрии, тематик глянцевого журналов и телесериалов именно потому, что современная система производства фактически отнимает семью у трудящихся.

И в случае России, власть и капитал не только хотят оградить детей от родителей, но они также хотят, чтобы родители брали на себя расходы по этому ограждению. Согласно опросу ВЦИОМ 2008-го года, отсутствие мест в детских садах третья по значительности проблема материнства по мнению жителей России — впереди ее только высокие цены (то есть бедность) и маленькие детские пособия.

Никакие «семейные ценности» не помогут, если будут отсутствовать условия для рождения и воспитания детей. В западной Европе, «семейные ценности» ассоциируются с католическим югом, не поощряют работающих матерей, и, следовательно, инфраструктура детских садов и материнских пособий плохо развита. И из-за этого рождаемость в Италии и в Испании сейчас ниже чем в скандинавских странах «оголтелого феминизма», где в течение уже нескольких десятков лет создаются условия для трудовой занятости матерей.

С учетом того, что с тех пор как бесплатное школьное образование также упразднено в России, материнство становится правом богатых. Враг семьи в России — не аборт, которые, наоборот, позволяют людям создавать семьи в более благоприятных условиях, не гомосексуалисты, не «падение нравов». Главные враги семьи в России — власть и капитал.

Естественно, все это не означает, что обязанность каждого сознательного анархиста — рожать детей. Это выбор каждого и так было всегда — почти во всех обществах существовал класс людей, которые принимали сознательный выбор не рожать детей, и для многих это было физически невозможно. Но тем не менее, рождение детей должно быть правом всех, кто в состоянии о них заботиться, а не привилегией богатых, как это сейчас в России.

Антти Раутайнен

ПОВСТАНЧЕСКИЙ АНАРХИЗМ

Теоретический текст из журнала движения «Earth First!» 2003 года.

КРИТИКА ОРГАНИЗАЦИИ

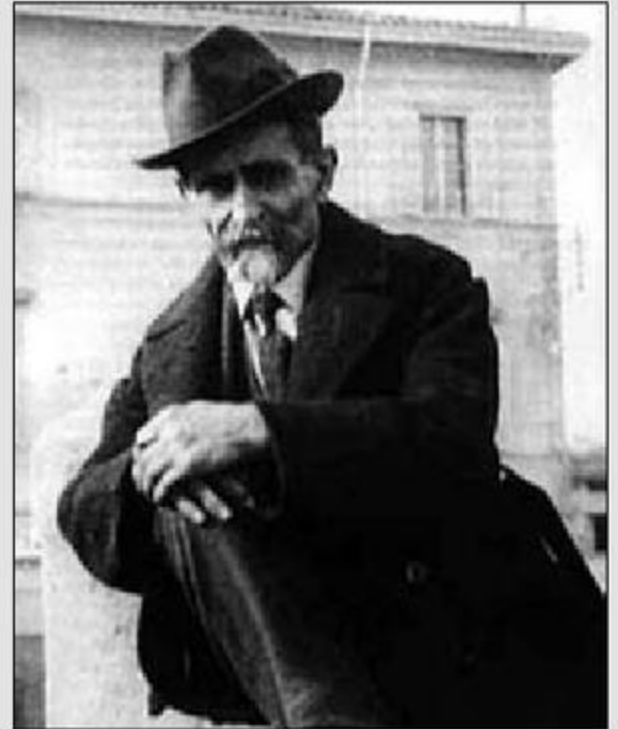
Неудачи социальных движений в Италии 1960-х и 1970-х привели одних к переоценке революционного движения, а других к полному отходу от него. В 1970-х многие ленинистские группы полагали, что капитализм находится в агонии своего окончательного кризиса, и перешли к вооруженной борьбе. Эти группы действовали как профессиональные революционеры, сводя свои жизни к единственной социальной роли. Но к 1980-м они пришли к убеждению, что время для революционной социальной борьбы закончилось, и стали призывать к амнистии для заключенных членов движения 1970-х, а некоторые из них зашли настолько далеко, что отмежевались от прошлой борьбы. Это разделило их с повстанческими анархистами, полагавшими, что революционная борьба за свержение капитализма и государства все еще продолжается, потому что никакое детерминистское понимание истории не способно определить правильный момент для бунта. На деле оно часто становится оправданием для бездействия и лишь превращает возможный разрыв с настоящим в невозможный.

Итальянская повстанческо-анархистская критика движений 1970-х была направлена на формы организаций, составлявших силы борьбы, и из нее появилась более развитая идея неформальной организации. Критика авторитарных организаций 1970-х, участники которых зачастую считали, что находятся в более привилегированном положении по сравнению с пролетариатом в целом, впоследствии была усовершенствована в борьбе 1980-х, например, в выступлениях против военной базы, строящейся для размещения ядерных отходов в Комизо, на Сицилии. Анархисты были весьма активны в этой борьбе, организованной посредством самоуправляемых союзов. Для этого случая они

Окончание. Начало в №33.

установили три главных принципа организации борьбы: постоянный конфликт, самоуправление и атака. Постоянный конфликт значил, что борьба со строительством базы будет вестись до тех пор, пока оно не будет прекращено, без посредников и переговоров. Союзы были самоорганизованными и самоуправляемыми, они не признавали постоянных делегаций представителей и профессионализации борьбы.

Союзы предназначались для нападения на стройку, а не защиты интересов тех или иных групп. Такой стиль организации позволял группам действовать так, как им казалось наиболее эффективным, сохраняя при этом способность координировать атаку, когда это приносило пользу, таким образом, позволяя расти потенциалу борьбы. Это также сосредотачивало организации на цели прекращения строительства базы вместо создания постоянных организаций, для которых посредничество с государственными учреждениями для получения власти обычно становится целью, а уменьшение автономии борьбы — средством. Как поняли анархисты, участвовавшие в борьбе в Комизо, один из главных факторов, мешающих социальной

Постоянные организации стремятся к развитию в учреждения, стоящие над борющимися массами.

борьбе развиваться в позитивном направлении, — это засилье форм организации, не позволяющих нам действовать самостоятельно и раскрывать потенциал восстания. Это постоянные организации, сосредотачивающие всю борьбу внутри одной единственной структуры, посредничающие в борьбе с институтами господства.

Постоянные организации стремятся к развитию в учреждения, стоящие над борющимися массами. Они стремятся к установлению формальной или неформальной иерархии и контроля над массами. Это превращает активное движение в пассивные массы. Иерархическое построение властных отношений отдаляет решение от того времени, когда его принятие необходимо, делая его полномочием организации. Практические последствия подобного устройства приводят к тому, что активные силы участников борьбы задушены организацией. Решения, которые должны самостоятельно приниматься участвующими в борьбе людьми, отдаются организации, и, что еще хуже, постоянные организации, как правило, принимают решения, не исходя из необходимости конкретной цели или акции, а исходя из нужд самой организации, в особенности, ее сохранения. Организация становится целью сама по себе. Стоит лишь посмотреть на деятельность социалистических партий, чтобы увидеть это в наиболее явной форме.

Как только организация становится постоянной и возвышается над массами, появляется лидер и начинает вещать для масс. Задача лидера состоит в том, чтобы превратить множество в подконтрольную массу и представлять эту массу в СМИ или государственных учреждениях. Лидеры редко видят себя частью масс, соответственно, они видят своей задачей только пропаганду и организацию, но не действия, так как действуют массы.

ФАБРИКА МНЕНИЙ

Для тех лидеров, чей девиз — «существует только то, что появляется в медиа», реальное действие всегда отходит на второй план по

отношению к поддержанию медийного образа. Целью такого поддержания образа никогда не является нападение на институты господства. Задача — в оказании влияния на общественное мнение с целью создания постоянного движения или, что еще хуже, организации. Лидер всегда должен беспокоиться о том, как чужие действия могут отразиться на движении, поэтому ему необходимо одновременно пытаться подчинить борющиеся массы и контролировать освещение движения в СМИ. Образ обычно заменяет действие для постоянной организации и лидера.

Пытаться контролировать множество образов и фабрики мнений в нашем обществе — пустая затея. Нам никогда не удалось бы соответствовать множеству образов, создаваемых СМИ, или заставить их «говорить правду». По этой причине многие повстанческие анархисты критично настроены к продолжению борьбы в капиталистических масс-медиа. В Италии это привело их к разногласиям с такой организацией как *Ya Basta!*, видящей СМИ основным инструментом своего движения. В других частях света вопрос о том, как анархистам следует относиться к СМИ, был предметом обсуждений на протяжении последних лет, особенно после 1999 года в Сиэтле, и поэтому для нас так важно изложить критичную позицию некоторых повстанческих анархистов.

Прежде всего, необходимо спросить, что такое мнение? Мнение — это не что-то первое попавшееся, найденное в социальной гуще и затем поданное СМИ как общественное мнение. Во-первых, мнение существует в СМИ. Во-вторых, затем СМИ воспроизводит это мнение миллион раз, приписывая это мнение конкретной категории людей (консерваторы думают X, либералы думают Y). В-третьих, как отмечает Альфредо Бонанно, «мнение — это уплощенная идея, идея, которой придали форму, чтобы сделать ее приемлемой для наибольшего количества людей. Мнения — это массивированные идеи» [5]. Общественное мнение про-

изводится как набор простых выборов или решений («Я за глобализацию и свободную торговлю» или «Я за больший государственный контроль и протекционизм»). Нам всем предложено выбирать, как мы выбираем наших лидеров, вместо того, чтобы думать своей головой. Поэтому очевидно, что анархисты не могут использовать фабрику по производству мнений для создания контр-мнений, и надемся, что анархисты никогда не захотят управлять мнениями, даже если мы каким-то образом сможем оказывать влияние на то, что изрыгается из ворот этой фабрики. Как бы то ни было, этика анархизма не может быть обращена в форму мнения, она умрет, став массивированной. Однако лидеры организаций работают именно на уровне мнений, потому что мнения и эксплуатация образа являются инструментами власти, инструментами, используемыми для подчинения масс и управления ими.

Вместо сосредоточения власти и принятия решений в организации, большинство повстанческих анархистов видят необходимость организовать таким путем, при котором отсутствуют формальность и власть, разделяющие организаторов и организуемых, это называется неформальной организацией. Поскольку природа лидеров — планирование и контроль, они часто ставят сохранение/увековечивание организации выше других целей. С другой стороны, неформальные организации распадаются, когда их цели достигнуты или отменены. Они не увековечивают себя только ради организации, если цели, ради которых люди организовались, прекратили свое существование.

Как и в случае с советами Комизо, неформальные организации — это способы для аффинити-групп координировать свою деятельность в случае необходимости. *Всегда следует помнить, что многие вещи проще сделать с помощью аффинити-групп или в одиночку, и в этих случаях более высокие уровни организации только затрудняют процесс принятия решений.* Минимальная организационность, необходимая для достижения конкретных целей всегда лучше для максимизации наших усилий. Неформальная организация должна быть

основана на этике автономного действия, автономия необходима для предотвращения отчуждения наших активных полномочий, для предотвращения возникновения властных отношений. Автономия исключает подчинение и приказы, всегда выкрикиваемые сверху и не соответствующие ситуации. Автономия позволяет принимать решения тогда, когда они необходимы, не позволяя им быть предопределенными или задержанными комитетом или собранием. Однако это не означает, что мы не должны стратегически думать о будущем, заключать соглашений или строить планы. Особое значение имеет гибкость, позволяющая людям отменять свои планы, когда те становятся бесполезными. Планы должны быть адаптируемы к развитию событий.

Точно так же, как неформальная организация должна иметь этику автономии, чтобы не превратиться в авторитарную организацию, дабы не допустить отчуждения наших активных полномочий, следует иметь этику отсутствия компромиссов с уважением к согласованным целям организации. Организационные цели должны быть либо отодвинуты, либо ликвидированы. Компромиссы с теми, кому мы противостоим (то есть с государством или корпорацией), приводят к поражению всего действительного сопротивления, вместо нас они усиливают наших врагов.

Подачки, которые нам делают, чтобы умиротворить и отвлечь, теми, кому мы противостоим, должны быть отвергнуты. Любые компромиссы с институтами господства (государство, полиция, ВТО, МВФ, партии и т.д.) приводят к окончательному лишению нас дееспособности, возможности принимать решения и действовать, когда посчитаем нужным. Как таковые, компромиссы лишь усиливают государство и капитал. Для тех, кто хочет открыть перспективы восстания, для тех, кто не желает ждать предположительно подходящих условий для революции, для тех, кто не хочет такой революции, которая лишь создаст новую властную структуру, а желает уничтожения лю-

Почему мы повстанческие анархисты:

- Потому что мы находим возможным вносить вклад в развитие борьбы, возникающей спонтанно повсюду, превращая ее в массовые восстания, то есть в подлинную революцию.
- Потому что мы желаем уничтожить капиталистический миропорядок, не выгодный никому, кроме руководителей доминирующего класса.
- Потому что мы за немедленную, разрушительную атаку против структур, личностей и организаций капитала, государства и всех форм угнетения.

• Потому что мы конструктивно критикуем тех, кто идет на компромиссы с властью, считая, что революционная борьба невозможна в настоящее время.

• Потому что вместо ожидания мы решили приступить к действию, даже если время еще не подходящее.

• Потому что мы хотим положить конец этому государству немедленно, вместо ожидания наступления подходящих условий для его трансформации.

Это лишь некоторые причины того, почему мы анархисты, революционеры и повстанцы.

Альфредо Бонанно

бых структур, отчуждающих у нас нашу власть, для всех таких людей подобные компромиссы являются противоречащими их целям. Последовательно отказываться от компромиссов — значит быть в вечном конфликте с существующим порядком и его структурами господства. Постоянный конфликт — это неконтролируемое автономное действие, не идущее на компромиссы с властью.

РЕВОЛЮЦИОННАЯ СОЛИДАРНОСТЬ

Революционная солидарность — еще одна основная практика повстанческого анархизма, позволяющая нам продвинуться значительно дальше солидарности в стиле «послать чек», столь характерной для левых, как и ходайства перед государством об освобождении или помиловании. Один из примеров революционной солидарности — акция Никоса Мазотиса против TVX Gold в декабре 1997 года. [6] Многие люди из деревень в районе Стримоник в Северной Греции боролись против строительства золотометаллургического завода на их земле. В солидарность с

жителями деревень, Никос подложил бомбу в Министерство Промышленности и Развития, которая должна была взорваться, когда в здании никого не будет. К сожалению, она так и не взорвалась. Никос был приговорен к 15 годам тюрьмы, но сейчас свободен. TVX Gold — это мультинациональная компания, ее головной офис находится в Канаде, так что солидарность с селянами Стримоник могла быть проявлена во многих местах. Сбор средств для товарищей необходим и, несомненно, ценен, однако он может сочетаться с более активными формами солидарности с теми, кто борется против наших общих врагов. Революционная солидарность устанавливает связь между эксплуатацией и репрессиями в отношении других и нашей собственной судьбой и показывает людям моменты, в которых капитализм или государство действуют одинаково в самых разных местах. Создавая связи между противостояниями государству и капиталу, революционная солидарность способна вывести нашу локальную борьбу на глобальный уровень.

Более того, революционная солидарность — это всегда активная атака, она всегда включает в себя восстановление наших сил и

Любые компромиссы с институтами господства приводят к окончательному лишению нас дееспособности

Этика анархизма не может быть обращена в форму мнения, она умрет, став массивной

их приумножение в соединении с силами других. Многие повстанческие анархисты участвовали в борьбе против тюремного режима FIES (Ficheros de Internos de Especial Seguimiento — досье заключенных для специального наблюдения) в Испании. Это революционная борьба, поскольку она не нацелена на простое реформирование, ее окончательная цель — исчезновение тюрем, что подразумевает радикальные перемены в обществе. Это самоорганизованная борьба, в которой нет никаких лидеров или представителей ни внутри тюрем, ни за их пределами, а есть только солидарность, растущая между эксплуатируемыми людьми по обе стороны решетки.

Одно из основных преимуществ неформальной организации в том, что она позволяет анархистам принимать участие в промежуточной или специфической борьбе, не жертвуя принципами и не нуждаясь в единообразии действий и политики. В неформально организованной борьбе могут участвовать аффинити-группы, чьи политические взгляды на будущее могут сильно отличаться. Одни люди могут желать открыть перспективы для

восстания, в то время как других могут интересовать лишь ближайшие цели. Нет причины, по которой те, кто разделяет ближайшую практическую цель, но расходятся в долгосрочных целях, не могут быть вместе. Например, группа против генной инженерии смогла сформироваться, решив скоординировать действия по уничтожению образцов культур и распространению листовок против генной инженерии. В этом случае те, кто желал повстанческого разрыва с нынешним общественным устройством и те, кто просто ненавидел генную инженерию, легко смогли сотрудничать ради этой конкретной цели. Впрочем, группы, применяющие повстанческий подход в своих действиях, часто заканчивают конфликтом с другими группами, работающими по аналогичным вопросам. Фронт Освобождения Земли — неформально организованная сеть групп, придерживающихся стратегии нападения на тех, кого они считают разрушителями Земли, поносится мейнстримовым экозащитным движением.

В то же время, вполне возможно, их будут критиковать многие повстанческие анархисты за оборонительное сосредоточение на защите Земли и игнорирование социального аспекта революции. То, что позволит различным группам сотрудничать, — это координация с автономией.

Для тех, кто хочет открыть перспективы для восстания, подобная кооперация не закроет дверь к их мечтам. Неформальная организация с ее этикой автономии и отсутствия компромиссов не управляет борьбой, и неконтролируемость создает возможность для повстанческого разрыва с нынешним общественным устройством.

КОГДА ПРИДЕТ ВРЕМЯ ДЛЯ ВОССТАНИЯ?

У меня есть теория. Она заключается в том, что каждый раз, когда правительство или какая-либо корпорация совершают насильственные действия в отношении природы или человечества, каждый раз, когда нефтяной танкер корпорации загрязняет побережье, или они калечат, опустошают и разрушают природу, каждый раз, когда они это делают, я беру свой гнев и разме-

Я задаюсь этим новым ужасным вопросом: как я пойму, когда придет время для восстания?

щаю его в определенном отсеке моего мозга. И когда наступит время для восстания, я смогу добраться до этих кусочков гнева, которые я сохранил. Поэтому я провожу свои дни, терпеливо пытаюсь остановить безумие, которое движет правительством и корпорациями, и каждый день я слышу о новых зверствах. Я хожу на очередные демонстрации от А до Б, выкрикиваю какие-то лозунги, и затем в конце дня я вновь открываю этот специальный отсек и помещаю в него гнев по поводу какого-либо нового зверства в ожидании того дня, когда этот гнев понадобится мне, чтобы повергнуть Империю.

Но меня одолевает новый страх. Я чувствую, как гнев взывает ко мне из этого отсека, я слышу, как дверца открывается изнутри, и я задаюсь этим новым ужасным вопросом: как я пойму, когда придет время для восстания? Случится ли это, когда очередные озеро или река будут уничтожены из-за чрезмерного загрязнения? Когда лесозаготовительные компании разрушат еще одну экосистему и выселят коренные народы с их земель? Настанет ли тогда время для восстания?

Или это произойдет, когда правительство, или НАТО, или ООН разбомбит страну и убьет тысячи людей? Когда очередная ТНК окажется замешана в уничтожении

Революционная солидарность способна вывести нашу локальную борьбу на глобальный уровень

туземных племен ради опустошения еще одной земной природной территории? Наступит ли тогда время для восстания?

Когда твоя местная фабрика поставит очередной груз оружия, созданного и предназначенного для убийства людей типа тебя и меня? Если корпорации продолжат разрушать озоновый слой, если природа будет безрассудно разрушаться ради прибыли? Если определенные партии продолжают ставить под угрозу жизни множества прекрасных животных и растений нашей планеты? Настанет ли тогда время для восстания?

Или же мы продолжим просто устраивать демонстрации и составлять петиции в надежде, что система осознает свою вину и изменится, либо в надежде на будущую революцию, когда на нашей стороне будут массы, и мы будем способны привести все в порядок? Надеемся ли мы на это, в то время как система продолжает губить нас и планету настолько, что мир может стать непригодным для жизни к тому моменту,

как мы, наконец, созреем что-то с этим сделать? Продолжим ли мы ждать критического момента? Настанет ли тогда время для восстания? Или будет уже слишком поздно...?

Дополнительная литература:

Стоит поискать следующие англоязычные журналы повстанческих анархистов:

Killing King Abacus, PO Box 993, Santa Cruz, CA 95061, USA. Email: kk_abacus@yahoo.com Web: http://www.reocities.com/kk_abacus/

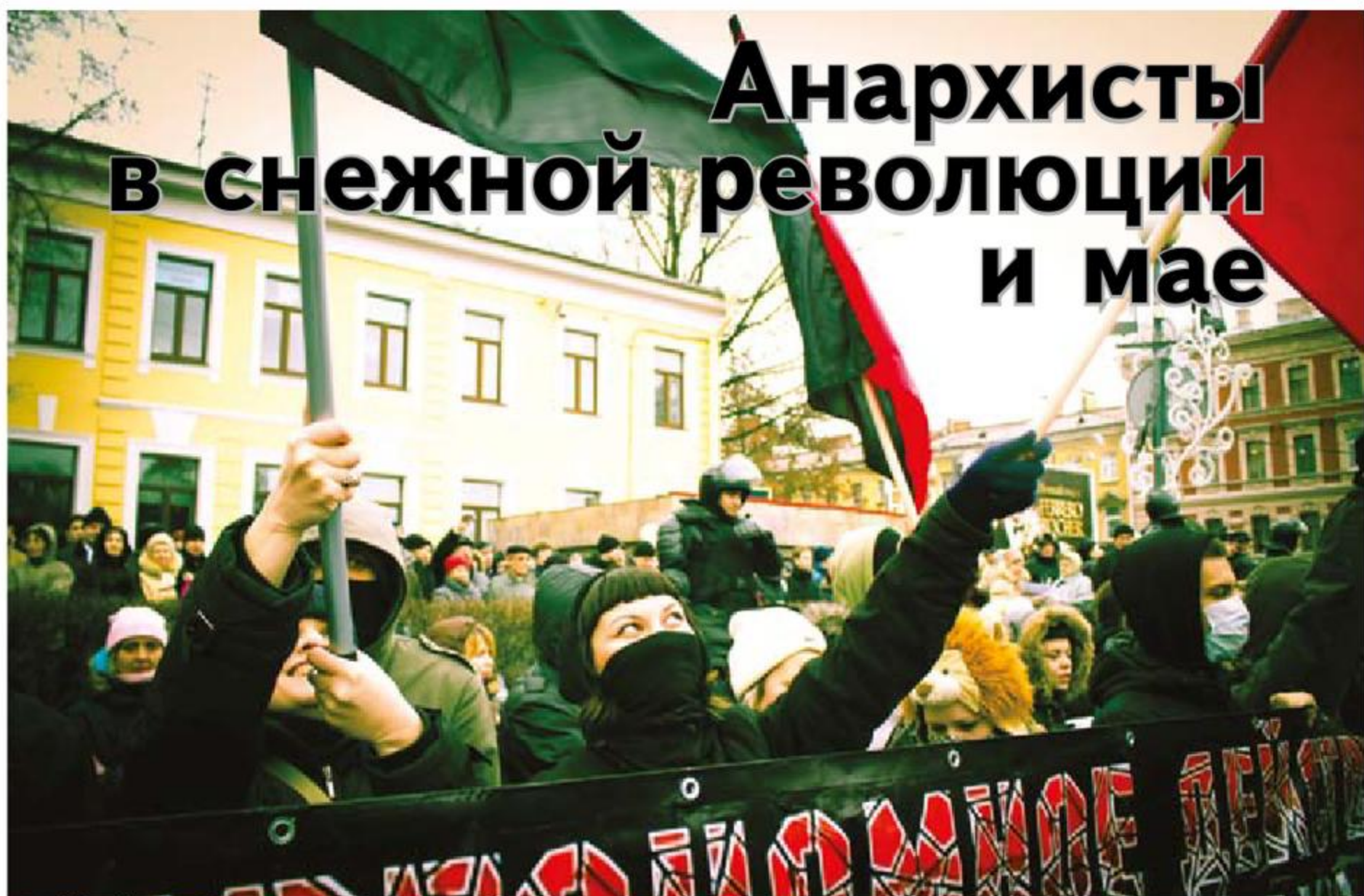
Wilful Disobedience, PO Box 31098, Los Angeles, CA 90031, USA. Email: acraticus@yahoo.com Web: http://www.reocities.com/kk_abacus/vbutterfly.html

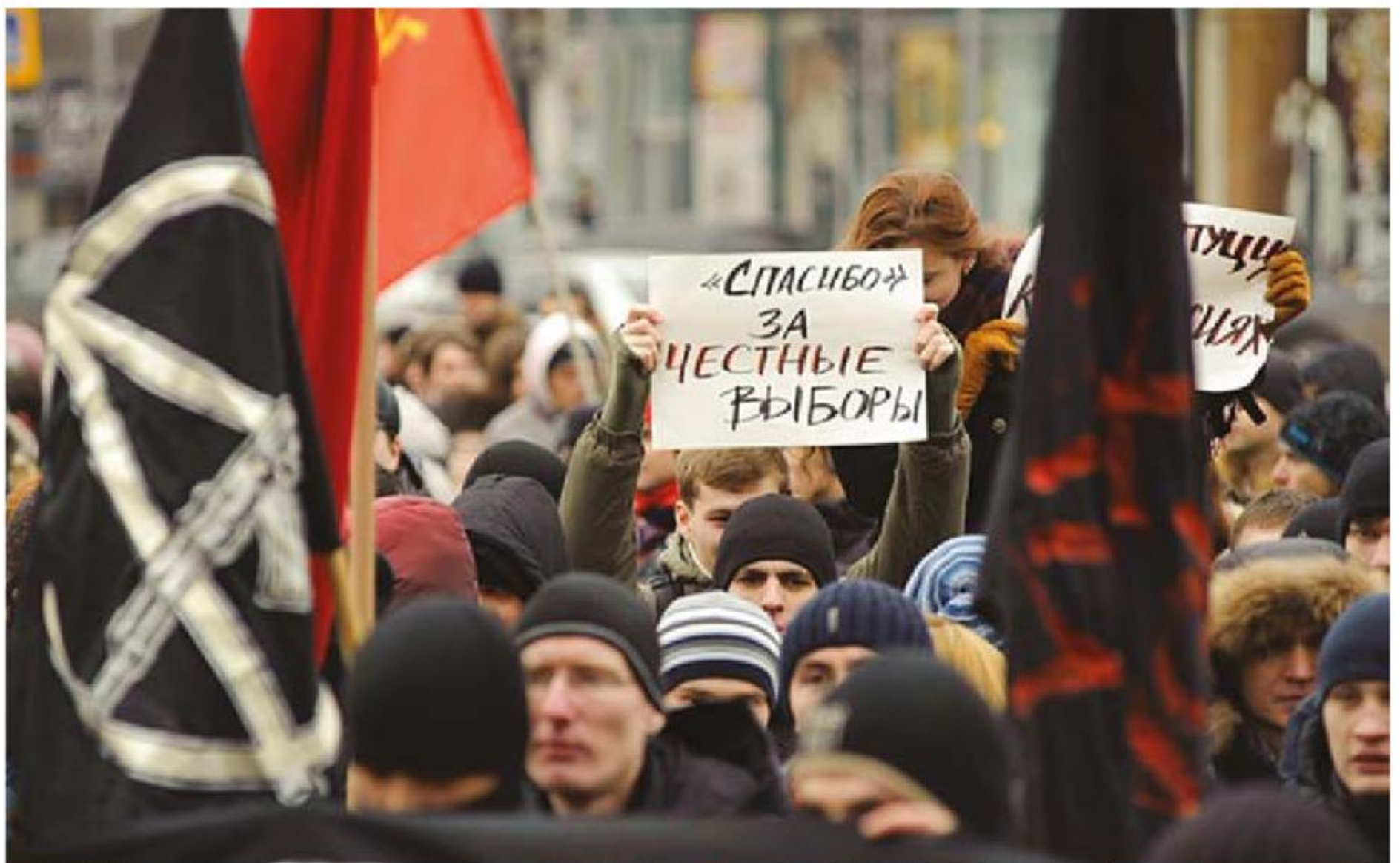
Многие работы повстанческих анархистов можно найти в публикациях Elephant Editions. Вышеназванные работы, большей частью памфлеты, можно заказать по адресу Elephant Editions, Лондон WC1N 3XX, Англия. Многие из них также можно найти в интернете на сайте http://www.reocities.com/kk_abacus/ioaa/ioaa.html

[5] Альфредо Бонанно «Анархистское напряжение»

[6] Никос сделал радикальное анархическое заявление во время суда, объясняя причины бомбардировки и свою повстанческую ненависть к государству и промышленности

Анархисты в снежной революции и мае

Эколагерь в Жуковском

Весной анархисты участвовали в экологическом лагере жителей подмосковного Жуковского против вырубki Цаговского леса.

Несколько раз участникам лагеря пришлось участвовать в столкновениях с охраной дровосеков. Можно сказать, лагерь закончился победой: дорогу через Цаговский лес все-таки проложат, но строительства вокруг нее пока удалось не допустить. Местные экологи также получили возможность свернуть ряд строительных проектов в городе, предполагавших вырубку леса.

МИХАИЛ ШЛЯПНИКОВ — СЕЛЬСКИЙ АНАРХИСТ

«Я давно уже хочу уйти от этих денег. Нельзя всё переводить в деньги», — так говорит фермер Михаил Шляпников из деревни Колюново (120 км от Москвы). Он цитирует Кропоткина и проповедует самоорганизацию. Недавно жители Колюново (не считая дачников, это сам Шляпников и несколько стариков) отправили властям бумагу: мы здесь сами свою жизнь наладим, а вы давайте свидания. Когда в 2010 горело Подмосковье, в Колюново работал лагерь добровольцев, через который прошли сотни волонтеров. Раньше в деревне была больница, которая обслуживала все окрестные села. Власти ее закрыли, и теперь Шляпников пытается восстановить эту «земскую больницу» силами волонтеров (причем описывает ее как самоуправляемый и антиавторитарный проект). Так что если местная власть не отберет участок, это будет очередной пример анархии, которая все-таки работает. Шляпников говорит: «Чиновники же понимают, что если мы сами начнем строить больницы, школы, дороги ремонтировать, свет проводить, то и власти нам не нужны».

1 мая по всей России

Традиционно Первомай — главный анархистский день уличных акций. В этом году в России демонстрации прошли в Москве, Санкт-Петербурге, Омске, Краснодаре, Твери, Тюмени, Ижевске, Томске, Череповце, Северодвинске, Новосибирске. А также в ряде городов СНГ — Харькове, Ереване, Севастополе и др.

В Москве несколько сотен анархистов прошли шествием по центру города в демонстрации политических групп, позиционирующих себя левее КПРФ. 250 питерских анархистов маршировали рядом с колонной МПРА. В Омске два десятка либертарианцев шли с баннером «Жизнь рабочих важнее прибыли». Молодая анархистская группа Краснодара с яркими баннерами промаршировала в общегородской демонстрации, после чего затеяла небольшую стычку с ультраправыми. «Свободы антифашистам Москвы» и «Природа важнее денег» — первомайские баннеры 40 ижевских анархистов. К общегородскому митингу анархисты присоединились и в Твери. В Томске леворадикальный митинг получился небольшим — всего 60 участников. В Череповце нацисты расписали анти-антифашистскими лозунгами стены по маршруту шествия анархистов, но напасть не решились. Свое шествие провела молодая группа АД-Северодвинск. В Новосибирске анархисты присоединились к шествию гражданских инициатив.

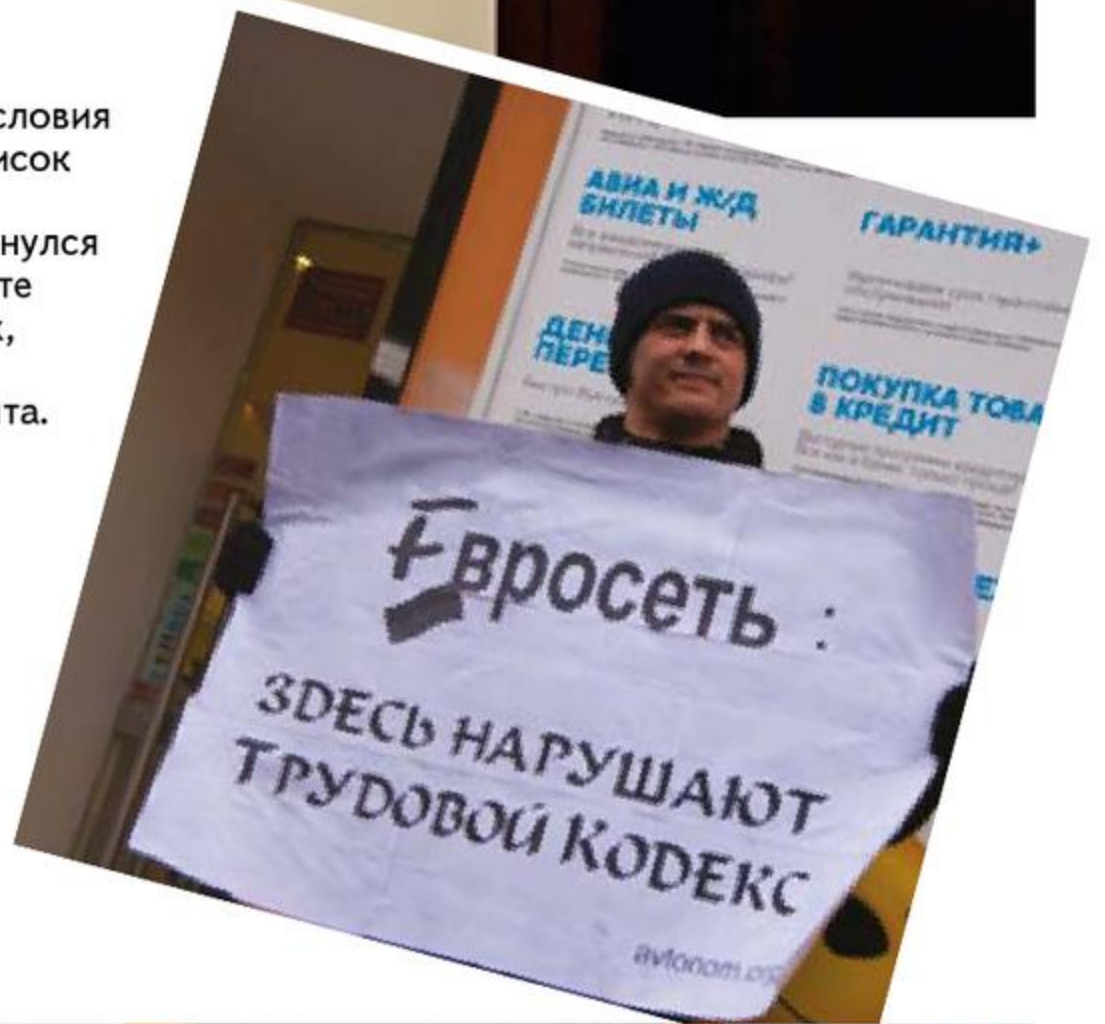

Antijob.net: «Евросеть» и «Шенк»

В московском кафе «Шенк» были плохие условия труда, работники писали о них в черный список antijob.net. У кафе сменился хозяин, и он разогнал нерадивый менеджмент. Но столкнулся с тем, что из-за информации на нашем сайте к нему никто не идет работать. Так как тех, кто терроризировал работников, в кафе больше нет, мы убрали информацию с сайта. В качестве гарантии уважения наемных работников новый хозяин повесил в кафе наши агитматериалы.

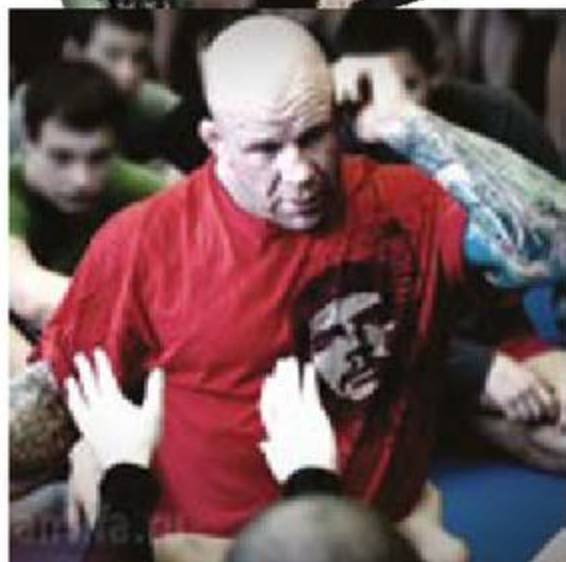
Antijob.net поддержал уфимца Карена Кудашева, создавшего профсоюз работников «Евросети» в своем городе, и добившийся отмены ряда потогонных условий труда в магазине, в котором работал. Правда, его все-таки уволили, но Карен надеется восстановиться по суду. В его поддержку прошла серия одиночных пикетов.

Анархисты выбирают спорт

Под эгидой анархистов и антифа активно проводятся турниры по футболу, регби, миксфайту, жиму лежа, массовые пробежки и велозаезды. Действуют «идейные» тренировочные группы по стрельбе, ножевому и рукопашному бою. Звезда миксфайта анархист Джефф Монсон проводил специальные семинары для либертарианцев в Москве и Питере.

Антти Раутиайнен

Финн Антти Раутиайнен — один из основателей «Автономного Действия», член редакции «Автонома». Весной ФСБ лишило его разрешения на работу в России, а потом — не дало визу. Антти более 10 лет жил в России, и не имел даже административок, но в его деятельности спецслужбы нашли потенциальную угрозу конституционному строю.

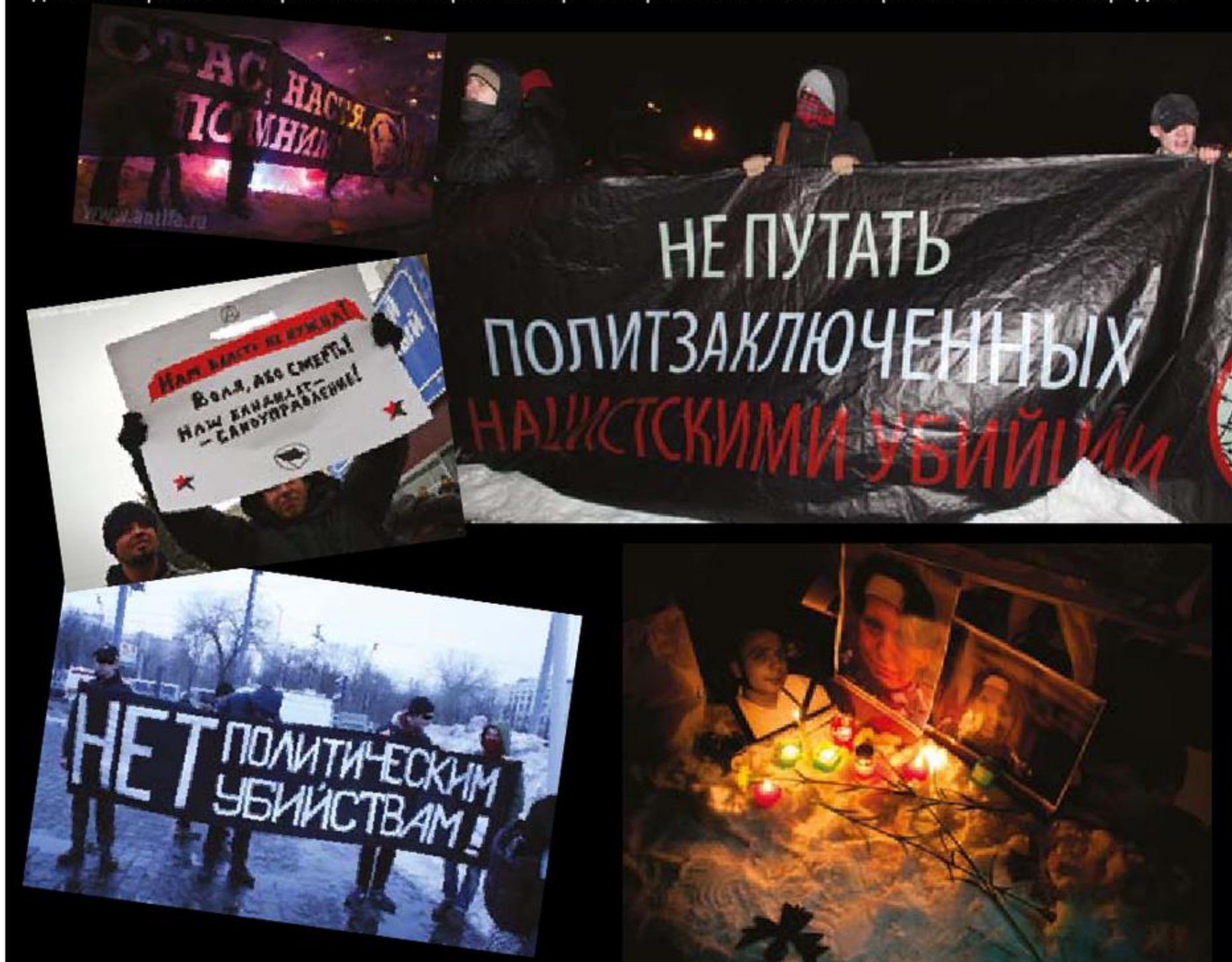
Санкт-Петербург: «Аврора» и костыли против центра «Э»

Санкт-Петербург в последнее время отличается креативным подходом к уличным акциям. Например, когда анархисту Филиппу Костенко наймиты охраны сломали ногу, активисты провели пикет против политических репрессий, растянув баннеры на костылях. Один из лозунгов — «Всех не переломаете!» Большой резонанс получила акция по символическому захвату «Авроры» в день всемирной борьбы с бедностью.

Никита Калинин

Двадцатилетний анархист и антифашист из Самары Никита Калинин был зверски убит 9 февраля — на его теле нашли более 60 ножевых ранений и другие травмы. Полиция задержала одного из возможных убийц, не связанного с ультраправыми — над ним начался суд. Он отрицает свою вину, да и самарские антифашисты не верят полиции. Акции памяти Калинина прошли во многих городах.

ЕДА ВМЕСТО МЕНТОВ

Репрессии в Беларуси против «Еды вместо бомб»

После так называемого «дела анархистов-поджигателей», прихлебатели батки Лукашенко взялись за всех анархистов республики. Под ударом оказалось даже такое мирное движение, как «Еда вместо бомб». Апогеем произвола стал срыв в конце марта благотворительного панк-концерта в поддержку движения в Минске. Спецназ ворвался в клуб, где должен был состояться концерт, и повязал всех находящихся в нем.

Эшники и ФСБшники

С этого номера мы начинаем серию рассказов о наиболее одиозных сотрудниках органов, шпионящих за анархистами.

Итак, номер первый — «Женя ФСБ», «Женя Друг». Представляется Евгением Платовым. Молодой гиперактивный московский опер, работает по всем оппозиционерам, в том числе, активно по анархистам. Например, участвовал в задержании анархистов перед антивыборной акцией 4 декабря, организации фашистской провокации на антифашистском митинге в марте, задержании Алексея Сутуги в апреле.

«Тушин». Представляется Алексеем Крутовым. В 2001 году пытался внедриться в «Автономное Действие», но был разоблачен в течение трех с половиной месяцев. Осуществляет слежку за оппозиционерами на митингах, иногда пытается вытаскивать людей на беседы. С 2001 года почти не постарел, сохраняя лицо неопределенного околосорокалетнего возраста. На самом деле, наверное, не самый мерзкий фейс, так как явно не пытается выслужиться, не относится к своей работе с большим рвением. 6 мая осуществлял оперативную съемку беспорядков на айфон, но довольно быстро срулил с линии противостояния демонстрантов и ОМОНа. Видимо, решив, что его тело — не казенное.

Алексей Трифонов. Подполковник, глава Нижегородского центра «Э». Помимо уже описанного дела «Антифа-РАШ», склонен и к другим бредовым фантазиям: например, центр «Э» именно в Приволжском федеральном округе ввел моду на «разоблачение тюремных джамаатов» — на практике, терроризирования заключенных-мусульман. Именно в Нижнем Новгороде произошло знаменитое «дело домашних мальчиков» (см. о нем в статье «Дикие дети»). Все политические активисты Нижнего Новгорода жалуются на давление, угрозы и избиения, творимые эшниками.

Тушин (слева)

Женя ФСБ

Трифонов

АМБАРНЫМ ЗАМКОМ ПО ТУПОЙ НАЦИСТСКОЙ БАШКЕ!

В этом номере мы начинаем новую рубрику — «Автоном 10 лет назад». Десятилетие журнала прошло уже 7 лет назад, но первые номера почти все потеряны, и в основном состояли из коротких обзоров новостей. В этой рубрике вы можете познакомиться с духом первых лет журнала — орфография авторов сохранена!

В Краснодаре 17 марта в к/т «Виктор» проходил очередной рок-сейшн, на котором сыграли hc-группы «Штрих-код», «Шандарах» и др. Конечно, на сейшн привалило много панков и скинов. После того, как группы отлабали и стукнуло 20:00, всех выперли из зала. На улице народ стал возмущаться и мы с тов. Б. в отместку администрации разбили ногами 2 стекла. Вся толпа ломанулась наутек. Я, Б., Муравей и еще 7 панков-антифа сели в трамвай, в котором уже разместились 7-10 бонхедов. Я стоял рядом с ними, и эти уроды начали докапываться, почему у меня красные шнурки. Я им ответил, что я RED и ударил первым. Началась долбежка. Они, наверное, не ожидали, что все остальные тоже налетят на них и сразу дали задний ход — когда открылись двери, они выбежали. Мы за ними. Начали с ними разбираться и тут один наци-скин достал нож, но все-таки испугался и спрятал. Потом мы сели на трамвай, а

фашня пошла пешком на место тусовки у Дома Книги. Однако мы решили вернуться. Придя на «книжку», по пути вооружившись палками и цепями, мы обнаружили, что нациков стало больше. Они схватили меня толпой и потащили типа базарить, но я достал палку и начал их ебашить что есть мочи. Тут началась уже массовое месиво. Один нацик каким-то образом схватил меня за рот, я его несколько раз ударил палкой по башке, затем он мне сказал, что если я не выброшу палку, он порвет мне рот и мне пришлось ее выкинуть. Но тут подлетел доблестный тов. Б. — у него был а огромная цепь и на конце увесистый амбарный замок — и четыре раза мощно ударил нацика по его тупому кумполу. Фаик свалился, забрызгав мне всю одежду кровью. Затем бонхеды в очередной раз дали за-

днюю, а мы спокойно поехали домой. No Pasaran!

Тов. Ураган
(«Автоном» #18,
январь-май 2002)

ПОСЛЕЗАВТРА

ЧТО ТАКОЕ?

«Послезавтра» — это проект по коллективному отбору самых интересных материалов, в которых содержится критика как откровенно иерархических институтов, так и скрытых механизмов экономического принуждения, а также информация о движениях и проектах, стремящихся изменить существующий социальный порядок.

ЗАЧЕМ?

У «Послезавтра» две взаимосвязанные задачи: быть способом распространения информации и местом встречи единомышленников. Чем шире расходитя информация, тем больше шансов найти единомышленников, чем больше единомышленников, тем громче наш общий голос.

www.poslezavtra.be

Практическая АнАрхия

Все свободны

Интервью с работником
самоуправляемого книжного магазина

«Все свободны» — это книжный магазин, чайный клуб, хэнд-мейд лавка, буккроссинг, постоянные презентации, встречи с философами, художниками и множество других интересных вещей. Открыт в апреле прошлого года и располагается в Санкт-Петербурге, на набережной реки Мойки, 28. Кроме любви к искусству и книгам, нам «Все свободны» интересен как проект, созданный его участниками. Место, где все решения принимаются теми людьми, кто в нем работает. Где нет хозяев, акционеров, владельцев и начальников. Отвечает Любовь Беляцкая — одна из «всех свободных».

— Расскажи, как возникла идея? Открытие самоуправляющегося предприятия, принадлежащего коллективу, наверное, одно из самых распространенных желаний среди антиавторитарных активистов — анархисты все время мечтают о веганских кафе, собственных клубах, инфошопах и других подобных инициативах. Почему именно книжный магазин?

— Причин было очень много. Основная — если видишь дело, которое необходимо делать, значит его нужно делать тебе. В прекрасном городе Петербурге нет идеального с нашей точки зрения книжного магазина. Такого, чтобы найти интересующую тебя литературу по низкой цене, чтобы можно было посидеть в уютном месте, почитать, поговорить, выпить чаю. Во «Все Свободны» мы попытались создать обстановку независимого европейского магазинчика или просто квартиры друзей. В городе очень мало мест, где бы тебя со всех сторон не окружало потреблядское чувство или намекающие взгляды продавцов. Очень нам не хватало места, где было бы необязательно пить алкоголь, чтобы тусоваться с друзьями. Так и сделали. Ну, остальные причины очевидны — работа в офисе угнетает и сил там работать нет. Очень сильным толчком для действий стало знакомство с Борисом Куприяновым. Он очень по-

мог и собственным вдохновляющим примером, и добрым словом, и советом и знакомствами.

— **Что было самым сложным делом в осуществлении проекта? Были ли какие-либо препятствия со стороны полиции или властей?**

— Нет, с их стороны пока никаких препятствий не было. Самая большая трудность — мотивировать людей. Очень мало, как выяснилось, людей, способных работать за идею без денежного стимула. Даже и убежденных «леваков».

— **Что чувствуешь, работая в «Все свободны», по сравнению с предшествующей занятостью, суть которой в основном заключалась в обогащении начальника и владельца предприятия? Самое приятное чувство и наоборот? :)**

— Самое приятное это ощущение усталости. По сути, ты целый день тусишь и устаешь от этого — это приятно, это осознание того, что ты общаешься с людьми, с которыми тебе действительно нравится взаимодействовать. Это достаточно тяжело. Например, сейчас, когда мы разговариваем — у меня первый выходной за этот месяц, все остальные дни я провела в магазине, но это время прошло по-настоящему хорошо. Конечно, попадается много фриков, каких-либо городских сумасшедших, но их число незначительно по сравнению с теми людьми, для которых магазин стал интересным открытием.

Самое неприятное — это ощущение, когда тебе не верят. Когда приходят в магазин с фразой

«можно поговорить с вашим начальством» и скептически слушают объяснения о том, что никакого начальства нет. Или когда людей интересует лишь окупаемость заведения. Не твои идеи и не книги, а лишь звон монет, и то чужих, волнует.

— **Насколько сложно, на твой взгляд, повторить вашу инициативу? Санкт-Петербург — крупный город с большим количеством заинтересованных во «Все свободны» людей, как ты считаешь, возможно ли открытие подобного магазина в других местах где-либо в провинции? Что для этого необходимо в первую очередь?**

— Думаю возможно, причем практика это подтверждает: в Перми есть магазин «Пиотровский» близкий нам по формату, недавно открылся подобный книжный в Пензе. Я думаю, такие инициативы будут востребованы в каждом городе, просто в небольших городах, чтобы держаться на плаву может потребоваться дополнительно продавать канцелярию и учебники. Для того, чтобы его открыть, в первую очередь нужна вера в себя — это самое важное. Ну и еще надо точно знать, зачем это тебе и что ты хочешь сделать.

— **Насколько известно, первоначально магазин должен был открываться под названием «Фаланстер в Спб» — почему этого не произошло?**

— Немного не так: «Фаланстер» был скорее идейным примером, ориентиром, на который мы равнялись

наряду с аналогичными европейскими проектами. Назвать магазин «Фаланстером в Спб» мы не планировали, это был рабочий вариант, когда надо было уже как-то называться, а мы еще не пришли к единому мнению.

— **Каких политических взглядов придерживаются участники проекта «Все свободны» и ты в частности?**

— Раньше я позиционировала себя как анархиста, но разновидностей анархизма и того, что под этим словом понимают слишком много. Сейчас мне кажется логичней обозначать, что я придерживаюсь таких-то и таких-то идей, и принципов. Если говорить об общих принципах, которые разделяют все в магазине, то это в первую очередь: самоорганизации, мы организуемся по принципу горизонтальной иерархии, и такой принцип как «если ты видишь дело, которое необходимо сделать — это дело необходимо сделать именно тебе», то есть у нас нет такого, что кто-то приходит и говорит «ребята, надо подмести пол, заказать книжку и т.д.». Говорят — «ребят, я подмел пол и заказал книжку». Некоторые участники не определяют себя как анархистов, но по факту действуют либертарно.

— **Многие считают, что подобные предприятия — отличный способ улучшить свою собственную жизнь, избавиться от начальства и приобрести непосредственный опыт самоуправления, но также и что все это является скорее дополнением к другим методам борьбы. Какова твоя точка**

зрения? **Чем помимо магазина заняты люди, работающие в нем?**

— Я воспринимаю «Все свободны» скорее как наглядный пример для окружающих. Мне кажется, что это само по себе достаточно важно и сейчас основные усилия сконцентрированы именно на магазине. Помимо него в последнее время я занималась кампаниями по освобождению нескольких политических художников, также делаю передачи на радио FreeNode. В целом все по-разному, другого единого направления деятельности у нас нет. В целом, я согласна — это один из методов не «борьбы», но «правильной» жизни в обществе. То есть создание «правильного» с твоей точки зрения пространства.

— **Испанские анархисты, вспоминая революцию 36-37 годов, говорили: «Мы многого достигли, но сделали это нехорошо. Вместо старых владельцев мы поставили полдюжины собственников. Нет никакой необходимости создавать в Испании новый вид собственников, следует, напротив, социализировать собственность существенную». Имея ввиду то, что одно самоуправление само по себе не отменяет рыночной экономики, не угрожает капитализму и не приводит к либертарному коммунизму. Как ты считаешь, каким должен быть следующий шаг к безвластному обществу после того как предприятия перейдут в руки тех, кто на них трудится?**

— Мне кажется, одной переменной системы управления не добьешься желаемого, впрочем, как и обобществлением производства и т.д. Необходимо изменение сознания людей, чтобы они задумывались о «соседе», тех людях, которые находятся рядом с ними. Очень важно воспитывать в окружающих ответственность и вовлеченность во все происходящее, чтобы выбить из головы политику «лишь бы меня не трогали». Чтобы выбить из головы мнение, что раз это не моя личная собственность — значит мне все равно. Я имею ввиду, когда людей фактически не интересует все, что происходит за порогом их уютного мирка. Надо как-то переубедить всех, что мир вокруг зависит от них, а не от далеких неведомых дяденек, на которых они возложили некую надежду. Если ты хочешь знать по пунктам мою политическую программу после захвата почтамта, телеграфа, роспуска отрядов вооруженных людей и замены

их дружинниками, то это сложный вопрос, и, пожалуй, надо сначала отрасать окладистую седую бороду, чтобы на него ответить. Но в целом, видится мне, что должна быть очень четко организованная сеть людей, которые будут ответственно координировать необходимые для жизни сферы: чтобы никто не голодал, никого не убивали, чтобы производство продолжало производиться, а интернет работал.

— **Большинство самоуправляющихся предприятий недолговечны: во многом это связано с тем, что инициатива все равно должна действовать в условиях навязанных рынком. Как вы оцениваете будущее проекта? Чего хочется достичь? Какие планы?**

— Не то чтобы в условиях рынка, а стимулировать ее участников достаточно — морально или финансово. «Фаланстер» работает уже 9 лет — вот живой пример. Мне кажется, что в развале инициатив подобных нашей — дело не в самоуправлении, а в самом предприятии: влияет не только рынок, но и сами отношения и интересы участников. Многие люди

просто ленивы или быстро остывают... Мне хочется верить, что мы будем вне системы «рынка» в том смысле, что никогда для нас не будут важны коммерческие ценности. Я хочу, чтобы в Питере, да и вообще по всей России была люди и места, где заинтересованы не в зарабатывании бабла, а в том, чтобы мир стал лучше. Хочется помогать другим, и чтобы таких проектов было много.

— **Какие книги ты бы посоветовала читателю этого интервью?**

— Мне кажется, мало читают классику: Маркса, Бакунина, Кропоткина — в основном читают статьи о них и пересказы. Из недавно изданных и переизданных книг — «Штурм небеса» Ультра-Культуры 2.0 и их же «Грядущее восстание», книги Славоя Жижека — поп-звезды мира философии. «Забывтый интернационал» Вадима Дамье. Читать больше антиутопий. Весьма советую Савинкова, особенно «Воспоминания террориста». Больше читать социологии, политической критики. Иногда проще советовать издательства — «Гилея», НЛО.

Фримаркеты: ликвидаторы скупердеев

Свободные рынки без денег

Really really freemarket — действительно-действительно бесплатная ярмарка, неоднородное движение, инициированное отцом-основателем «Еды вместо бомб» Кейтом МакГенри и широко пропагандируемое коллективом Crimeth Inc. (о Господи, да-да, теми самыми дурацкими панк-анархистами), ныне торжествуют и на Руси под аплодисменты довольной публики. Они регулярно проходят в разных городах и весях, собирая то 15, то 600 человек. Чаще всего организаторами выступают активные ребята и девчата, пытаясь играючи сломить капиталистическую систему. Так что же действительно это за зверь?

Фримаркет — это ликвидация в себе скупердя, барахольщика и коллекционера ненужных вещей, которые «авось еще пригодятся», но которые — все мы знаем! — будут лежать на антресолях. Бабушкины шубы, украденные из секонда и не подошедшие по размеру шмотки, хардкор-диски из радикальной юности, юбочки-рюшечки, ножи и подшивка контркультурных журналов, вся ценность которых лишь в их раритетности, так хоть пусть наблюдатель со стороны переугарит.

Фримаркет — это модно, помни это, когда будешь с важным видом рассуждать о своем детище перед журналистами, которым невдомек о новых веяниях ровной молодежи. Москва, Минск, Калининград, Питер, Красноярск, Самара, Петрозаводск, Жуковский, Брянск, Краснодар, Новороссийск, Ульяновск, Тверь — где-то еще, главное не стоять на месте, а выдумывать все новые приколы и двигаться вширь (больше районных мероприятий) и внутрь (дарить приятности не только в отведенное время на определенном месте).

Фримаркет — это общение, прежде всего, с теми, кто желает уничтожить в себе позицию собаки на сене (ни себе, ни людям), а также

с активистами и «пассивистами», бывшими товарищами по демонстрациям и будущими собутыльниками, модными девчонками и их странно выглядящими друзьями, товарищем У. и редакторами официальных, но четких СМИ, соседскими старушками, решившими увидеть, чем же на самом деле живет молодежь, и многодетными матерями, которые правдивей всех расскажут, как можно жить, верней выживать, в Москвададе.

Фримаркет — это не просто общение, это разговоры в совершенно другом антураже, в атмосфере всеобщего дарения на территории лесопарков городских окраин, старых заводских ангаров, в хипстерских арт-помещениях, в затрапезном ДК накануне концерта и просто на лавочке.

Фримаркет — это даже не возможность найти, что хотел, а удача встретить что-то, о чем так давно мечтал, и способность радоваться тому, что люди умеют делать друг другу приятное. И плевать, что это могут быть валенками с галошами, пластинки «Кино», умные книги от бородатых ученых, кришнаитские сладости, кастеты в подарок приятелю, недырявые штаны нужного

размера, ведь главное — это радость от процесса.

Фримаркет — это не только обмен вещами, но и умениями: рисование, танцы, вышивание, кулинарные секреты, игрушки своими руками в подарок детишкам и любимым, рукопашный бой, рэпование, первая медицинская помощь. Кроме того, возможность услышать умных людей, вещающих в микрофон, и возможность обсудить это в кулуарах перед началом кинопоказа.

Фримаркет — это не только возврат к корням, когда на деревенском сходе мутили ярмарку и простой люд, насладившись веселым балаганом, мог подарить себе и каждому праздник, вручив любимым и не очень людям нужные вещи, но и инициатива, наряду со сквотами, коммунами и прочими лачугами, это будущее. Основная идея проекта — вернуть себе городское пространство, уничтожить товарно-денежные отношения между людьми и создать в чреве умирающего общества новые модели поведения, уничтожить самое понятие цены и себестоимости, нивелировать экономический смысл вещей и действий, вывести из себя людей, которые не понимают, что значит бесплатно (хотя, конечно, бес платит!).

Фримаркет — это анархично, черт возьми, если тебя не убедили все прошлые доводы оторвать задницу и сделать хоть что-то. Наследство «Еды вместо бомб», которая уже не является модной тусовкой, но здесь мы тоже имеем возможность встречаться, обмениваться последними обновками и сплетнями, и все это на безвозмездной основе.

Достаточно лишь самым инициативным, прокачавшись на сайте фримаркетов нужной информацией, пойти в ближайший ДК, школу, парк, клуб и непременно убедить руководство мантрой о том, как это классно. Или, в случае, если на улице все-таки лето, просто взять побольше хорошего настроения и пакетов, на которых можно разложить принесенные вещи, рас-

клеить на районе классных афиш, позвать музыкантов с гитарами и винилом, организовать встречу в контакте и ждать гостей. Главное не забыть напомнить, чтобы не несли всякую погань, которую после окончания мероприятия будет стыдно отдать не то что в фонд помощи бездомным, но даже в собачий приют на подстилки.

Леха Джейтмиев

Ультра.Культура 2.0

Обновленное издательство снова на передовой антиохранительского фронта

«Ультра.Культура» — широко известное не только в узких кругах издательство, чьи бумажные манускрипты с описанием язв современности успели многих разозлить, многих спровоцировать, многих вдохновить. С вновь восставшей из пепла издательской артелью решили пообщаться о делах текущих. С Александром Бидиным беседовал Леха Джейтмиев.

— Саша, привет. Представь издательство тем, кто впервые о вас слышит.

— Уверен, что почти все читатели более-менее знакомы с «Ультра.Культурой» хотя бы по разгромной статье в одном из старых номеров «Автонома». Но, думаю, немногие обращают внимание на приставку 2.0, которая сопутствует нынешней формации.

Прошло 3 года, в течение которых бывшие участники из-

дательства «Ультра.Культура» периодически думали о том, как восстановить проект, и в 2010 году нашелся фонд «Тамалекс», который захотел профинансировать издание нескольких книг.

Поскольку юридически издательство принадлежит теперь АСТ, мы сделали «новое» название — «Ультра. Культура 2.0». К тому же изменению подверглась и структура издательства: ее можно охарактеризовать как артель. У нас нет владельца и никто

не получает прибавочную стоимость, но мы оплачиваем труд людей, участвующих в производстве и распространении, а решения принимаем коллективно, например о том, что мы будем выпускать на деньги, заработанные от продажи спонсированных книг. Кроме того, существенное внимание уделяется онлайн-составляющей проекта.

— **Какие провокации уже успели издать?**

— Рассматривать деятельность «Ультра. Культуры» только как провокацию будет не вполне верно. Все мы знаем, как этот, анархический по сути, жест был успешно адаптирован поп-культурой и рекламной индустрией. Если говорить кратко, то наша цель — разрушение главенствующей идеологии, какой бы она ни была на текущий момент. Ведь идеология — это ложное сознание, которое призвано укрепить стабильность властных отношений через объявление существующего порядка вещей как «естественного», «морального».

Любые феномены угрожающие «статусу кво», выставляются системой как маргиналии, цензурятся и исключаются. Именно поэтому целью издательства было дать им голос, вне зависимости от того, разделяем ли мы их идеи или нет. Свободный человек должен сам выстраивать собственную позицию по любому вопросу и постоянно проверять

УльтраКультура. Начало.

Первая «Ультра.Культура», главредом которой был Илья Кормильцев, появилась в 2002 году. К тому времени Илья был составителем нескольких книжных серий, в том числе «Альтернативы», что выходила в оранжевых обложках и специализировалась на контркультурной прозе. Важным моментом является то, что «Альтернативу» издавал монстр книжного рынка АСТ, и, как любая корпорация, она была сосредоточена в первую очередь на извлечении прибыли, нежели на книгоиздательской культурной миссии. С другой стороны, эта серия на практике доказывала наличие спроса на литературу, противопоставляющую себя мейнстриму. Тогда Илья выступил инициатором создания нового проекта, не зависящего от внутренней цензуры АСТ, с собственной идеологией и целями. Важно понимать, что любая систематическая деятельность требует материальных ресурсов. Выпуск книг, особенно иностранных, это весьма трудоемкий процесс. Нужно заплатить денег переводчику, что бы он смог перевести книгу в сжатые сроки, выкупить на нее права, отредактировать, откорректировать, сверстать, напечатать, распространить по магазинам. Если речь идет об одной книге, то часть этих задач, конечно, может быть выполнена на энтузиазме, в свободное от основной работы время. Однако выпуск книги растянется на неопределенный срок, ведь люди основную часть своего времени будут заниматься «зарабатыванием денег», а на проект тратить ту небольшую часть, что отводится на «отдых». Думаю, данная ситуация должна быть хорошо знакома всем активистам. Если речь идет о регулярном издании множества книг, то тут нет никаких других вариантов, кроме как пытаться найти баланс между необходимостью зарабатывать и желанием делать интересные книжки.

В начале двухтысячных возникла возможность создать издательство, балансирующее на этой грани. Илья собрал нескольких человек, в том числе Алексея Цветкова, редактора нон-фикшн «У-фактории» Вову Харитонову и Александра Касьяненко — дизайнера книжных обложек, в том числе разработавшего макет той оранжевой серии. Так стартовала первая «Ультра.Культура», просуществовавшая до 2007. Даже несмотря на все внимание СМИ, проект не был таким уж успешным с финансовой точки зрения — сыграли свою роль репрессивные органы, изымающие тиражи, и общая деградация книжной индустрии, которая была фактически монополизирована несколькими огромными корпорациями, скупившими большую часть точек распространения и забивающими их всякой макулатурой. Это, кстати, глобальный процесс — то же самое происходило с книжной индустрией по всему миру.

Прекрасно этот феномен описан в книге Андре Шифрина «Легко ли быть издателем. Как транснациональные концерны завладели книжным рынком и отучили нас читать». Доходило до того, что работники издательства, в том числе и Кормильцев, пару раз устраивали «забастовки», требуя своевременной оплаты за свою работу от владельца издательства. Закрытие было связано сразу с несколькими причинами. Во-первых, инвестор захотел избавиться от своего издательского бизнеса и продал УК вместе с другими проектами все тому же пресловутому АСТ, а во-вторых, умер Илья. АСТ возобновлять деятельность издательства не захотело и выпустило пару готовившихся книг в рамках своих штатных серий.

на прочность собственные убеждения, в том числе рассматривая аргументацию тех, чьи взгляды могут быть ему неприятны. Это процесс вечного развития и движения, который мы противопоставляем охранительскому зуду не пущать и запрещать.

— По каким статьям успели осудить?

— Формально в России запрещена цензура, и осудить за книгоиздание не могут. Но если книга признается нарушающей законодательство, то могут ее изъять или осудить за распространение. Таким образом, книги пропадают из магазинов, и деньги, вложенные в их печать, сгорают. Основными пунктами, по которым нас прессывали, были наркотики и порнография. Экстремизм тогда еще был не в «моде». Характерно, что даже такой культурологический и явно не пропагандистский труд как «Культура времен апокалипсиса» была изъята под предлогом пропаганды кетамина.

— Какова реакция читателей?

— «Охранители» брызгали слюной и подавали иски, например от лица «Народного Собора». Либеральная интеллигенция не простила Кормильцеву книгу про наци-скинхедов, и его уволили из журнала «Иностранная литература». С другой стороны, все книги издательства сканировались энтузиастами и выкладывались в сеть, что как бы говорит об востребованности. Лично я знаю некоторых людей из анархо-среды, которые перед тем, как влиться в движение, прочитали многие книги издательства и уверен, что они существенно повлияли на их восприятие действительности.

— Как я понимаю, раннее издательство скорее публиковало описание окружающего пиздеца, все что контркультурно — в том числе наркотики, нацизм, педофилия, сатанизм, — сейчас все более склоняется к окололевацкому осуждению? С чем это связано?

— Как я уже говорил выше, цель издательства — разрушение любой идеологии, которая стремится занять гегемонию, а не

Если говорить кратко, то наша цель — разрушение главенствующей идеологии, какой бы она не была на текущий момент. Ведь идеология — это ложное сознание, которое призвано укрепить стабильность властных отношений через объявление существующего порядка вещью как «естественного», «морального».

УльтраКультура левых

Когда в современной России левые не имеют ни собственных больших СМИ, ни каких-то крупных организаций, а Медведев открыто называет марксизм экстремистским учением — это означает, что система чувствует опасность для себя, исходящую из этой области знания. В то время как национализм система уже удачно переварила и вписала в себя. Взять того же Охлобыстина.

Собственно УК и ранее не издавала таких фашистских агиток вроде «Вся правда о жидовском заговоре». Было выпущено 2 книги — «Скины. Русь пробуждается» и «Дневник Тернера». Лично мне кажется, что читая эти книги, любой нормальный человек пропитается здоровым отвращением к расистам. В «Скинах» главный герой производит впечатление идиота с явными садистскими наклонностями — чего стоит хотя бы описание того, как он с друзьями избивает беременную женщину до выкидыша, сделанное в таких совершенно героических тонах. «Дневник Тернера» — тоже крайне увлекательное чтение, которое дает прекрасное представление о параноидальном стиле мышления ультраправых, которые ради достижения своих целей готовы устроить катастрофу, где погибнет львиная часть «собратьев по цвету кожи».

хипстерское желание покопаться во всякой яркой дичи. Собственно УК и раньше выпускала книги про левых и тексты левых авторов: «Антология современного анархизма и левого радикализма», «Восстание среднего класса» и «Периферийная империя» Кагарлицкого, «Революционное самоубийство» Хью Ньютона, «Суперприсутствие» Цветкова, «Потреблятьство — болезнь, угрожающая миру», «1968» Патрика Рамбо, «Евангелие от змеи» Пьера Бордажа, «Словарь тактической реальности» Беккера Конрада, «Вэспер, Энслин, Баадер», «4 мировая война» Субкоманданте Маркоса...

Это связано с тем, того левая теория подразумевает критику и деконструкцию существующего порядка, что нам очень близко.

— **Вы свободно выкладываете книги в открытый доступ. Не снижает ли это спрос на бумажные носители? Насколько велик интерес к выложенным в сеть книгам? И кто победит — бумага или экран?**

— Честнее будет сказать, что мы выкладываем книги в полу-свободный доступ. Вы можете читать книги на сайте, но электронная версия для ридеров продается уже за деньги. Если книга утекает в сеть, то мы тоже не печалимся, даже скорее этому рады. Задача любого издательства — произвести книгу и сделать так, чтобы как можно больше людей ее прочитало, а плата за книги взимается, чтобы и дальше продолжать деятельность. Если книгу никто не прочитает, то зачем ее вообще выпускать?

Что касается схватки бумаги и экрана, то, безусловно, скоро все будет читаться на ридерах. Бумажные книги никуда не исчезнут, так как в отличие от тех же аудиокассет, для их использования не нужны дополнительные устройства — открыл и читай, но их роль как главного носителя текста пострадает. Возможно, что следующему поколению, которое будет учиться читать уже с экрана — бумажные книги будут казаться крайне неудобными и непривычными. Им будет удобнее мотать текст, нежели переворачивать страницы.

— **Что интересное выходило у вас в последнее время?**

— Самая последняя наша книга — это совместный проект со «Своими 2000», создателями фильмов «Пыль» и «Шапито шоу», организаторами первых московских стритпати, на основе которых уже позднее возникла новосибирская «Монстрация». У них была телега про «Движение за добровольные сегрегации» — по сути такой автономизм. И один из них, от лица героя «Шапито Шоу» написал книгу «Параллельные общества» — путеводитель по коммунам и автономным зонам, начиная от древних эссеев и кончая контркультурными коммунами 20 века.

Ультракультура и Капитализм

Понятно, что капитализм, как правило, извращает схему, но поскольку у нас нет владельца, который бы изымал прибыль, то она тратится на выпуски новых книг (то же «Грядущее Восстание» было напечатано на заработанные деньги) и мы имеем шансы сохранить ее в оригинальном виде. Если человек приходит на сайт и может потратить деньги настолько легко, что ему лень искать бесплатный вариант или читать с экрана, то пусть платит — на эти деньги мы сможем перевести и опубликовать новые книги. А, может быть, он понимает весь этот экономический бэкграунд и хочет таким образом поддержать нашу деятельность. Ведь ситуация такова, что количество ридеров растет и очевидно, что основная часть их пользователей не будут покупать бумажные копии, и нужно пытаться искать иные способы получения ресурсов на производство книг. Мы пробовали вариант добровольной оплаты, но он оказался не очень удачным. Из 300 человек, скачавших книгу, заплатил только один. Мне кажется, что во многом это объясняется тем, что людям просто лень делать еще пару кликов — скачал и ушел, а потом забылось.

Насколько все это снижает продажи — сказать сложно. В принципе, для англоязычной сферы есть даже обратная статистика — даже электронных вариантов начинает продаваться больше после того, как книга утекает в сеть, но возможно, что в России, вследствие региональных особенностей (низкий уровень жизни, малое распространение электронных платежей, отсутствие аналогов amazon) эта взаимосвязь не работает. Мне кажется, что электронное распространение на продажах бумажных копий негативно не сказывается. Реальная проблема — это отсутствие нормальных книжных магазинов за пределами Москвы, Питера, Перми и Новосибирска. Да и в этих городах независимые точки можно пересчитать по пальцам, и все они сосредоточены в центре.

Дать про**аться бизнес-проектам

Vegan Club был важным либертарным центром Ингерманландии

Один из организаторов анархистского клуба в Питере, недавно закрытого чиновными врагами, рассказал «Автоному» об опыте функционирования своего клуба. Интервью взято до закрытия.

— Чем за все существование клуба можно похвастаться?

— Могу выделить несколько моментов. У нас ничего не воровали: за все 1,5 года жизни клуба помню только 2 случая. Оба связаны с массовым количеством народу. На Punkbike-фесте у девочки угнали велик, а на фримаркете, когда было больше 400 человек, у чувака утащили куртку, но потом вернули. Правда, без денег. Однажды какой-то молодой панк принес значок и сказал что-то типа: «Ой, я украл по привычке — возвращаю».

Еще круто было, что, когда у нас сформировался определенный круг доверия — в точке продажи веганской колбасы и сосисок не было продавца. Каждый просто брал колбасу и кидал в банку деньги.

Это первое, что приходит на ум. Можно добавить также про регулярные благотворительные концерты, ежемесячные фримаркеты, выезды в приюты и развитие волонтерской движухи. На днях мы делаем акцию, в которой участвует на текущий момент около 130 человек. Из них и 40 человек не наберется, которые как-то связаны с панк-хк субкультурой. И наш проект стал катализацией всего веган-

ского в городе. После нас открылось около 7 вегетарианских заведений разного толка: это и магазинчики, и кафешки. Еще выпендюсь, если скажу, что мы запретили консулам Швеции и Голландии открывать шампанское у нас — они делали это на улице. Так что для нас принцип равенства так же важен, как и другие. Никто не бухает внутри: ни консулы, ни крастеры. С запретом на алкоголь и табак внутри проблем не было почти никаких. Многие курящие-бухающие поддерживали эту тему, проблем не было даже с Никоновым из ПТВП. Точнее она была, но мы ее решили до концерта. Была только проблема с вокалистом одной американской хардкор-команды.

— Все ли инициативы были популярны среди публики?

— Инициатив было много и наших, и ненаших. Были языковые занятия, йога, отчеты путешественников. Однако хотя бесплатные занятия — это хорошо, но люди на них не ходят так активно, так как нет того веса, который дают занятия, в которых вложены деньги или другие ресурсы.

— Что не удалось реализовать?

— Не удалось реализовать раздельный сбор мусора, так как начались проблемы с администрацией. Они хотели, чтобы мы им платили за вывоз и за проблемы, которые обычно бывают от концертов, они бы тогда башляли мусорам, и сами бы вывозили мусор, а мы этого не хотели.

— И какие вещи, изначально не продуманные, всплыли в процессе?

— Почти все мы делали методом тыка, соответственно, и проблемы возникали то там, то там, то здесь. Наверно, больше это связано со строительством. Но круто, что находились разные решения. Например, чтобы подключить воду, нам пришлось вырыть траншею в 2,5 метра глубиной и подключиться к пожарному гидранту под давлением с помощью специальной муфты и сверла, а стенки, чтобы избежать обрушения грунта, пришлось укреплять разными способами, при этом всем еще в траншее был насос, который откачивал грунтовую воду... Все это было с согласия администрации!

— Удалось ли реализовать проект на самоорганизации?

— Смотря что подразумевать под словом самоорганизация. Если независимость и четкое следование поставленным принципам, то да. Если имеется в виду некий коллектив, где все-все решения принимаются консенсусом и все делают все, то нет. Конечно, решения-то у нас и так принимались консенсусом, но без кворума. В самые трудные времена нас было всего 3 человека, и мы сами решали, что к чему. Ну и многие последующие вещи были связаны всего на таком же количестве людей. Это выходило скорее из-за наличия опыта и желания двигаться, делать что-либо, нежели желания некоего всеобщего контроля за всеми процессами. Хочется добавить, что сформировался мощный коллектив, который по уровню самоотдачи/альтруизму может дать про**аться всяким коммерческим бизнес-проектам, как в плане активности, так и креативности. Ну и то, что у нас все эти полтора года все, а многие на полную катушку, работали за еду, за идею, тоже говорит о многом.

Денис Злыдота

Автономные бюргеры

Мурманские либертарные художники рассказали о своих немецких путешествиях

Действующие лица: Творческое Объединение «Банка Бобов» (Банкин, Боб, Гавнов)

Монолог: Банкин

Дополнения: Боб

ЧАСТЬ 1. БЕРЛИН, ПОТСДАМ.

БАНКИН: Потсдам, в котором мы жили в левом проекте Projecthouse, — это 40 минут на эсбране (наземное метро) от центра Берлина. По сути, это пригород, хотя Потсдам — отдельный город с населением 350 тысяч человек. Центр города, точнее, городской вокзал, является конечной станцией ветки S7, одной из множества разноцветных линий на берлинской схеме наземного метро. Наша станция носит сказочное название «Грибницы». Это самое начало Потсдама, старый, дорогой, консервативный район города, огромные каменные особняки, цветочные аллеи, лодочная станция. Тишина и покой, машин почти нет. Людей, впрочем, тоже. Только время от времени одинокий велосипедист сигналил, чтобы ты сошел с велосипедной дорожки, и вежливо говорит: «Данке». В магазине тебя тоже беззаботно приветствуют, улыбаются. Выбор пива колоссальный и приемлемые цены. Нет, очень приемлемые цены! Вкуснейшее немецкое пиво мы пили меньше чем за евро, центов за 70, постоянно пробуя новые сорта. Вот идеальное местечко, чтобы подлечить нервишки. Наверное, здесь я бы стал бегать по утрам, гонять по выходным в футбол с местными активистами левой сцены, добрался бы до некоторых русских классиков, постоянно совершенствовал бы английский, по вечерам пил бы горячительные напитки в компании горячих испанцев — для чего и начал бы уже как следует учить испанский. Может, даже снял бы фильм, скорее всего — занялся бы этим в первую очередь. Короче, занятие я себе нашел бы. Ведь все здесь за-

Вкуснейшее немецкое пиво мы пили меньше чем за евро, центов за 70, постоянно пробуя новые сорта.

ключает в себе чарующую глубину и интерес к жизни: выехав из нашей задроченной страны, хотелось просто жить, причем, каждую минуту, независимо от того, что конкретно ты делаешь.

Огромный трехэтажный дом, который раньше принадлежал владельцу фабрики по соседству, левые активисты купили в кредит, на 20 лет. Площадь всего участка поражает: это как пара футбольных полей (не профессионального масштаба, конечно) — и ребята на ней отлично устроились... В общий список дворовых сооружений входит: мастерская по обработке

глины (здесь делают всевозможные поделки, посуду, устраивают мастер-классы), под нею (а это двухэтажное здание) — деревообрабатывающий цех, который используется как для своих нужд, так и сдается в аренду, веломастерская, которая тоже сдается в аренду, клуб для танцев, по будням — спортзал. Внутренний двор украшает мини-пекарня, построенная своими руками из «самолепных» кирпичей. Сейчас седой француз Роже по воскресеньям готовит здесь пиццу. Он, как и большинство французов, неохотно переходит на немецкий. Зато

Роже — друг Сартра, с которым они в 1968-м разбирали брусчатку мостовой и «пулялись» ею в лицаев... Здоровый участок земли занят сараюшками, «забомбленными» граффити, вагончиками, где тоже периодически кто-то живет, и площадкой с очагом для вечерних дружеских посиделок: здесь частенько ходила по кругу бутылочка, и пелись песни на разных языках.

Вот здесь мы и жили. Наверное, это место стало одним из тех, которые можно назвать домом. Мой друг Боб прожил здесь полгода по программе волонтерства. Представляю, как ему было х**во по возвращению прогуливаться вдоль обоссанных гаражей своего микрорайона, где тебя подрезают черные тонированные машины, а шатающиеся «зомби» тянутся к тебе, цокая кривыми зубами: «Слышь, зема, добавь десять рублей»... Но я пока иду по аллее Марлен Дитрих, и мне хорошо... А это, кстати, потсдамская киностудия, мы как-то ночью залезли туда через забор и гуляли по улицам из папье-маше, забивали трубку и ощущали себя героями вестернов: декорации были подходящие.

В Потсдаме нас уже встречает наш друг Хольгер, больше года прошло, как мы не виделись, поэтому много говорим, много пьем...

БОБ: Хольгер — хулс. Один из старшаков в «Ультрас Бабельсберг». Он приезжал в Мурманск, более плотно я с ним сошелся после Soli-party. В ноябре 2009 мы также нанесли визит в Потсдам, и Хольгер попросил меня принять участие в вышеупомянутой «пати солидарности» на сквоте «Дача». Мы с питерским соратником Х делали доклад: «Антифашистское движение в России. Опасность роста национализма в Российской Федерации». Рассказывали о ситуации в Мурманске и СПб, показывали видео — отрывки записей с акций, документальных фильмов о сквотах и других инициативах. Была дискуссия, которая в очередной раз показала, что надо все же чаще общаться. Потом было музло, вечерина и DJ's. Вход — 5 евро, все собранные средства шли в Москву, семье погибшего за пару недель до этого Ивана «Костолома» Хуторского. Который, кстати, был знаком с Хольгером, приезжал к «Ультрас Бабельсберг» в гости.

БАНКИН: На неделе выступает московская ска-панк-группа Distemper, и мы задумали «рашнтейбл», небольшую торговую палаточку с водкой и огурцами. Хольгер навел мосты с организаторами.

Схема была простая: стопка водки, закусить небольшим бутербродом на выбор — огурец, колбаса, сыр. Прайс — 1 евро, что в два раза дешевле, чем покупать ту же самую водку в баре. Все вырученные деньги идут на наше дальнейшее путешествие. «Не вздумайте покупать продукты, — говорит Хольгер. — Я все «размучу», продукты — по фригану, а водку я с**зжу в супермаркете, сколько надо...».

Разместились на улице, рядом с входом в клуб, притащили стол, расставили посуду, нарезали закуску. Специально в русском магазине купили банку огурцов и пузырь водки, чтобы не изменять стандарту, то есть засветить производителя. В магазине мы к своему изумлению нашли такие сорта русской водки, о существовании которых никто из нас не догадывался. К примеру, очень запомнилась водка «Ельцин». Ассортимент на столе хоть и был небольшой, зато колорит на лицо. Собираясь за границу, мы, естественно, затарились сигаретами, но тут вышла промашка. Я делал ставку на русские сигареты, чтобы подать их как «очень хорошие русские сигареты», чем, как оказалось, наоборот отпугнул. Я закупил «Петр1» (один

Я люблю Берлин. Тут есть все. Огромный город, он не давит, тут легко и свободно.

знакомый немец, находясь у нас, активно употреблял именно их), и сигареты не плохие, и история там, все такое... Но пришедшие на концерт анархисты царем мало интересовались, русская табачная промышленность им тоже никогда не встречалась, просили попробовать покурить... «Нужен бренд!», — говорил мой некурящий друг. — Bond, LM — то, что знают... По смущенным лицам интересующихся табаком немцев я это сразу же понял: не прокатила фишка. Но цена сделала свое дело. Пачка сигарет в Дойчланде стоит пять евро, мы продавали по тройку, все были довольны... Сначала народ нашим столом не очень интересовался, важнее было пообщаться с товарищами, влиться в атмосферу, допить принесенное с собой пиво... Не помогали даже зазывания Хольгера, который доступным языком приглашал всех к столу... Но спустя какое-то время народ подпил и потянулся. Людей было много, на улице постоянно курила толпа. Дошло до того, что в четыре руки мы не успевали обслуживать публику, наш немецкий друг поехал на велосипеде в магазин за добавкой. Налакались мы нормально, ночевать пошли к Хольгеру, так было ближе. В тот вечер каждый отбил себе дорогу назад,

а утром, сидя на балконе, окруженные готическими постройками, мы похмелялись вискарем, закусывая бутербродами с сырым подсоленным фаршем. «Это национальное блюдо такое», — подбадривает нас наш немец, мы переглядываемся, не хотим обидеть гостя...

Берлин. Я люблю Берлин. Тут есть все. Огромный город, он не давит, тут легко и свободно. Всем советую посетить это замечательное место.

Берлинское ЖД-сообщение имеет дватипа поездов: подземный «урбан» и наземный «эсбан» — они пересекаются и дополняют друг друга. На «эсбане» (электричке), к примеру, можно проехать насквозь весь Берлин, нет каких-то вокзалов, пригородных поездов, все осуществляется единым «организмом». Ограничений доступа на поезда нет, нет турникетов, нет кондукторов. Иногда ходят контролеры, у которых, как и у всех живых людей, рабочий день заканчивается в пять или шесть вечера. Как происходит операция покупки билета и дальнейшего проезда? На станции установлены автоматы, в которых покупается билет. Билет бывает нескольких видов. Мы покупали АВС, который действует на все виды транспорта и охватывает максимально большое временное пространство (оно напрямую влияет на цену билета). Скажу сразу, проезд в Германии недешевый, на одних талончиках можно разориться. А можно и нет. После покупки билета его нужно «прокомпостить». Мы, естественно, этого не делали, наоборот, старались сохранить первозданный вид талона (прятали его так, чтобы он не помялся), чтобы при необходимости предъявить контролеру. Ну, а тут под дурака: «Что? Вот билет! Я не понимаю, я купил билет, вот мой билет!!!». «Контры» толи предпочитают не связываться, толи входят в положение... Если же особо злобный попадется или, мне рассказывали, и такое бывало, окажется кто-то русскоговорящий и начнет переводить: «Вы, мол, билет не прокомпостировали»... (Мля, кому вы рассказываете?).

Ну, тогда выходишь просто на станции и садишься на следующий. Тут главное — не «спалиться» на языке, не говорить по-английски или по-немецки. Я думал, что за странная система: тут покупаешь, тут пробиваешь... А потом вспомнил, у нас при «совке» тоже самое было: упрощенно, но принцип тот же.

Я попал на «контров» один раз, в трамвае в Потсдаме. Это за три моих визита в Дойчланд! Работает метро и ходят электрички до трех ночи, на выходных — круглосуточно: все для людей... Магазины, кстати, в воскресенье не работают. Вообще. Потому что выходной, надо же всем отдыхать, и работникам магазинов тоже. Сначала это, конечно, напрягало, но привыкаешь, начинаешь планировать и делать необходимые закупки в субботу, тем более выходной всего один день. Пиво, кстати, всегда можно купить в закусовых у турок, а также подкрепиться там денером (блюдо, которое в России принято называть шавермой или шаурмой — прим.ред.). Пить алкоголь любой крепости в Германии можно без палева, то есть можно с бутылкой рома прогуливаться по центру, и никто тебе ничего не скажет. «Копов» я видел всего пару раз, людей пьяных — тоже (я не имею ввиду концерты и прочее).

Как бы ни был красив и интересен центр, всегда манит таинственность подворотен, тишина забытых скверов, мутная вода обводных каналов... Для нас таким районом стал турецкий квартал Кройсберг. Турки живут в Берлине давно. Я был даже в каком-то музее, где отдельная большая площадь была посвящена именно этому, а, может, и весь музей — короче, я ничего не понял... Здесь на улицах не встретишь туристов, иногда тебя обгоняет парень на велосипеде: «Маривана, гашиш!». У нас здесь есть свои местечки. Это милитари-секондхенд — крошечный анархо-магазинчик с продавцом на коляске (все смотрели «Что делать в случае пожара»?) Здесь находится один из старейших в Берлине сквотов, а ныне — давно уже легальный проект, который включает в себя сеть мастерских, столовую, детсад(!). А ведь изначально эти безхозные строения захватили

анархисты и стали обустривать свою автономную жизнь: были «махычи» с полицией и все, что, как говорится, прилагается. Сейчас, когда находишься в этом красивом светлом месте, в это с трудом верится. Проект называется «Фабрика радуги».

Также в Кройсберге находится и знаменитый сквот «Кепи», который Андрей Лошак показал в своем фильме из цикла «Профессия репортер» — «Призрак антиглобализма». «Кепи» до сих пор остается нелегальным сквотом, постоянно воюет с находящимся по соседству автозаводом, который хочет прибрать панк-дом.

ЧАСТЬ 2. РОВАНИЕМИ, ЛЕЙПЦИГ.

Как мы поехали в Лейпциг? Дело в том, что там проводился фестиваль «Платформа 11», на участие в котором мы (как творческое объединение «Банка Бобов») подали заявку. По случайному совпадению, по числам он должен был проходить сразу же после того семинара, на который мы вписались в Потсдаме. Мы уже потирали руки... Всю эту лейпцигскую компанию мы знали, на фестивале «Диалог Культур» совместно было выпито огромное количество водки. Но! Пришел ответ, в котором от группы был приглашен только один участник. Большой фестиваль, много участников и все такое. Грустили мы недолго, наладили мосты с нашими знакомыми из Лейпцига, нашли вписку, договорились, что нам пробьют самый дешевый самолет обратно. За дело взялся опытный товарищ, который исколесил всю Европу, умудрялся за 20 евро летать в Париж и за 1 евро(!) по какой-то рекламной акции в Лондон! Виза была открыта через Финляндию и действовала 90 дней.

Отдельно о стране Суоми.

О, Финляндия! Мы дали лаконичное и очень верное описание этой страны — дорого и скучно. Мы ехали через Рованиemi. Самолет — в шесть утра. Думали, переночевать в аэропорту, но оказалось, что это не принято, на ночь аэропорт закрывают — е*ашь в гостиницу. Пришлось ночевать на улице, пить водку у озера, а ночи здесь — это вам не в Крыму. Аэропорт находится в семи километрах от города (ходить по обочинам дороги нельзя,

А ведь изначально эти безхозные строения захватили анархисты и стали обустривать свою автономную жизнь: были «махычи» с полицией и все, что, как говорится, прилагается. Сейчас, когда находишься в этом красивом светлом месте, в это с трудом верится.

заберут в отделение), и из гостиниц людей забирает автобус крейсу. Мы доехали так, хотели в конце съе*ать от водителя (вообще, была надежда, что стоимость входит в проживание в гостинице), но пришлось заплатить по 7 евро с носа(!), чтобы не накалять обстановку и без проблем улететь.

БОБ: Итак, после Берлина нас ждал Лейпциг. Фестиваль «Платформа 11», почти неделя международных отношений. Один вечер был посвящен нашему творчеству. Мы показали пару фильмов. Также впервые у меня состоялись чтения своей прозы и презентация моей книги «Егоркина былина и др.». Благо, отличная девушка Ольга, лингвист, замечательно перевела рассказ «Влада» — и все прошло отлично. Где надо, публика смеялась, в важные повествовательные моменты — слушала. Так что прошло все зачетно.

БАНКИН: В фестиваль мы влились, смешавшись с потоком, было полно знакомого народа. Мы записались в рабочую группу «уличный театр», были поставлены на довольствие в столовую (в левом проекте), наладили связь с

впиской и окончательно расслабились... Программа проходила (а были мы там 10 дней) следующим образом: группа собирается вместе (у каждого свое рабочее пространство), как-то креативит, что-то решает, делает. Потом ребята из проекта привозят на своей машине обед. Естественно, они сами готовят для всех участников фестиваля. Пообедали, туда-сюда, и куда-нибудь едем в интересное место или сливаемся до вечера. После ужина какие-нибудь мероприятия.

Рабочая группа у нас была то, что надо! Наши знакомые и любимые белорусы из «Свободного театра», Бэн из Radical Hipy — тоже наш кореш, немецкая полячка, душа компании Барбара, актриса из Лейпцига Линда и слегка космический координатор Ян. Ржака была постоянно. Мы креативили-креативили и решили из всякого хлама сделать громадную куклу, самим костюмы себе придумать и устроить такое шествие по улицам Маклиберга (это небольшой городишко, сразу же «вытекающий» из Лейпцига). Через парк к какому-то музею (абсолютно пустое огромное с круговыми лестницами здание — чума!). Короче,

Стояло здание, никак не использовалось, наоборот, представляло из себя объект опасности, мы вот запарились, дело хорошее сделали и еще кружков тут организовали полезных.

бардак такой, что нужно. Было супер, народу много, праздник целый получился: с фаер-шоу, танцами под дождем (в программу не входило), огромными пространствами музея, большим количеством алкоголя, травы и хорошего настроения. Праздник удался!

Еще пару слов о Маклиберге, точнее, о парке, в котором живут нутрии. Это, конечно, да! Нутрии совершенно ручные, они подходят к тебе и, если ты проявляешь к ним интерес, то есть даешь что-нибудь съесть, то они могут тебе на колени залезть, такие они забавные. И их там целое поселение, штук 50, не меньше. Мы даже песню сочинили — «Нутрия моя». Порадовали они нас сильно, самим фактом происходящего. У нас их перебили бы сразу же...

Немного про наше рабочее место. Это сквот G16 (по первой букве улицы и номеру дома). Раньше это была заброшенная фабрика, а потом ее захватили панки. Вот, кстати, пара слов о том, как это все происходит (сейчас сквот легальный). Захватывается, к примеру, какое-то никем не востребованное здание (я полно таких видел за все время). На первое время сооружается оборона (G16 очень хорошо укреплен на случай вторжения). В процессе восстанавливаются помещения, коммуникации, все облагораживается, устраивают-

ся различные проектные дела. И, когда уже скелет обрастет мясом, подается заявление на легальную самостоятельность. Типа «стояло здание, никак не использовалось, наоборот, представляло из себя объект опасности, мы вот запарились, дело хорошее сделали и еще кружков тут организовали полезных, так что отъе**тесь от нас, пожалуйста. Вот, так. Круто, да?

Нам был предоставлен третий этаж, где находится спортзал. Площади огромные. На первом этаже — клуб. Все делается своими руками: красится, варится, приколачивается. Сколько мы там были, каждый день идет какая-то «движуха». Ребята в татуировках и пирсинге с разноцветными ирокезами заливают полы, работают на станках (огромный цех по железу), что-то мутят. Тут же бегают дети, все нормально. В рамках проекта есть фришоп, то есть бесплатный магазин, где можно взять то, что понравится, бесплатно. Мы, к примеру, обзавелись спальниками, разными прикольными шмотками. Это место, куда ты можешь принести что-то, может быть, что тебе уже не нужно, и если надо — что-то взять. Это осознанное взаимоотношение, взаимная помощь и уважение. Что может быть проще?

Без госмашины, без налогов и посредников. Без денег! По-моему, так и надо.

Сейшн... Radical Hipy (рэп-панк) давали концерт в помещении, где были только стены. Бар — на ящиках из-под бутылок. Если посмотреть со стороны, то это заброшенный заколоченный дом. Ребята мочили супер! Жесткий бескомпромиссный «саунд». После разрядили обстановку музыканты из Аргентины — Capitan Tifus. Веселый и задорный «микс» из латины, ска и еще непонятно чего. Трижды они выходили на бис, публика не хотела отпускать их. Под конец концерта я остался в одних шортах и босиком, шмотки нужно было собирать по углам. В баре взял водки — хорошо! Народу битком, во всех комнатах кто-то сидит: курит, смеется, бухает — английский, немецкий, испанский смешиваются вместе одним фоном. Не хочется, чтобы этот вечер заканчивался. Вот уже и знакомые лица, Capitan Tifus подтягиваются в коридор:

— Это твоя камера на штативе стояла? Ты снимал?

— Да, но света тут нет почти, на записи ничего не выйдет, но зато круто поплясали!

— Да, у нас завтра концерт, — называют место. — Приходите. А ты из Москвы?

— Нет, — говорю, — В жопу Москву, шайза. А вы из Буэнос-Айреса?

— Да.

— Вот Буэнос-Айрес я люблю, давайте выпьем!

Улетали мы из Берлина по очереди. Боб — раньше, а мы с Гавновым другим рейсом. У моего оставшегося друга в эту ночь был День рождения. В беспешлинном магазине «дьюти фри» мы затарились бухлом в самолет. При взлете двое стюардов отобрали у нас бутылку. После критического момента набора высоты мой друг пошел отвоевывать «фляшн» назад. «Я им сказал, что боюсь летать, нужно пить, а иначе я в обморок падаю». Бутыль отдали. «Домодедово» встречало нас похмельной холодной сыростью. Стюарты виновато пожимали плечами. Шайза...

*Банкин,
Боб.*

Народу битком, во всех комнатах кто-то сидит: курит, смеется, бухает — английский, немецкий, испанский смешиваются вместе одним фоном.

10 лет «Автономному Действию»

Воспоминания одного участника

WWW.AVTONOM.ORG

Если меня спросят, чего я добился, будучи анархо-активистом в России в течение всех 2000-х годов, мне достаточно просто будет ответить на этот вопрос. *Если сравнить, в каком состоянии было движение в конце 90-х годов, и в каком сейчас, разница видна просто огромная. Тогда не было никаких анархо-блоков в общих демонстрациях, никаких анархических шествий.* Были летние лагеря протеста, были анархисты в протестном лагере шахтеров у Белого дома в 1998 году, но в зимнее время по всей стране анархистов можно было найти, пожалуй, только у Гостиного двора Санкт-Петербурга, где Петр Рауш продал газету «Новый Свет».

А сейчас анархоблоки и демонстрации почти везде набирают больше участников, чем большевистские или либеральные молодежные организации вместе взятые. Впереди нас сейчас только националисты, и то не везде. В протестных движениях в целом анархисты пока в явном меньшинстве, но даже в них руководство вынуждено действовать более открыто и демократично, чем было принято раньше. Все чаще с анархистами приходится считаться. Это, конечно, далеко не победа, но разница с ситуацией 12-летней давности просто огромная. И дело не только в массовке и моде — можно перечислять множество экологически вредных объектов, строительство которых удалось отложить, или вообще отменить благодаря усилиям анархистов, многие злободневные для современного общества вопросы попали в повестку дня тоже благодаря усилиям анархистов. Например, ментовский беспредел и фашистское насилие.

ВЕЧНЫЙ СПОР ОБ ОРГАНИЗАЦИИ

Но если спросят, чего добилось «Автономное Действие», то тут уже будет сложнее ответить. С одной стороны, «Автономное Действие» активно участвовало во всех этих проектах, часто было инициатором или билось в первых рядах. С другой стороны, почти невозможно выделить проекты или кампании, в которых «Автономное Действие» участвовало без поддержки других активистов, среди успешных проектов таких вообще нет. Однако, довольно часто вклад «Автономного Действия» был настолько существенным, что сложно представить некоторые проекты без него. Среди таких, например, экологические лагеря протеста в 2003 (Азов), 2004 (Пермь), 2008 (Ангарск и Нижний Новгород), 2009 (Севастополь), 2011 (Химки), протесты против большой восьмерки в Санкт-Петербурге в 2006 году и подготовка к ним, фестиваль «Либком 2010» и фестивали «День дезертира» в различных городах в 2005-2010 годах.

С другой стороны, возможно, все эти мероприятия можно было организовать и без АД. Теоретически, неформальные сети, друзья могут организовывать что угодно, для каждого мероприятия можно создать свою инфраструктуру, свои веб-страницы, свои электронные рассылки, теоретически, такие мероприятия могут быть также привлекательны для более широкого круга посетителей из-за их «беспартийного» характера.

Споры между сторонниками и противниками формальной организации существовали с возникновения анархического движения, и, скорее всего, продолжатся до той поры, пока существует движение. Я не хочу углубляться в этот вопрос в статье, цель которой в первую очередь исторический обзор. Но касательно попыток создания анархических организаций на пространстве бывшего Советского Союза, результаты их были, как правило, столь жалки, что соревноваться в плане масштабов или успешности с АД они были не в состоянии. В плане опыта анархической организации в этом пространстве, опыт АД — самый удачный.

Не знаю как там антиорганизационалисты, но я просто был бы не в состоянии каждый раз начать борьбу с нуля. Я бы очень не хотел каждый раз, когда появлялась проблема, которой я хотел бы заняться (в плане экологии, войны, беспредела власти) создавать все с нуля. Начинать поиск людей, создание нового сайта, который будет опять брошен через полтора года... Если бы у меня не было организации, костяка людей, которые оставались со мной от кампании к кампании, вероятно, я бы это все уже давно бросил. Просто не было бы сил. А с людьми из «Автономного действия» по крайней мере можно собраться раз в год, обсудить успехи и недостатки, а также очертить видение ситуации в более далекой перспективе.

Конечно, в АД большая текучка, и уровень тактических и стратегических дискуссий на съездах всегда оставлял желать лучшего. Но большая текучка — это просто закономерность ситуации, в которой мы сейчас живем. Анархические успехи случаются в масштабах страны, но в отдельно взятом регионе они довольно редки. *Во многих случаях борьба завершается успехом уже после того, как ее анархическая составляющая полностью изживает в себе все силы и исчезает — так было, например, с кампанией против метанольного терминала в Азове.* Понятное дело, что в таких реалиях большинство людей спустя 2-3 года исчезают и начинают решать бесконечные бытовые проблемы. В случае отсутствия организации, движение ушло бы с ними — но организация гарантирует преемственность этих короткоживущих поколений. Потому что формальная организация является способом сотрудничества между людьми, которые заранее не знакомы между собой. Тем, кто найдет товарищей в своем окружении, конечно, организация не так уж и нужна — но многие анархисты находятся в одиночестве со своими идеями, или вокруг них совсем мало единомышленников. С помощью интернета, гораздо проще познакомиться с анархистами, чем лет 10 назад — но, тем не менее, связь с АД гарантирует некоторую идейную основу и форму деятельности. Это не просто случайные виртуальные единомышленники.

В конечном итоге, разница между формальной организацией и движением в том, что каждый сам для себя определяет, принадлежит ли он к движению или нет, а в случае формальной организации, все решают вопрос совместно. Я себя считаю анархистом в течение уже 17 лет, и уже давно в своем самоопределении несколько не сомневаюсь, но зачастую, смотря на людей, которые себя называют «анархистами», у меня нет никакого желания иметь с ними ничего общего. За эти года я видел очень много трусости, лени, позерства и малодушия, и чем больше таких «анархистов», тем больше проблем. И с экспоненциальным ростом «Антифа», вдобавок к этим проблемам прибавились еще и куча нередко сомнительных историй, связанных с насилием, следовательно, сам я с каждым годом все более уверен, что определенная фильтрация участников нужна любому движению. Правда, в АД тоже время от времени попадали полные придурки, но мы хотя бы можем от них избавиться. А у движения в целом возможностей для этого нет.

ПОЧЕМУ ЛИБЕРТАРНЫЙ КОММУНИЗМ?

В организационных документах «Автономного действия» почти не встречается слово «анархизм». Но во все время существования организации подавляющее большинство участников считали себя анархистами. Почему так? Сближение некоторых антиавторитарных тенденций марксизма с анархизмом наблюдается с тех пор, как они порвали с большевизмом в конце 1910-х — начале 1920-х годов. Некоторые организации рэтекоммунистов (то есть «коммунистов рабочих советов») были постоянными гостями конференций МАТ в 1920-х-1930-х годах, подобный синтез также наблюдался в организации «Черное и красное», в которую входил Даниэль Кон-Бендит в 1968 году. В 1970-х годов сначала в Италии, а затем в Германии возник, отдельно от парламентских партий, «автономный» марксизм, и в Германии он оказался под влиянием анархических идей. Именно немецкое течение оказало влияние на создателей журнала «Автоном», когда они в 1996 году приехали в гости в Берлин в составе делегации российских анархистов, и когда немецкие автономны в свою очередь приехали в Россию в 1997 году.

Столкновение активистских культур двух стран не прошло гладко — политкорректная берлинская сцена была в ужасе от пьяного дебоша, нежелания некоторых посетить гей-сквоты и прочих варварств гостей с востока. При обратном визите было еще хуже — один местный анархо-мужик ночью в нетрезвом виде лапал немецкую феминистку, и российские активисты никак не могли понять, как это связано с политикой. Но, тем не менее, в итоге обе стороны оценили опыт положительно, и в дальнейшем подобные активистские обмены были повторены еще два раза. В частности, немецкая «сцена» оказала огромное влияние на формирование взглядов создателя журнала «Автоном» — Кабаноса. И ему пришла мысль — а почему бы не взять лучшее что есть в марксизме, и создать новую организацию на основе Федерации Анархистов Кубани, но не только для анархистов, и не в своем регионе, а уже на уровне СНГ?

Кабанос надеялся, что все малочисленные российские левые коммунисты, в первую очередь «Южное бюро марксистской рабочей партии», чьи участники бывали на съездах АД и с участниками которых вели дискуссии в том числе и на страницах «Автонома», придут к нам, но он ошибся... Они предпочитали свои мелкие секты и идеологический пуризм. Ну и конечно вопрос, чем интеллектуалам вообще заниматься в «Автономном действии» тех времен: разработке теории мы предпочитали майки, значки и уличные акции. В итоге, если в составе АД за 10 лет и оказывались люди, которые себя анархистами не считали, то они все равно были выходцами из анархической среды. В первые годы существования организации, на съездах были требования, чтобы мы перешли в чисто анархическое русло, но в итоге удалось всех убедить в том, что от такого поворота мы сможем потерять несколько ценных кадров, и что существует марксизм более позитивный, чем большевизм и социал-демократия.

УНИВЕРСАЛЬНОГО РЕЦЕПТА УСПЕХА НЕТ

В большинстве случаев успех зависел от факторов, на которые невозможно влиять в принципе. Например, можно сравнить два протестных лагеря, которые организовало «Автономное Действие» — в Азове против метанольного терминала, совместно с «Хранителями радуги» и с местными активистами, в 2003 году, и в Перми в 2004 году, против утилизации межконтинентальных баллистических твердотопливных ракет, совместно с местными активистами.

В плане уровня организации эти два лагеря почти полностью противоположны. Лагерь в Азове был организован без финансовых затрат, приезжало множество алкотусовщиков. Тусовщики ходили по району в поисках самогона, но в итоге самый жесткий пьяный дебош был организован участниками АД из Краснодара и Ростова. Стресс из-за плохих бытовых условий вместе с безответственным поведением этих людей мог бы нанести серьезную травму психологическому настрою других участников лагеря. Но благодаря счастливой случайности обошлось без этого. В итоге ростовских и краснодарских изгнали из лагеря, но на съезд федерации, который проводился параллельно с лагерем, их пропустили. Пьянство продолжалось и там, и съезд был вообще сорван.

В Перми же обстановка была прямо противоположная. Кое-какие средства для организации быта в лагере были собраны заранее, сухой закон в лагере соблюдался. Мероприятия и акции организовывались постоянно. Единственный инцидент — кража фотоаппарата местными гопниками.

Но, тем не менее, ужасная кампания в Азове завершилась удачно — после длительных тяжб, метаноловый терминал был перепрофилирован на экспорт менее опасных продуктов. А в Перми ничего не вышло — ракеты там в итоге утилизировали, несмотря на то, что всего за 3 года до этого строительство подобного объекта был предотвращено в Воткинске с помощью массовых протестов с участием «Хранителей радуги» и других анархистов. В Азове успех был результатом упорного труда местных активистов уже после того, как анархисты покинули город, но в Перми, у жителей большого города были другие, более актуальные проблемы чем экологически вредный объект в далеком пригороде. То есть, успех далеко не всегда зависит от уровня организации кампании, или вообще от факторов, на которые можно влиять средствами анархистов.

МАМА — АНАРХИЯ, ПАПА...

Алкогольный вопрос был злободневен не только в Азове. Илья Романов, участник разгромленной подпольной группы «Новая Революционная Альтернатива», был приглашен на съезд в январе 2002 года, во время которого было создано «Автономное действие», в качестве «почетного гостя». В отличие от других участников НРА, его отправили на принудительное лечение в родной Нижнем Новгороде, и из дурки его выпустили как раз накануне первого съезда, который был организован там же.

Верный традициям тусовки НРА, Илья организовал пьяную вакханалию на первом же заседании съезда, и поскольку большинство делегатов приезжали только день спустя, многие к нему присоединились. И так случилось, что в небольшой съемной квартире учредительный съезд раскололся на две части, и половина делегатов, в том числе все представители Ярославля и Казахстана, присоединились к заседанию алкогольной секции на кухне. Данная секция заседала до конца съезда, один раз Илья впервые появился на трезвом заседании, но почти сразу же уснул. Его 100-килограммовое тело с трудом вытаскивали из съемной квартиры. После этого эпизода, употребление спиртных напитков было строго запрещено на всех съездах и конференциях АД, но, к сожалению, не было уточнено, распространяется ли запрет на ночное время.

Из-за этой неопределенности и обострения взглядов вокруг алкогольного вопроса, третий съезд два с половиной года спустя полностью сорвался, когда борцы с пьянством пытались исключить из съезда всех друзей бутылки, но в итоге оказались в меньшинстве. Но раскола не последовало — в течение последующих лет алкогольная фракция просто выпала из организации в полном составе, часть ушла со скандалом сразу после съезда.

Почему я вспоминаю подобные грустные и позорные эпизоды? Мне не хочется давать ложную картинку о «замечательности» всех этих лет, наоборот, временами был очень х**во. Состав всех первых съездов был настолько слабым, что по их завершении я сильно сомневался о целесообразности всего проекта. Почему-то в те времена АД привлекал самых разнообразных людей, среди которых у большинства не только отсутствовали идеи, но даже желание чем-то серьезно заниматься. Многие вообще с трудом представляли, чем анархизм отличается от алкоголизма и/или панк-рока. И мы были не в состоянии заранее фильтровать людей — нас было так мало, что к нам попадали фактически все,

кто хотел. Ситуация изменилась только ближе к концу десятилетия — я пропустил съезды 2005-2008 годов (в 2006 его вообще не было), но съезд в 2009 был первым, после которого у меня возникло ощущение, что мы вообще куда-то развиваемся. С тех пор были выработаны механизмы, благодаря которым люди, которым это все на самом деле не надо, фильтруются гораздо быстрее, чем в ранние годы.

КОЛИЧЕСТВО НЕ РАВНО КАЧЕСТВО

Спустя год после создания организации, в 2003 году, организация достигла количества 100 участников, но численность до сих пор колеблется вокруг этой цифры. Но в плане «качества» нынешний состав сильно отличается от прошлого.

В 2002-2003 годах, в АД вступали люди, которые являлись корпунктами «Автонома», или те, кому понравился журнал. В те времена, в журнале был совершенно своеобразный бунтарский стиль и драйв (в качестве примера, см. отрывок 10 летней давности в этом номере), который отталкивал многих более интеллектуально настроенных, но привлекал любителей революционного духа. Но мало кто среди любителей и распространителей журнала был в состоянии создавать работоспособные местные группы. Поначалу, многие группы годами не платили членских взносов — величина которых в начале была ужасающе мала — 5 рублей за участника за месяц. Координационный Совет формально существовал с самого начала, но фактически он начал действовать только во второй половине 2000-х годов, до этого съезд и неформальная электронная рассылка были единственными формами взаимодействия между участниками организации. В течение последних лет, на группы АД наложили больше ответственности, среди групп АД 2002-2003 годов никто не был бы в состоянии выполнять все задачи, которые обязательны для групп сейчас.

Многим непонятно зачем нужны членские взносы, и прочая обязаловка. Но за 10 лет существования организации, никто так и не придумал более устойчивого способа собрать хотя бы небольшой фонд — в рамках «Автономного действия» или анархического движения в целом. Оборот журнала «Автоном» сейчас такой, что общий фонд оказался необходим, чтобы держать его на плаву, в случае временных задержек оплаты со стороны распространителей. Касательно других обязательств, конечно, было бы лучше, если бы все произошло по инициативе участников. *Но никто никого не заставляет участвовать в организации, и общие обязательства — это гарантия того, что поддержка существующих структур внутренних и внешних медиа не ложится из года в год на плечи небольшого числа бессменных добровольцев.*

Не знаю как остальные, но я никогда не собирался заниматься этими проектами вечно. Касательно творческой части, написания статей и планирования кампаний, возможно, я этим буду заниматься до конца своих дней. Но соотношение творческой работы к рутинной у нас примерно 1:10 — именно столько времени требует редактирование, обсуждения, сбор средств, бухгалтерия и распространение журнала, чтобы твои статьи дошли до читателя. И примерно такие же расклады с веб-сайтом организации, и с организацией любых уличных акций — кто-то должен найти достойные статьи в качестве перепечаток на сайте, следить за троллями и спамом, кто-то должен печатать материалы, покупать древки, подготовить баннеры и так далее.

Все эта рутинная работа быстро становится неинтересной кому бы то ни было, но тем не менее, она является необходимой для развития анархического движения. Одних только идей недостаточно, если их никто не распространяет и если сторонники этих идей нигде не появляются. Но эта рутинная работа должна распределиться примерно в одинаковой степени между участниками организации, с учетом индивидуальных возможностей каждого. Обязательства участника — это не столько вынуждение, сколько добровольный контракт, с которым каждый соглашается при вступлении в организацию, некоторая минимальная гарантия того, что никого не подведут и не оставят в одиночестве в ответственный момент. Нет ничего более авторитарного, чем требовать от окружающих меньше, чем от себя, поскольку это отрицает права окружающих на саморазвитие и личностный рост.

СЛОВА НА БУМАГЕ

Если 10 лет назад именно «Автоном» был ресурсом, который позволял создавать организацию, то сейчас роль бумажного издания гораздо менее значима. С распространением интернета спрос на бумажную прессу уменьшается, и особенно пострадал самиздат, поскольку из-за небольших тиражей стоимость одного экземпляра относительно больше, чем в мейнстриме, и люди все меньше хотят платить подобные деньги за то, что можно найти бесплатно в интернете.

Но с другой стороны, тираж «Автонома» все еще расходиться полностью за несколько лет, и к каждому номеру прикасается в среднем несколько человек, и еще на порядок больше их видят в лавках книжных магазинов и на концертах. А на сайте редко какие статьи читают более чем тысяча посетителей. Бумажное издание — некоторая «визитная карточка» организации, показывает, на что она способна. На пространстве бывшего Советского союза в анархическом движении никто не в состоянии соревноваться с объемами и с тиражами «Автонома» — и эти тиражи и объемы не были бы возможными без организации, которая помогает при распространении журнала.

ОТ КРУГА ЗНАКОМЫХ ЧЕРЕЗ ТУСОВКИ И СУБКУЛЬТУРУ

Некоторые наезжали на нас из-за «субкультурности». Но если понаблюдать за московскими левыми коммунистами или анархо-синдикалистами, среди них субкультурных людей даже больше, чем среди московского «Автономного действия». Лично у меня ничего нет против панков как таковых, но панк который утверждает, что «надо отказаться от субкультурности» — жалкое зрелище. Откуда он сам-то пришел? В 2000-х годах я рассматривал хардкор-концерты как единственную площадку, куда можно было свободно пойти продавать анархо-литературу, но у меня уже давно не было никаких иллюзий, не ожидал, что она интересна для более чем 1/10 или 1/20 их посетителей.

Лично для меня это уже давно были бизнес-отношения, точнее бартер, но взаимовыгодный — от активистов хардкор получает некий имидж общественной значимости. Я пытался распространять литературу, в том числе и на DIY хип-хоп вечеринках, но там всем абсолютно по**й. Это не проблема анархизма, если кто-то придет в анархизм через панк или через хардкор. Проблема, если путают хардкор и анархизм. Но такая путаница у общественности возникает только если анархисты не в состоянии привлекать людей еще откуда-то кроме хардкора.

Думаю, что в Москве 2008 год был ключевым. В начале убийство Крылова, и потом пытки наших товарищей в ОВД Сокольники были теми роковыми событиями, которые хоть на пару месяцев активизировали субкультуру. Тогда мы впервые смогли собрать не 50-70, а 250-300 человек. Без этого, возможно, не было бы демонстрации 19 января 2009 года, по крайней мере в таких масштабах, не было бы Химок. И, что важнее, даже если массовка тогда пришла почти исключительно из панка-хардкора, с тех пор существует также некоторая анархическая субкультура. Только за последних 4 года у нас сложилось так, что уже не все московские анархисты — активисты или их друзья.

Конечно, развитие началось на несколько лет раньше — уже после 2003 года КРАС-МПСТ отказался от общей первомайской акции, в следующем же году умерла традиция общей анархо-елки — тусовка просто уже слишком выросла, возникли конфликтные взаимоотношения. Взамен возникла традиция общеанархических собраний, но в них участвовали далеко не все. Но только лишь с 2008 года существует «анархическая субкультура».

Конечно, новая ситуация лучше, чем, то что, было — наша цель не в том, чтобы быть уютной, дружной тусовкой, а в том, чтобы совершить революцию. Отчуждение, разногласия и конфликты — неизбежное последствие роста движения. И огромные сложности возникают при организации массовок — прежние тактики организации несанкционированных действий оказываются крайне затруднительными, если участников больше ста. И когда социальные сети под плотным мониторингом, как вообще объявить незнакомым сторонникам, что акция планируется? Еще более сложно предсказать, какие темы будут модными, как поддержать интерес «анархо-массовки», на какую степень конфронтации она готова. Но, несмотря на все эти проблемы, я бы ни за что не вернулся к временам, когда все были знакомы и все было предсказуемо.

О ТЕХ, КОГО БОЛЬШЕ НЕТ С НАМИ

Наконец, необходимо сказать пару слов о двух погибших участниках — Анастасии Бабуровой и Илье Бородаенко.

Они играли очень разные роли — Анастасия вступила в «Автономное действие» ровно за день до своей смерти, а Илья собственными руками поднимал движение в своем родном регионе на Дальнем Востоке. Анастасия не была слабым человеком, наоборот, но также она не любила конфликты — неизвестно, смогла бы она выдержать динамику московской группы, в которой с самого начала постоянно были резкие конфликты из-за упрямства всех ее основателей. Но, тем не менее, я получил общий урок от смерти Анастасии и Ильи — оба оказались незаменимыми. У «Автонома» до сих пор нет верстальщика, на которого можно полностью полагаться (кроме, возможно, номера, который у читателя в руках), сейчас на Дальнем Востоке от анархического движения почти ничего не осталось.

Смерть этих людей была для меня окончательным подтверждением того, что мое занятие — опасное. Но зачем рисковать жизнью ради проекта, который делаешь левой рукой? До их смерти, я не ощущал, каким может быть значение индивидуального человека для движения. Маркс об этом не говорил, но так оно и есть. Лично я стал ко всему относиться гораздо серьезнее после этого, понял, что равных с ними нет, и заменить этих людей можно только работая самому еще более усердно, как бы пафосно это не звучало.

Антти Раутайнен

Лезь в фургон

О музыке колес и колесах для музыкантов

Некоммерческая музыка путешествует так: какой-то парень позвал вас в свой город, обещал накрыть стол и дать кров, оплатить бензин и неустойки, вы ему поверили на слово и поехали. В конце пути вас вполне может ожидать крошечный ад бессмыслицы, маскарад безответственности и кошмар провала. Клуб может оказаться притоном или коровником, разогревающие команды — героиновыми наркома-нами или нацистами, организатор — поганым шулером или просто шу-тником. Это все риски. Мы все идем на них сознательно, потому что мы — будущие короли рок-н-ролла и до-роги принадлежат нам.

ИСТОРИЯ СВОБОДЫ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ

Культура перемещения на ми-нибусах и фургонах стара. На раз-витом западе, как известно, суще-ствуют целые города и поселения, где люди живут исключительно в микроавтобусах и фургонах, пе-рекочевывая временами. Это масть, которой придерживался маньяк Чарльз Менсон, репортер Хантер Томпсон и все звезды с самого за-рождения рок-н-ролла. Такое ком-пактное перемещение позволяет экономить на транспортных рас-

Мы берем два гитарных усилителя, один басовый кабинет, две колонки по 500 ватт каждая, микшерный пульт, барабан-ную установку, кучу проводов, коробок с микрофонами, стойки, четырех музыкантов и бездельника-водителя, поворачиваем ключ в замке зажигания и с облегчением вздыхаем. Наконец удалось все собрать, со всеми договориться, везде отпроситься, все доделать, для того, чтобы стать путешественниками на эти дни, недели или месяцы непрерывного чада и кутежа.

ходах и быть более мобильным в ситуациях возможного коллапса. Вокалист группы разбил бутылкой голову местному авторитету, толпа штурмует гримерку, требуя рас-правы, а гастролеры уже спакова-ли чемоданы и несутся на своем фургоне со скоростью 120 км/ч. Это ли не романтика! Мобильность также выгодна и с экономической точки зрения, если вы имеете свою аппаратуру, местный организатор может устроить вам шоу, например, в спортзале школы, в аудитории ин-ститута, или просто в поле, а сэко-номленные деньги отдать вам.

Это уже не говоря о том, что ваша аппаратура уже настроена под вас и дает именно то звучание, ка-кого бы вы желали, а не то, которое единственно позволяет колхозный динамик местного шапито и полу-пьяный диджей провинциальной дис-котeki. Хотя, к слову сказать, опы-тный постсоветский музыкант должен по умолчанию обладать навыками «оживления» и «раскачивания» до нужной громкости совковых и самопальных колонок и усилителей, которыми наделены все деревен-ские дома культуры и дворцы пионе-ров. Они уже 10 лет мирно лежали в пыли где-то в подсобке, возможно местные умельцы научились подклю-чать их к проигрывателям и крутить на них зажигательное диско, но вот настает судный день, приезжает рок коллектив, их достают, очищают от грязи и пыли, и дорожный менед-жер (roadie, говоря модным языком) с помощью паяльника, изолянт, пластыря и проволоки пытается

извлечь из них звуки, которые затем можно было бы довести до макси-мальной громкости и пронзитель-ности. Это хитрая, но необходимая в наших условиях наука.

ГЕРОИ ШОУ НА КОЛЕСАХ

Путешествия таят в себе массу приключений и опасностей, и справ-ляться с ними вам помогает упо-минавшийся человек, дорожный менеджер, тот, кто решает ваши проблемы. Он помогает носить ин-струменты, настраивает аппаратуру, торгует вашими дисками и фут-болками во время концерта, фото-графирует и прославляет вас, раз-бирается с зарвавшимися фэнами и грызется за гроши с организатора-ми. Кроме этого он может починить фургон, найти еду, найти алкоголь, найти подруг, найти ночлег, разбить лицо недоброжелателю, сыграть на любом инструменте вместо лю-бого из музыкантов, вышедшего из строя. Это очень полезный человек. Они всегда в тени, но многие из них прославились, тем, например, что способствовали развалу великой ко-манды, посадив всех ее участников на иглу, или же тем, что, однажды, подменили на сцене напившегося в стельку бас-гитариста, навсегда. Все это делает им честь и славу, но главная награда для подобных лю-дей, конечно — близость к иконе, к пресловутым рок-н-рольным куми-рам, с которыми он имеет счастье делить один микроавтобус в течение долгих недель. Игги Поп из группы Stooges вспоминает: «Наши roadie были самые отъявленные маньяки,

хладнокровные бандиты и убийцы всех времен и народов — все как один. Такому бэнду только таких и надо. Нам не до шуток, нам нужны солдаты, мы же рокеры, так?».

Еще один персонаж из этой серии — groupie. Вы заметили эту девочку на концерте в какой-то дыре, она кричит и не сводит с вас взгляд все ваше выступление, потом она рвется в примерку, снова орет, вешается на шею, поит вас и хохочет. В пьяном бреду вы просыпаетесь уже в трясущемся по шоссе фургоне, протираете глаза, и видите ее, она уехала с вами! Роберт Плант из Led Zeppelin говаривал, что полно девок, которые просто хотят переспать со звездами рока. Но groupie — это девочка которая становится вашим талисманом и создает ваш имидж, постоянно тусуется со всеми вами, и обозначает ваш социальный статус. Она не подруга одного из музыкантов, она просто оголтелая девка, которая едет за вами повсюду, покупает вам выпивку или наркотики, пляшет полуголая на концертах, дерется насмерть с другими фанатками и становится неотъемлемой частью вашего шоу. Ей обычно очень мало лет, около 16, возможно 14, она сбегала из дома или она малолетняя проститутка, еще ребенок, она пока еще больше котирует не секс, а веселье и фанатический кутеж. Многие поколения рокеров 60-х и 70-х жили почти исключительно за счет таких девочек, которые утром, вернувшись с панели, отдавали им все накопленные средства. «Эти девушки жили в мире фантазий. — вспоминает Айлин Полк, одна из известных нью-йоркских «группис» начала 70-х, — Они могли вообще не работать, потому что были проститутками и стриптизершами и зашибали деньги пачками. Они так нравились парням, потому что не дружили с головой, зато платили за наркоту и жилье мужиков». Судьба этих дам незавидна, к 18 они становятся уже заметно староваты, их теснят более юные конкурентки, да и сами они уже теряют тот заряд фанатизма, который заставлял их ехать сотни километров за своими постаревшими кумирами. Иногда они пытаются привязать к себе кого-нибудь из группы, или просто сажают его на иглу и присваивают в полное владение (как Нэнси Спанджен с Сидом из Sex Pistols). Неплохим выходом может также быть шантаж звезд по статье «совращение малолетних». Некоторые добиваются

От редакции: Где-то за год до мерзкого кризиса-2008 один из редакторов нашего журнала вместе с одним из авторов устроились в солидный издательский дом для работы над журналом для яппи. Через этот журнал руководство мыло бабки и ему было на очень многое пофиг. Потому, вместо текстов о карьере мы писали об антифе, «Хранителях радуги» и Черкизовском рынке, сидя за пафосными макентошами, распивая воду из кулеров и кофеек из кофе-машины. Петя Косово был у нас начинающим автором, мы платили ему гонорарчики. Потом нас выжили из солидного издательского дома... Тексты «Зомби пятидневки», «Без копья на Руси» (они публиковались несколько номеров назад) и «Лезь в фургон» были написаны ещё в те времена, Петя Косово даже получил за них деньги. Сейчас, когда Петя прославился «Исходом» и Химкинским дебошем, мы решили «расчехлить» этот текстик из старых загашников.

серьезных продвижений в жизни (как Джиллиан Андерсон из «Секретных материалов»). Кто-то умирает или спивается. Большинство вырастает.

РОК-ХУЛИГАНЫ

Кроме группис за рок-бандой могут следовать и еще более опасные поклонники мужского пола. Рок фанатов можно сравнить с футбольными по своей фанатичности и готовностью следовать за своими кумирами до самого ада. Все зависит от харизмы группы

и ее возможностей возбудить людей на достаточно безумные поступки. Много лет назад в России существовал своеобразный феномен «Армии Алисы» и «Рок-н-рольных хулиганов», ребят, которые ездили на выезда за группу ныне православного хоругвеносца Константина Кинчева в самые отдаленные области на электричках, автостопом, прославившиеся своими непрерывными драками с «гопниками» и «урелами» — местными жителями. Агрессивная поддержка оголтелой шайки сделала

«Изнеможение — вот чего мне хотелось. Тридцать шесть концертов позади, десять еще предстоит. Изнеможение настигло меня. Каждое утро я просыпаюсь усталым. По ходу дня собираю себя по кусочкам. День обычно проходит в фургоне, я рассматриваю пейзаж за окном. Разговаривать не хочется, и остальные меня не трогают. Я берегу силы для вечернего выступления. Только одно может придать всему этому какой-то смысл — возможность играть. Музыка — воздаяние за ощущение, что ты тащил чужой багаж по лестнице в пять миль длиной», — Генри Роллинз.

в те давние годы «Алисе» скандальную славу. В Штатах такой вид развлечения также практиковался издавна, ранние хардкор и метал группы разъезжали по стране с гастрольями в компании нескольких десятков своих безумных фанов, отмечаясь в каждом городе безудержными кутежами и бессмысленными драками. Это был своеобразный стиль групп из Бостона, Нью-Йорка, Вашингтона. Они приезжали к друг другу в гости с худшими пожеланиями, концерт во вражеском городе превращался порой для гастролеров в настоящую непрекращающуюся бойню, и только прибытие усиленных отрядов полиции могло остановить это безумие.

Вообще, насилие часто сопровождает будоражащую сознание музыку по пятам. Вспомним хотя бы погромы в гостиницах и мотелях, которыми прославились такие звезды как Guns'n'Roses, Judas Priest, MC5, Sex Pistols, да и респектабельные «крестные отцы» рок-н-ролла — Пресли или Джонни Кэш. Избитые портье, забрызганное кровью и алкоголем белье, разбитая сантехника, проломленные гипсокартонные стены, обдолбанные наркотой девушки и непрерывный шум — вот признаки, по которым обыватель узнает о пришествии настоящих королей тяжелой музыки. Одной моей знакомой отечественной группе однажды пришлось прервать серьезный тур, потому что вокалист ночью, в разгар пьяного дебоша в гостинице, просто вышел в окно с 3 этажа.

При таком стиле времяпрепровождения неизбежны конфликты с местным населением. Это и пьяные разборки с постояльцами гостиниц, и поощрение коррупции в рядах местного ГИБДД, и странные взаимоотношения с местными организаторами, не желающими делиться прибылью, и соперничество с разогревающими командами и их фанами, и просто нападения и стычки, спровоцированные аборигенами. Для них вы — всегда чужие, вы должны либо покориться

местным правилам, либо быть подавлены как инородный элемент. Стоит всегда помнить о безопасности. Бывали случаи в России, когда заезжая группа была вынуждена покинуть негостеприимный город не только без прибылей и дивидендов, но и без фургона, аппаратуры, инструментов и части состава.

Впрочем, необходимо оговориться. На мой взгляд, при всем этом наборе опасностей, наибольшую угрозу для гастролеров — самоучек представляют они сами. Именно их глупость, безалаберность, алкоголизм, может привести их в бездну неприятностей при, казалось бы, совершенно дружелюбных обстоятельствах. Злоупотребления спиртным или наркотическими средствами рано или поздно приведет к беде. Во время тура вполне возможно умереть, получить серьезную интоксикацию, заработать гепатит «С», остаться голым на улице лютой зимой. Всему этому есть сотня примеров, вроде того, как вокалист одной известной команды из Бурятии был найден мертвым на столе в одном из кабаков Петербурга во время тура собственной группы. Или вроде того, как один финский коллектив во время тура по России так увлекся алкоголем, что был вынужден уехать домой на электрич-

ках, оставив у нас все свои пожитки и фургон в придачу. Существуют даже примеры, когда группы были не в состоянии уехать из страны пребывания (в следствии пропажи денег и документов, например), и оставались просто жить в той стране, где их постигла неудача.

Все это, конечно же, довольно опасно, но десятки и сотни молодых и матерых рок-групп по всему миру год из года собирают свои вещи, грузятся в фургон и уезжают из дома на долгие недели. Думаю, здесь все дело даже не в деньгах, а в дешевой славе. В славе, которую, теоретически, может приобрести всякий, просто переместившись из своего привычного места обитания, где каждый обыватель знает его недостатки и минусы, в новый контекст действий, и там, на несколько часов, в ярком свете сцены и пьяном угаре толпы, обрести новую власть и силу. Из неудачника и лентяя, не устроившегося в жизни, превратиться в полубога рок-н-ролла. Пройти через ад страданий и боли, чтобы стать бессмертным на полчаса.

«Изнеможение — вот чего мне хотелось. Тридцать шесть концертов позади, десять еще предстоит. Изнеможение настигло меня. Каждое утро я просыпаюсь усталым. По ходу дня собираю себя по кусочкам. День обычно проходит в фургоне, я рассматриваю пейзаж за окном. Разговаривать не хочется, и остальные меня не трогают. Я берегу силы для вечернего выступления. Только одно может придать всему этому какой-то смысл — возможность играть. Музыка — воздаяние за ощущение, что ты тащил чужой багаж по лестнице в пять миль длиной», — Генри Роллинз.

Петя Косово

La Vida Cuesta Libertades

Пензенские рэперы — крайне левые

— «Санитары грязных улиц», «Полтора Землекопа», «Крайм-цен»... Думаешь, волна подобных тенденций будет нарастать?

— В России и в хип-хопе — вряд ли. После «Московской Бригады Смерти» много кто начал читать — у кого-то получилось лучше, у кого-то хуже. Потом волна начала спадать, многие отсеялись. Сейчас пришло время качественного, а не количественного развития политизированного хип-хопа.

— Почему именно хип-хап? Неужели старые добрые анархо-панки уходят в ад, а на их место выходят, словно на европейские манер, любители рифмованных строк?

— Сначала, вдохновившись субкультурным хардкор-рэпом, я подумал: "Чем я хуже?", тем более что еще школьником гонял на скейте и пописывал рэп-текста. Анархо-панк, ой, краст, хардкор — это элитарная музыка, которая практически не доступна для несубкультурных людей, как в плане восприятия, так и в плане поиска. Мы же хотим, чтобы наши идеи имели доступную форму — ведь рэп сейчас слушают практически все. В интернете нашу музыку выкладывают, в том числе и на чисто хипхперские ресурсы, следовательно, ее качают и слушают обычные пацаны.

— Первый альбом был почти по рэпу, но не без романтических баллад, второй по дичайше агитирующей мазафаке с приказом идти и умирать. Что нас ждет в грядущем альбоме?

— Новый альбом будет очень разным. Будет немного бидона, одна песня будет для любителей всякого драмэ́н'бэйса (кстати говоря, это будет

кавер на ижевскую oil-группу Redcard). Всего около 10 песен на самую различную тематику, с самыми различными настроениями и атмосферами. Как мы сами оцениваем то, что уже есть — это верх того, на что мы сейчас способны, каждая строчка в каждом тексте осмыслена и написана от самого сердца. Одной из причин того, что альбом пишется так долго, стал наш абсолютный отказ от воды и высасывания слов из пальца в текстах. Минуса тоже отбирали очень тщательно, наверное, 50/50 наши собственные минуса будут чередоваться с заимствованными.

— Какие для вас ориентиры как для музыкантов и для активистов?

— В музыкальном плане мы стараемся не получать влияние чьей-то читки или подачи. Самая часто воспроизводимая рэп-команда в моем плеере это «Третьи Грани». Из российских — «Полтора Землекопа», Jeffrey Goines, «Искусство Души Безобразной» и «Записки Неизвестного». Зарубежный рэп почти не слушаю, так как, прежде всего, обращаю внимание на лирику, поэтому часто в иностранных текстах даже тему трэка не улавливаю. Как активисты мы, конечно же, имеем крайне левые взгляды. Лично я читаю как анархистскую, так и коммунистическую литературу, считаю, что сейчас антиавторитарные левые должны действовать вместе. Мы веганы и поддерживаем такие инициативы как ALF и ELF. Стараемся развиваться духовно и физически.

— В одной из песен вы говорили, что раздаете еду вместо бомб. Инициатива еще жива?

— Она была активна с лета по весну 2010-11 годов. Нам пришлось приоста-

новить ее, так как на нас обрушилась череда репрессий, а когда проблемы были решены, то мы решили перевести время и деньги в другое русло. Одно дело уже закрыли по обоюдному примирению сторон, второе приостановили за неимением доказательств против подозреваемых. Сейчас за нами следят и эшники, и те, кто посерьезней. Можем дать только один совет — стараться не попадать в их поле зрения, соблюдать правила активистской и компьютерной безопасности, это вас однажды может спасти от гниения за решеткой. К первому альбому были приложены разные дополнительные интересные материалы. Мы подумали, что людям, которым интересна такая музыка будут интересны и эти документы. Нам показалось, что эти документы могут понадобиться любому начинающему активисту, поэтому выложили именно их.

— Недавно в новостях был сюжет про пензенского подрывника. Изначально была информация, что он был не прочь закурить с анархистами? Как так вышло, что он ушел к правым?

— Он был обычным околотовнаррем, который тусил с антифашистами, четкой политической позиции парень не имел. Потом перетусовался к правым, угарел по нссхе и радикализму. И начал подрывную деятельность. Не могу точно сказать что-то о том, что было у него в голове. Разговаривал с теми, кто его хорошо знал. Один сказал, что пацан угарал по нсвп, второй — что парень был напроць «анархо-расиалистом». Ну, в любом случае тем «анархистом» о котором говорили в новостях он не был.

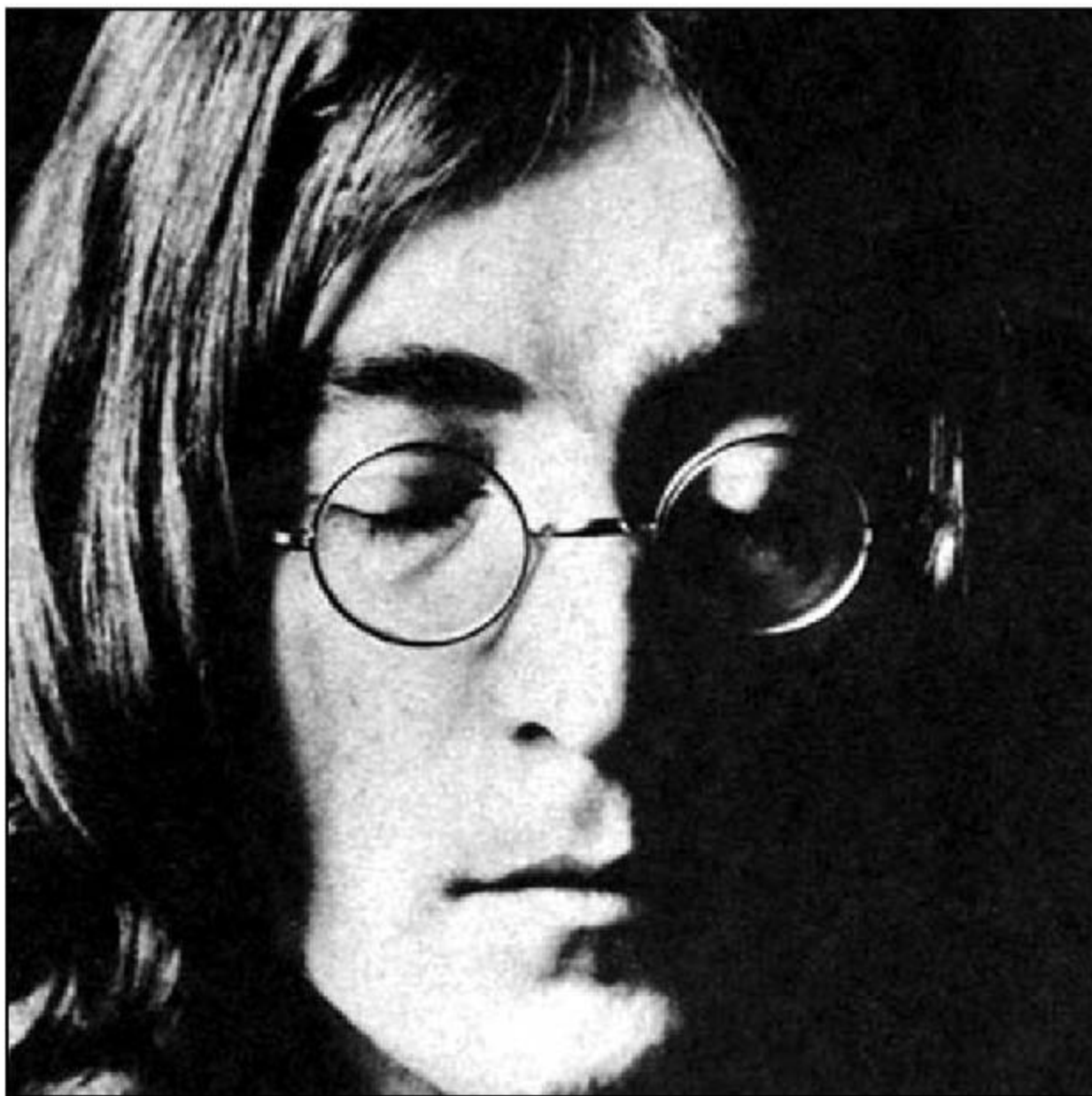
— Есть хоть что-то, что вам нравится в Пензе, своем родном городе?

— 58 — это наш родной город. И песня не является каким-то проявлением патриотизма, мы против патриотизма и любых его форм, мы просто решили написать трэк о городе, в котором прожили большую часть своей жизни. Ну, а так да, конечно есть, это в первую очередь наши дорогие товарищи. Спасибо им огромное за поддержку и за то, что пройдя через многое, мы до сих пор остаемся вместе.

Беседовал Леха Джейтмиев

Власть — народу!

Потерянное интервью с Джонном Ленном и Йоко Оно

Опубликовано в английской троцкистской газете «Красный крот». Окончание, начало в 33-м номере «Автонома».

Робин Блэкберн: Йоко, ваш альбом выглядит как слияние современной авангардной музыки с рок-н-роллом. Я бы хотел поделиться своими впечатлениями от прослушивания. Мне кажется, в вашей музыке происходит интеграция повседневных звуков (например, звук поезда) в музыкальный поток. Это выглядит как настойчивое требование эстетического восприятия повседневной жизни, извлечения искусства из тюрем, которыми для него стали музеи и галереи.

Йоко Оно: Да, именно так. Я хочу воодушевить людей, показав им, что можно ослабить угнетение, которому

подвергает их общество. Я предлагаю им материал для работы — то, из чего они могут построить что-то свое. Не нужно бояться создавать себя — именно поэтому мое творчество имеет открытый характер, в нем всегда есть простор для творчества других людей — как, например, в моей книге «Грейпфрут».

В мире существует два типа людей: те, кто уверен в себе, потому что они знают, что обладают способностью к творчеству, и другие — деморализованные, не уверенные в себе, потому что им было сказано, что творческой способности у них нет, а единственный их удел — исполнение приказов.

РБ: Я полагаю, по смыслу это близко к идее рабочего контроля...

Джон Леннон: Да, и нечто подобное пытались воплотить в жизнь в

Югославии — я бы хотел туда съездить, посмотреть, как это работает. Там нет влияния Советского Союза.

Тарик Али: Да, такие попытки были — порвать со сталинской моделью. Однако, вместо того, чтобы дать рабочему контролю возможность свободно развиваться во всех сферах, они добавили сильную дозу политического бюрократизма. Это вело к подавлению инициативы рабочих, а рыночная система регулирования экономики порождала новое неравенство между разными регионами страны.

ДЛ: Похоже, любая революция заканчивается культом личности — даже китайцам требуется фигура Отца. Полагаю, на Кубе это тоже скоро произойдет — там есть Че и Фидель. Коммунизм западного типа должен стремиться к воплощению в качестве фигуры Отца образа рабочего — такого, каким они сами себе его представляют.

РБ: Крутая идея — Рабочий Класс становится своим собственным Героем. До тех пор, пока это не превратилось в еще одну утешительную иллюзию, власть рабочих и существовала по-настоящему. Если вашей жизнью управляет капиталист или бюрократ, тогда вам требуется компенсация в виде иллюзий.

ЙО: Люди должны поверить в себя.

ТА: Это важный пункт. Необходимо вселить в рабочий класс чувство уверенности в себе. Это невозможно сделать одной лишь пропагандой — рабочие должны прийти, взять под контроль фабрики и заводы, а затем сказать капиталистам: «Проваливайте!». Именно это начало происходить во Франции в 1968-м году: рабочие почувствовали свою силу.

ДЛ: Но Коммунистическая партия не особенно торопилась поддержать этих людей?

ТА: Да, это так. Они могли возглавить одну из тех мощнейших демонстраций в центре Парижа, при поддержке 10 миллионов бастующих рабочих по всей стране занять правительственные здания и объекты, сместить Де Голля и начать построение новых институтов народной власти — таких, как Коммуна или первые Советы — и это было бы настоящей революцией. Однако ФКП испугалась. Они предпочли верхушечные манипуляции, вместо того, чтобы вдохновить рабочих на самостоятельные действия.

ДЛ: Да, но ты же знаешь, что есть и еще одна проблема. Все революции происходили, когда Фидель, или Маркс, или Ленин, или еще кто угодно — одним словом, интеллектуалы, хорошая команда интеллектуалов — могли достучаться до рабочих, довести до их понимания, что государство — это репрессивный аппарат. Но здесь и сейчас никому еще не удалось разбудить рабочих, по-прежнему верящих, что машина и телик — это ответ на все вопросы. Нужно вывести всех студентов-леваков, и школьников тоже — например, тех, что связаны с Red Mole [левая газета, выходившая в 1970 — 1973 гг. в Великобритании, печатный орган Международной марксистской группы], — чтобы они говорили с рабочими, разъясняли им необходимость борьбы.

ТА: Ты совершенно прав. Мы уже работаем в этом направлении, и будем прилагать еще большие усилия. Новый законопроект об отношениях в промышленности, который сейчас пытается внести правительство, должен открыть глаза на происходящее многим рабочим.

ДЛ: Едва ли этот законопроект пройдет. Они просто не смогут его провести. Рабочие не пойдут на такие условия. Я думал, что приход правительства Уилсона [Гарольд Уилсон (1916 — 1995) — британский политик-лейборист, премьер-министр Великобритании в 1964 — 70 и 1974 — 76 гг.] — это признак большого упадка, но Хит [Эдвард Хит (1916 — 2005) — консерватор, премьер-министр Великобритании с 1970 по 1974 гг.] — еще хуже! Андеграунд подвергается нападкам, черные активисты не могут спокойно жить в своих домах, а поставки оружия

в Южную Африку все возрастают. Как сказал Ричард Невилл [Ричард Невилл (р. 1941) — австралийский (позднее — британский) писатель и журналист, в конце 1960-х — начале 1970-х — редактор контркультурного журнала Oz], возможно, различие между Уилсоном и Хитом — один дюйм, но именно в этом дюйме заключена наша жизнь...

ТА: Лейбористы установили расистскую иммиграционную политику, поддерживали войну во Вьетнаме, стремились внести законопроекты, ущемляющие права профсоюзов...

РБ: Возможно, это и в самом деле так — наша жизнь заключена в дюйме, отличающем лейбористов и консерваторов. И пока мы живем в этом дюйме, мы бессильны что-либо изменить. Возможно, если Хит пытается выдавить нас с этого дюйма, он, сам того не желая, оказывает нам услугу...

ДЛ: Да, я тоже об этом думал. Нас загоняют в угол, но это позволяет нам понять, каковы будут последствия для других людей. Я постоянно читаю Morning Star [ежедневная газета Коммунистической партии Британии], чтобы видеть, есть ли какая-либо надежда, но создается впечатление, будто эта газета — из XIX века, и адресована она таким выбитым из колеи либералам среднего возраста. Мы должны попробовать достучаться до молодых рабочих, ведь тот, у кого есть идеалы, не испытывает страха.

Революционеры должны как-то найти подход к рабочим, потому что рабочие этого делать не будут. Однако, не понятно, с чего нужно начать. Для меня трудность состоит в том, что, став ближе к реальности, я отделился от большей части людей из рабочего класса: то, что им нравится сегодня — это Энгельберт Хампердинк [Энгельберт Хампердинк (р. 1936) — британский эстрадный певец, известный своим «романтически-сентиментальным» репертуаром]. Сейчас наши пластинки покупают в основном студенты, в этом и проблема. «Битлз» — это теперь четыре отдельных человека, и

мы уже не имеем того влияния, как прежде, когда были вместе...

РБ: Но сейчас вы пытаетесь плыть против течения, выступать против буржуазного общества, а это намного сложнее.

ДЛ: Да, все газеты — в их собственности, в сфере музыки им подчинены все каналы распространения записей, все рекламные ресурсы — в их руках. Когда мы начинали, нормальную запись могли предложить только Decca, Philips и EMI. Чтобы попасть в студию звукозаписи, было необходимо сначала пройти всех бюрократов. И после всего этого было еще одно унижающее условие — на запись всего альбома предоставлялось максимум 12 часов, не минутой более. Вот в какой обстановке создавались наши первые пластинки.

Но и сейчас мало что изменилось. Если ты не популярный артист, даже час в студии — это большое везение. В музыке — своя иерархия, и если у тебя нет хитов, ты больше никогда не сможешь записаться. Точно также контролируется распространение записей. Мы пытались изменить этот порядок, работая с Apple, но так и не смогли ничего сделать. Они по-прежнему держат все под своим контролем. Компания EMI «зарезала» наш альбом «Two Virgins» — просто потому, что он им не понравился. В случае с нашей последней пластинкой они решили убрать слова песен, напечатанные на обложке. Черт возьми, насколько это цинично и одновременно смехотворно — они позволяют мне петь эти слова, но опасаются, что вы их прочтете. Безумие.

РБ: Хотя сейчас ваша аудитория и сузилась, возможно, это сделает эффект ваших песен более концентрированным.

ДЛ: Да, может быть. Первая реакция рабочих на наше творчество была негативной — из-за нашей открытости в вопросах секса. Они боятся наготы, потому что подвержены подавлению — так же, как и все мы. Возможно, поначалу они считали нас хорошими парнями, с которыми не будет проблем...

А еще, когда мы с Йоко поженились, я стал получать жуткие ра-

Каждый из нас должен начать борьбу в первую очередь с тем, что угнетает его лично.

Если вашей жизнью управляет капиталист или бюрократ, тогда вам требуется компенсация в виде иллюзий.

систские письма — о том, что, мол, она может перерезать мне глотку. В основном такие «предупреждения» приходили от солдат и армейских офицеров.

Но сейчас вроде бы что-то поменялось, рабочий класс настроен более дружелюбно по отношению к нам. Кажется, студенты проснулись настолько, чтобы попытаться разбудить своих братьев-рабочих. Без распространения знаний и нашего видения ситуации мы все обречены на провал. Важно, чтобы студенты сумели наладить контакты с рабочими. Важно, чтобы студенты нашли способ доказать рабочим, что их слова и призывы — не заумная белиберда. Хотя, конечно, сложно на самом деле понять, о чем думают рабочие — капиталистические СМИ, что бы ни случилось, готовы цитировать лишь «говорящие головы» вроде Вика Фезера [Вик Фезер (1908-1976) — генеральный секретарь Британского конгресса тред-юнионов в 1969 — 1973 гг.].

В общем, единственный выход — говорить с ними напрямую, особенно с молодыми рабочими. Нужно начинать с них, поскольку они нос к носу сталкиваются со всем тем, против чего мы боремся. Поэтому в своем альбоме я говорю о школе. Мне бы хотелось, чтобы мои песни помогли молодым людям сломать рамки, освободиться от школьного гнета, чтобы им захотелось высунуть язык и обложить матом директора.

ЙО: Нам с Джоном очень повезло, ведь мы можем создать свою собственную реальность, но мы все же понимаем, насколько важно об-

щение с другими людьми.

ДЛ: Чем больше мы сталкиваемся с реальностью, тем больше понимаем, что нереальное — это основной пункт на повестке сегодняшнего дня. И чем ближе мы становимся к реальности, тем больше оскорблений сыплется на нашу голову, и это определенным образом нас радикализует, поскольку мы оказываемся загнанными в угол. Жаль только, что нас не очень много.

ЙО: Общаясь с людьми, следует избегать традиционных схем, особенно, если речь идет о коммуникации с властью имущими. Нужно удивлять людей, сообщая им нечто новое новым способом. Общение такого типа может иметь фантастическую силу — до тех пор, пока ты не делаешь то, что от тебя ожидают.

РБ: Коммуникация очень важна для построения движения, но останется ничем, если параллельно не развиваются силы самого народа.

ДЛ: Я очень расстраиваюсь, когда думаю о Вьетнаме, где, как кажется, не было никакого другого выхода, кроме насилия. Оно не прекращается на протяжении столетий, увековечивая самое себя. Однако в нынешнюю эпоху сверхбыстрых коммуникаций мы должны развить другую традицию, ведь сейчас традиции создаются ежедневно. Пять лет в

наше время — как сто лет раньше. Мы живем в обществе без истории, которое не имеет прецедентов в прошлом, поэтому мы можем сломать старые модели.

ТА: За всю историю человечества ни в одном обществе правящий класс не отказался от своей власти добровольно. Едва ли в этом отношении что-то поменялось.

ЙО: Да, но вы же знаете, что насилие — это не только идея насилия. Я смотрела программу о парне, который потерял обе ноги во Вьетнаме. Он выглядел как кусок мяса, и все же утверждал, что для него это был «хороший опыт».

ДЛ: Он просто не хотел смотреть в глаза правде, не хотел признавать, что все это было зря...

ЙО: Но подумайте о насилии — это могло бы случиться с вашими детьми...

РБ: Люди, которые выступают против угнетения, подвергаются атакам со стороны тех, кто кровно заинтересован в сохранении существующего положения, кто стремится защитить свои богатства и власть. Взять хотя бы активистов из Северной Ирландии — они были безжалостно атакованы специальными подразделениями полиции при попытке провести демонстрацию в защиту своих прав. В августе 1969-го в течение одной ночи было убито семь человек, еще несколько тысяч — изгнаны из своих домов. Разве у них не было права защищать себя?

ЙО: Именно поэтому необходимо пытаться найти решение до того, как произойдет что-то подобное.

ДЛ: Да, но что делать, если это уже произошло?

РБ: Народное насилие против угнетателей всегда оправдано. Кроме того, оно неизбежно.

ЙО: Новая музыка показывает, что существующее положение вещей может быть изменено с помощью новых способов общения между людьми.

Мы должны попробовать достучаться до молодых рабочих, ведь тот, у кого есть идеалы, не испытывает страха.

ми.

ДЛ: Да, но, как я уже сказал, по-настоящему ничего не поменялось.

ЙО: Нет, кое-что изменилось, и в лучшую сторону. Я хочу сказать лишь следующее: возможно, нам удастся совершить революцию без насилия.

ДЛ: Но без борьбы невозможно взять власть...

ТА: Это ключевой момент.

ДЛ: Когда дело доходит до практически важных вопросов, они никогда не позволят людям получить хоть сколько-нибудь власти. Разрешат любые художественные высказывания, танцы — где угодно, в любое время, но никакой реальной власти...

ЙО: Дело в том, что даже после революции, если люди не будут верить в себя, они столкнутся с новыми проблемами.

ДЛ: В послереволюционный период две основные проблемы — продолжать действовать и найти общую точку зрения. Это нормально, если революционеры будут придерживаться разных тактик, принадлежать к разным группам, — после революции они все равно будут перестраиваться — такова диалектика. Однако в то же самое время, они должны быть объединены против общих врагов для того, чтобы новый порядок мог закрепиться. У меня нет однозначного ответа, что нужно делать в такой ситуации. Очевидно, что Мао осознает эту проблему и продолжает двигаться в нужном направлении.

РБ: Опасность состоит еще и в том, что после образования революционного государства вокруг него имеет тенденцию формироваться новая консервативная бюрократия. Эта угроза особенно возрастает в условиях империалистической изоляции и бедности.

ДЛ: После того, как утвердилась новая власть, ей необходимо установить новый порядок — чтобы работали фабрики и ходили поезда.

РБ: Да, но это вовсе не значит, что репрессивная бюро-

Общаясь с людьми, следует избегать традиционных схем, особенно, если речь идет о коммуникации с властью имущими.

кратия может управлять фабриками и поездами лучше, чем это могли бы делать рабочие в рамках революционной демократии.

ДЛ: Да, но в каждом из нас сидят буржуазные инстинкты. Все мы устали, нам хочется немного расслабиться... Как сохранить революционный пыл и продолжать действовать, когда поставленные цели уже достигнуты? Конечно, Мао удалось перебороть эту тенденцию. Но что будет после того, как он уйдет? Не обходится и без культа его личности. Может, сейчас это и необходимо; как я уже говорил, всем, похоже, нужна фигура Отца.

Я читал «Воспоминания» Хрущева. Он сам отнюдь не безгрешен, и все же он считал, что это неправильно — превращать обычного человека в религиозный идол; это противоречит коммунистической идее. Однако люди есть люди — в этом и состоит вся сложность. Если нам удастся взять верх в Великобритании, придется еще потрудиться, чтобы вытеснить остатки буржуазии и поддержать в людях революционное мышление.

РБ: До тех пор, пока мы не сумеем построить новую народную силу, то есть, исходя из реалий сегодняшнего дня, опирающуюся на рабочих и состоящую из них, действительно ответственную и подконтрольную массам, революция не будет иметь никаких перспектив. Только по-настоящему укорененная в обществе рабочая сила может сокрушить буржуазное государство.

ЙО: Поэтому все изменится, когда придет новое поколение.

ДЛ: Думаю, привлечь молодежь будет совсем не сложно. Нужно просто дать им полную свободу действий — для атак на муниципальные советы и администрации школ. Это будет что-то вроде антирепрессивных акций студентов, проводимых в университетах. Это уже происходит, хотя усилий еще не достаточно.

Также очень важна роль женщин —

революция невозможна без их борьбы за свое освобождение. Эта проблема кажется такой незаметной на фоне мужского доминирования, к которому мы все приучены.

Мне потребовалось долгое время, чтобы понять, что моя маскулинность отсекала определенные области для нашего с Йоко общения. Однако она — убежденная участница женского движения, и ей не составило труда указать, в каких случаях я вел себя неправильно, хотя мне и казалось, что я поступаю «естественно». Поэтому мне всегда интересно, как мужчины, заявляющие о своих радикальных взглядах, ведут себя с женщинами.

РБ: Мужского шовинизма на левом фланге всегда было не меньше, чем где-либо еще, хотя подъем женского движения способствует, конечно, его постепенному спаду.

ДЛ: Это нелепо. Как можно требовать «власть — народу», не понимая, что «народ» — это оба пола?

ЙО: Неравенство и любовь несовместимы. Некоторые женщины вынуждены цепляться за мужчин — из страха и чувства незащищенности — в сущности, именно в этом причина женской ненависти к противоположному полу...

ДЛ: ...и наоборот...

ЙО: Если во дворе вашего дома бродят рабы, как вы можете рассчитывать на то, что за его пределами произойдет революция? Для женщин проблема состоит в том, что выбрать свободу — значит выбрать одиночество, ведь очень многие из них очень хотят быть рабынями, да и мужчинам это нравится.

ДЛ: До нашей встречи Йоко имела большой опыт участия в освободительном движении. Ей пришлось прокладывать себе путь в мужском мире — мужчины практически безраздельно доминируют в сфере искусства, поэтому, когда мы встретились, она была исполнена революционного рвения. Вариантов было немного: или это будут отношения полного равенства, или их не будет вовсе. Я это быстро усвоил. Пару лет назад она написала в

Как можно требовать «власть — народу», не понимая, что «народ» — это оба пола?

Nova [ежемесячный женский журнал] статью, в которой есть такая фраза: «Женщина — это мировой ниггер».

РБ: Мы все, конечно, живем в империалистической стране, эксплуатирующей третий мир. Даже наша культура в это вовлечена. Было время, музыку «Битлз» транслировал «Голос Америки». [Государственная международная радиовещательная станция США, ведущая передачи на более чем 40 языках мира. В период «холодной войны» — один из основных органов внешнеполитической пропаганды — прим.]

ДЛ: Русские преподносили это так, будто мы были такими капиталистическими роботами. Хотя, наверное, именно такими мы и были в то время...

РБ: Да, но им все-таки не хватило ума разглядеть кое-что другое...

ДЛ: Давай взглянем правде в глаза: «Битлз» в ту пору — это народные песни XX века, не выходящие за рамки капитализма. И не удалось бы сделать ничего другого, если бы мы продолжали в этих рамках.

РБ: Я работал на Кубе, когда вышел ваш альбом «Sgt. Pepper», и именно тогда на радио стали крутить рок-музыку.

ДЛ: Ну, надеюсь, они понимают, что рок-н-ролл не то же самое, что Coca-Cola. После того, как мы вернулись к реальности, это должно быть легче — поэтому-то сейчас я делаю более резкие заявления и пытаюсь избавиться от имиджа подростка-тусовщика.

Я хочу прорваться к правильным людям, хочу, чтобы мои слова были прямыми и доходчивыми.

РБ: Твой последний альбом в начале звучит очень просто, но стихи, темп и мелодия создают сочетание, сложность которого осознается лишь при дальнейшем прослушивании. Как, например, то, что трек «My tiny's dead», рассказывающий о детской травме, повторяет песенку «Three blind mice».

ДЛ: Да, мелодией; это было ощущение, подобное японскому трехстишию, хайку. Я всерьез заинтересовался искусством хайку, когда был в Японии, и считаю его просто фантастическим. Очевидно, избавляясь от целого набора иллюзий, обретаешь великую точность.

Йоко показывала мне некоторые хайку в оригинале. Разница между ними и поэзией, например, Лонгфелло просто потрясает. Вместо длинной поэмы о цветах в хайку говорится лишь «желтый цветок в белой чаше на деревянном столе», но эти слова дают нам возможность увидеть полную картину...

ТА: По-твоему, Джон, какие действия необходимы, чтобы разрушить капиталистическую систему?

ДЛ: Я считаю, это будет возможно, только если удастся объяснить рабочим, в каком незавидном положении они находятся, и разбить окружающую их иллюзию. Им кажется, будто они живут в замечательной стране, где можно свободно говорить правду. У них есть машины и телевизоры — и это все, что им нужно для жизни. О большем они даже подумать не хотят. Они готовы служить своим хозяевам, готовы отдавать своих детей в школу — чтобы там их оболванили. Иллюзия, в которую они погружены, даже не их собственная, она чужая. Им нужно понять, что проблемы, касающиеся черных и ирландцев, вскоре станут и их проблемами.

Как только они начнут это осознавать, мы сможем действительно начать что-то делать. Рабочие смогут претендовать на власть. «Каждому — по потребностям», как сказал Маркс. Я думаю, это сработает. Еще нужно будет проникнуть в армию, ведь там учат убивать — всех таких, как мы.

Каждый из нас должен начать борьбу в первую очередь с тем, что угнетает его лично. На мой взгляд, это мелко и фальшиво — давать что-то другим, когда ты сам нуждаешься. Цель не в том, чтобы успокоить людей, дать им возможность почувствовать себя комфортно. Наоборот, нужно, чтобы им было скверно, пусть у них перед глазами постоянно стоят все унижения, через которые им приходится проходить, прежде чем получить так называемый «прожиточный минимум».

If someone thinks that
love and peace is a cliché
that must have been left
behind in the Sixties,
that's his problem.
Love and peace
are eternal.

John Lennon

Джордж Табб

Ветеран панк-хардкора встал на борьбу с ложью об 11 сентября

В 1990-е годы по российскому ТВ шел один французский мультсериал под названием «Альберт — пятый мушкетер». Четыре всем известных героя Дюма были представлены в нем неповоротливыми и грузными болванами, за которых все подвиги выполнял маленький и смысленый «серый кардинал» в широкополой шляпе по имени Альберт. В конце каждой серии вся слава неизбежно доставалась Д'артаньяну и компании, а Альберт смотрел на них, сидя на каком-нибудь дереве, и смеялся. У американского музыканта, журналиста и писателя Джорджа Табба есть много общего с этим персонажем, который всегда оставался в тени своих более известных и успешных коллег. Влившись в американскую андеграундную сцену в самом начале 1980-х, Табб успел пожить как в дикой и консервативной Флориде, так и в раскованном Нью-Йорке, где только-только начинал зарождаться панк-рок.

Таким образом, Джорджу удалось в одинаковой степени сблизиться с озлобленными хардкорщиками из BLACK FLAG, MINOR THREAT и DEAD KENNEDYS, а также с владельцами, посетителями и музыкантами знаменитого нью-йоркского клуба CBGB. С первыми Джордж не раз выступал на одной сцене, играя на гитаре в хардкор-группе ROACH MOTEL, с другими он пил и тусовался, а однажды даже чуть не стал басистом RAMONES (в последний момент музыканты предпочли Таббу более молодого Си Джея Уорда, более известного как Си Джей Рамон). Кроме того, с конца 1970-х годов и по сей день Джордж Табб ведет авторскую колонку в крупнейшем мировом панк-журнале MAXIMUMROCKNROLL. В начале 2000-х годов он выпустил две автобиографические книги, куда вошли несколько сцен из его статей для MRR. Размеренная жизнь Джорджа Табба пошла под откос после трагедии 11 сентября 2001 года.

Табб вместе со своей женой Вэнди и собакой жил в квартале от рухнувших Башен-Близнецов. Не успел Нью-Йорк оправиться от шока, как в прессе появились робкие публикации о том, останки небоскребов являются радиоактивными. С падением гигантских зданий в воздух поднялись столпы вредной пыли, асбеста, цезия и других смертельно опасных для здоровья человека веществ. Независимые эксперты установили, что концентрация химикатов в квартире Джорджа превышает допустимую норму в десятки раз. Тогда Табб ежедневно стал ходить к месту крушения небоскребов как на работу с целью рассказать людям об опасности, которую таит в себе «Граунд Зеро» и весь Манхэттен в целом. Его мало кто слушал. Через некоторое время Джордж обнаружил, что заболел.

Сказались многочасовые пикеты, проведенные им у места трагедии. Врачи диагностировали у Табба целый букет заболеваний щитовидной железы, печени, почек, желудка. С тех пор прошло более 10 лет. Из-за проблем со здоровьем Табб был вынужден перестать работать. Последние годы он жил только на пожертвования, которые собирал через интернет. От него ушла жена. Отвернулись многие друзья, которые сочли Табба психом, борющимся с ветряными мельницами — власти США

до сих пор не признали, что находиться в районе «Граунд Зеро» и работать на развалинах башен-близнецов было опасно. Только прошлой весной Джорджу Таббу удалось добиться того, чтобы его признали инвалидом. За спиной у него остались долгие часы бесчисленных судебных заседаний и километры неоплаченных счетов. Дважды Джордж пытался покончить с собой. Впрочем, несмотря ни на что, нашему герою удалось взять себя в руки и начать жить дальше. Сейчас Джордж Табб по-прежнему обитает в своей маленькой квартире в центре Нью-Йорка вместе со своими собаками Скутером и Джетом. Статьи Джорджа, полные юмора, самоиронии, а иногда — жестокого трагизма по-прежнему ежемесячно появляются на страницах MRR. Джордж Табб рад гостям, дружелюбен и старается дышать полной грудью вопреки всему, что с ним случилось. Его битва еще не окончена.

ПРОБЛЕМЫ СО ЗДОРОВЬЕМ

— Ты просишь американские власти о помощи с 2001 года, при этом ты постоянно пишешь, что большинство чиновников и журналистов не верили, что причина твоих болезней — это токсичные отходы, оставшиеся от уничтоженных башен-близнецов. Изменилась ли за десять лет отношение властей к людям, работавшим на развалинах Всемирного торгового центра? Удалось ли им вас услышать?

— Мне кажется, медленно, но верно, власти НАЧАЛИ мало-помалу признавать, что воздух в районе рухнувших башен-близнецов был отравлен. Пожарные и другие люди, работавшие на развалинах, начали потихоньку получать компенсации. При этом ни власти Нью-Йорка, ни федеральное правительство по-прежнему не признают, что пыль, поднявшаяся в воздух с падением небоскребов, была ядовитой. Это очень грустно. Я начал публично высказываться на этот счет практически сразу же после трагедии. Мы с моим адвокатом Джоэлем Куппферманом из The New York Law And Environmental Project наняли команду ученых из Калифорнийского университета, которые проверили мою квартиру на наличие токсинов. Перед проверкой

я предварительно провел в квартире генеральную уборку. Результаты исследований показали, что содержание ртути в моей квартире превышало допустимую норму в 90 раз, свинца — в 60 раз, а асбеста — в 555 раз, не говоря уже о других органических веществах. Все эти цифры на практике значат только одно — трупы, сотни трупов.

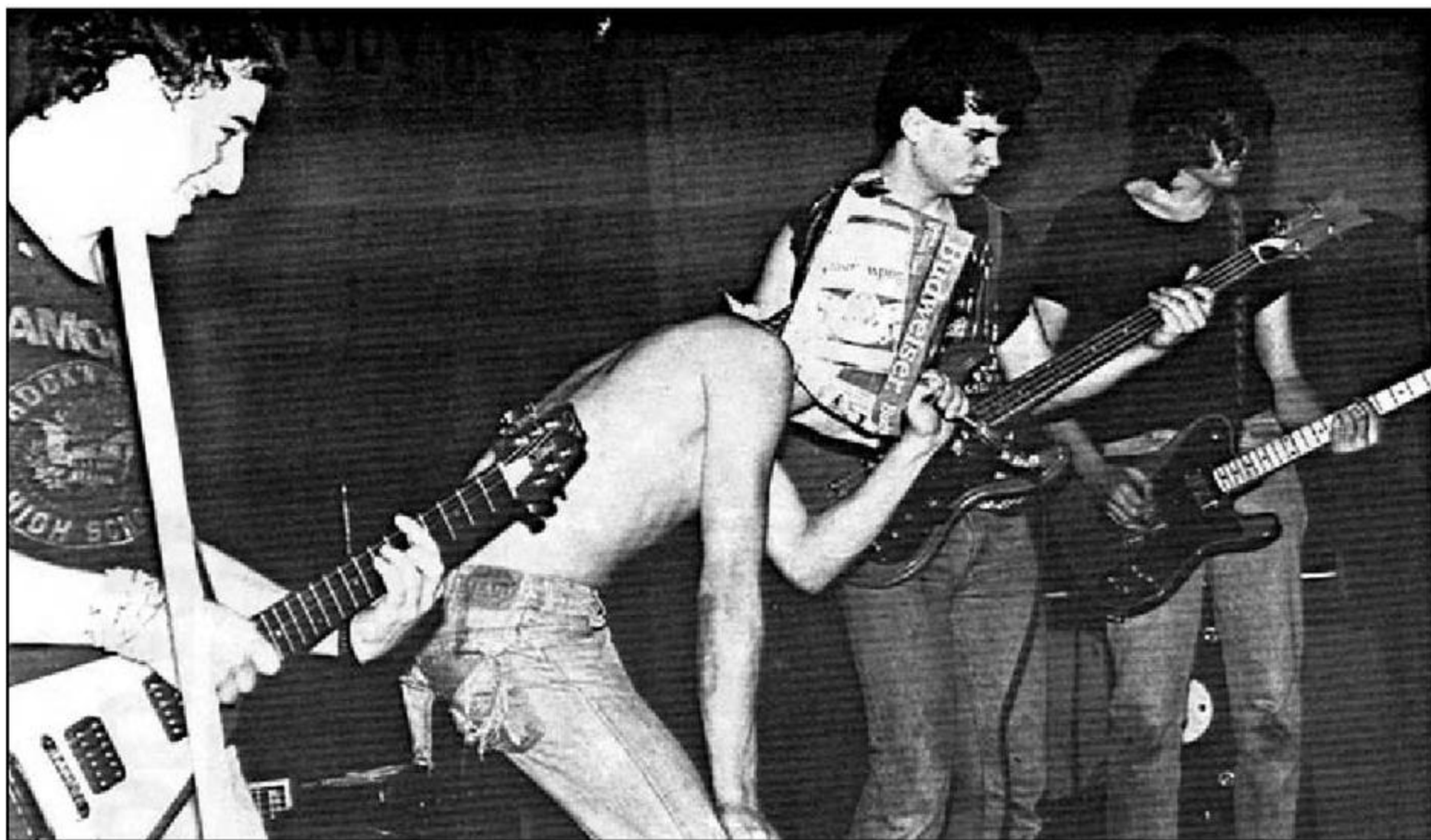
Тесты были проведены в конце 2001 года, так что я знаю, о чем говорю. Я пытался рассказать всем, что у меня есть **ДОКАЗАТЕЛЬСТВА**, но меня никто не слушал. Какими только словами меня тогда только ни клеймили. Многие друзья отвернулись от меня, они решили, что я спятил. Меня перестали уважать и воспринимать всерьез. Ужасно грустно. Тем не менее, я просто не **ИМЕЛ ПРАВА** заткнуться. Я видел, как дети и беременные женщины гуляли вокруг пожарищ (рухнув, здания еще тлели несколько месяцев) и понимал, что ничем хорошим это кончиться не может. Если бы я заткнулся, я бы чувствовал, что не сделал ничего, чтобы улучшить ситуацию. Только испортил бы все еще больше. Один за всех и все за одного, понимаешь? Я не мог стоять в стороне. Так что я говорил что было сил и проводил все свое время на публике. Публике, столпившейся у «Граунд Зеро». Большинство из них мне не верили или не хотели верить. К счастью, так вели себя не все, возможно, мне удалось спасти кому-то из них жизнь. Одновременно с этим моя собственная жизнь летела под откос. Но, будь у меня машина времени, я поступил бы так же не задумываясь. *Если мы знаем, что существует опасность, но при этом не делаем ничего, чтобы оградить от нее людей, мы ничем не лучше тех, кто заварил всю эту кашу.* Это моя твердая позиция. Сейчас, больше десяти лет спустя, власти по-прежнему не признают своей вины, хотя **НЕКОТОРЫМ** пострадавшим от этих химикатов они все же помогли. Странно, не правда ли? Да, и еще Джордж Буш подписал в 2003 году документ в рамках Управления национальной безопасности, запрещающий разглашение подробностей, так скажем, токсических последствий крушения башен-близнецов. Поэтому стало бесполезно идти в полицию

и говорить, что мне угрожали, называли «пособником террористов» и грозились отправить в тюрьму Гуантанамо. Помню, как участвовал в (теле) дебатах с Кристин Тодд Уитман, тогдашней главой Управления по охране окружающей среды, и она сказала, что если мы и дальше будем говорить о токсичных руинах, то «признаем победу террористов». Все это равнодушное, циничное дерьмо превращает меня в параноика. Как люди могут быть настолько злыми? Как они могут так врать?

ЭТО ОЧЕНЬ СТРАШНО...

— И очень странно. Ведь ты далеко не единственный человек, который говорил о том, что «Граунд Зеро» превратился в токсичную свалку. В западной прессе об этом были десятки публикаций. Уверен, у тебя и у журналистов, которые об этом писали, есть много доказательств тому, что это место действительно опасно. Почему, несмотря на все ваши доводы, власти упорно не хотят тебя слушать? Ведь речь идет о жертвах, наверное, самой страшной катастрофы за всю историю США.

— Меня тоже очень интересует ответ на этот вопрос. Может, они действительно настолько тупы, что полагают, если мы признаем факт токсичности «Граунд Зеро», то исламистские фашисты победят. Дикая версия, конечно, но кто его знает, я уже ничему не удивляюсь. Скорее всего, они не хотят признать это место опасным, потому что санитарные мероприятия, которые придется регулярно проводить в этом случае, обойдутся очень дорого. Так что они лучше сэкономят, позволив всем умереть. Черт, они же проделывают это с военными, выдавая им дешевое, некачественное оснащение и так далее. Еще в том районе много дорогой недвижимости, владельцы которой не хотят, чтобы информация о токсичных испарениях распространилась. В некоторых из этих зданий была проведена санитарная обработка, и это здорово. Остальные помещения по-прежнему токсичны, потому что их очистка стоит очень дорого. Много крупных фирм по-тихому закрыли свои офисы в Манхэтте-

не (особенно, в Нижнем) и перебрались в Нью-Джерси и Северную Каролину. Но вслух об этом, конечно, никто не говорит. Когда я пришел со своими доказательствами в редакцию газеты «Нью-Йорк Таймс», журналисты сказали, что даже если я прав, то они все равно никогда об этом не напишут. Потому что тогда они тоже попадут под удар, и живущие в том районе инвесторы спустили бы с них три шкуры. С момента трагедии прошло больше десяти лет, и теперь я понимаю, что благодаря писавшим о ней газетам типа «Нью-Йорк Таймс» и другим крупным изданиям, мы никогда не узнаем, что там произошло на самом деле. Они печатают ложь и игнорируют правду. История обречена на повторение.

— Да уж, при взгляде со стороны, трудно понять, что из опубликованного — правда. Я видел десятки статей (в том числе, и в российской прессе), в которых говорилось о том, что находиться в районе «Граунд Зеро» опасно. Однако эта тема поднималась скорее вскользь, большинство авторов относилось к этому предположению как к очередной теории заговора...

— Ух, ты, похоже, в России дела обстоят не лучше, чем в США. Помню, что советские власти очень долго держали рот на замке, когда их спрашивали о вещах, связанных с Чернобылем. Так что когда правительство США начало врать о событиях 11 сентября, я начал называть «Граунд Зеро» гудзонским Чернобылем. Это определение разозлило многих, но в целом мои слова соответствовали действительности. Те, кто говорят, что информация о токсичных отходах — это выдумка, как правило, озабочены тем, что их доходы упадут, как только правда всплывет на поверхность. Или же они безоговорочно верят всему, что говорят ведущие государственных радиостанций и телеканалов. Звучит знакомо?

— Ты общаешься с другими людьми, которые испытывают те же проблемы, что и ты? Существует какой-нибудь фонд помощи жертвам 11 сентября?

— Мы пытались создать такой фонд. Нашим первым и основным препятствием было то, что нам никто не верил! Первые признаки заболеваний, вызванных токсичной пылью, такие как кровотечение из носа и астма, начали появляться у людей лишь спустя год после трагедии. Только тогда общественность начала понемногу прислушиваться к тому, о чем я говорил. До этого нам не верил вообще никто. Сейчас уже существуют достаточно многочисленные объединения, которые пытаются бороться с равнодушием властей, выбивают деньги на лечение и так далее. ТОЛЬКО СЕЙЧАС пожарные и полицейские, работавшие на развалинах, стали получать хоть какие-то страховые выплаты. Чтобы этого добиться, потребовалось десять лет, в течение которых много людей умерло, и еще больше сердец было разбито. Потребовалось провести вскрытие одного из погибших офицеров полиции (а затем публично обнародовать результаты), чтобы доказать, что ядовитая пыль в районе «Граунд Зеро» была одной из главных причин его смерти. Даже после этого власти попытались опровергнуть обнародованные нами факты с помощью целой команды адвокатов высшей категории. Настоящее зло в чистом виде. Интересно, как эти люди могут спать спокойно, зная, что их ложь стоит людям жизни. Многие по-прежнему верят, что токсичной пыли либо не было вовсе, либо что она была безвредна. Люди верят в Большую Ложь. Вслед за этим, уверен, они поверят и в другие вещи, которые навязывает им власть. Конечно, это проблема не только Штатов, но и всего

мира. Взгляните хотя бы на то, что произошло в Японии. Руководство Страны восходящего солнца старалось уменьшить масштабы катастрофы на АЭС «Фукусима» и продолжает делать это до сих пор. Если бы ситуация не вышла из-под контроля, они бы и дальше не подпускали журналистов к месту аварии и не позволяли бы рабочим станции рассказывать о том, что произошло. Когда же стало ясно, что последствия катастрофы скрыть не получится, японская верхушка начала шевелиться и приносить официальные извинения. Забавно, что американские власти чуть ли не громче всех об этом кричали. Вместо того, чтобы решить аналогичную проблему у себя в стране. Так что, наверное, всегда приятнее думать, что там, где нас нет, трава зеленее. Даже если она светится. Лицемерие, вот как это называется. Все это очень сильно бьет по мне с моим посттравматическим стрессовым расстройством. Вокруг постоянно звучит ложь и крики о внешнем враге. С помощью этого политики стараются отвлечь внимание людей от того, что творится у них под носом, а на выходе мы получаем лишь смерть и страдание. Все это разбивает мне сердце.

— Ты писал, что не так давно тебе удалось добиться того, чтобы тебя официально признали инвалидом и начали выплачивать соответствующие льготы. Значит ли это, что твоя битва на этом фронте завершилась? Это максимальный результат, которого могут добиться люди, пострадавшие от последствий 11 сентября?

— Нет, абсолютно, нет. Хотел бы я, чтобы эта маленькая победа решила бы все мои проблемы раз и навсегда. Несколько месяцев назад мне удалось получить так называемую карточку «Социальной безопасности» («Social Security»). Это право на дотацию, которое может получить каждый, кто достаточно серьезно болен. И неважно, по какой причине. Но власти заставляют тебя пролезать в угольное ушко, постоянно отклоняя твои просьбы в надежде, что ты сдашься или умрешь. А если тебе все же удастся выжить, тебя вызовут в суд. И тогда тебе ПРИДЕТСЯ нанять адвоката. Так работает система, но никто тебя об этом не предупреждает. Как бы то ни было, так как я официально не работал достаточно долго, а значит, не платил государству налоги, которые, по мнению властей, каждый должен платить, я не имею право на социальное страхование по инвалидности (SSD). Вместо этого, я получил так называемый «доход по социальной безопасности» (Social Security Income, SSI). А это ГОРАЗДО меньшая сумма, чем та, что необходима мне для жизни. Но это хотя бы что-то. Я молюсь о том, чтобы мне удалось получить SSD, потому что мои счета за лечение измеряются ДЕСЯТКАМИ ТЫСЯЧ долларов. При этом все, что мне нужно — это иметь возможность прокормить себя и двух моих собак. Повторюсь, деньги, которые я, наконец, начал получать, НИКАК не связаны с последствиями 11 сентября, это просто пособие по инвалидности. Власти все-таки признали, что со мной не все в порядке. Борясь со всем этим, я пережил такое разочарование и депрессию, с которыми раньше никогда не сталкивался. Я всю жизнь работал, занимался кучей разных вещей и был вполне успешен. У меня была жена, которая мало того, что бросила меня в 2005 году, так еще и отобрала у меня все, что у меня было и даже больше. У нее получилось воплотить свои планы в жизнь, так как ее отчим был известным адвокатом и крупной шишкой в штате, где мы тогда жили. В Аризоне. Вместе со своей

семьей ей удалось повернуть колоссальную аферу, и им все сошло с рук. У нас был небольшой ювелирный бизнес, и она вложила все наши деньги в полудрагоценные камни, золото и серебро, оформив все средства на себя. Долгая история... Всего этого можно было бы избежать, не будь я так серьезно болен. Мне пришлось пережить множество ужасных операций, я надолго выпал из жизни, и они этим воспользовались. Мне кажется, моя жена просто потеряла часть себя после тех страшных событий. Она изменилась до неузнаваемости. Как и многие другие люди. Она видела всю алчность, клубившуюся вокруг нас в те годы, и решила, что ей тоже нужно урвать свой кусок. Мне не хотелось никаких кровавых денег, и кто знает, может, в первую очередь, поэтому она меня и бросила. Какая уж теперь разница. Как бы то ни было, 11 сентября уничтожило не только мой брак, но и значительную часть ее души. В общем, я буду рад любым «пособиям», которые мне удастся выбить у властей. Этого будет мало, но я рад любой помощи. К сожалению, нет ничего удивительного в том, что со мной так обращаются. Даже несмотря на то, что я пытался спасти жизни многим людям. Взгляни на отважных мужчин и женщин, которые служат нашей стране за рубежом. Они возвращаются домой, и власти США обращаются с ними как с мусором. Это настоящая трагедия, я не могу подобрать другого слова.

— Извини, если мои вопросы кажутся тебе глупыми или наивными. Я просто никак не могу понять, как американское руководство может экономить на жертвах катастрофы такого масштаба как 11 сентября...

— Кто знает, парень, кто знает... Возможно, все дело в деньгах, как я уже говорил. В наши дни там, где замешаны деньги, крутится много зла. Богатые отрицают сам факт того, что бедным тоже нужно на что-то жить. Это ужасно. Да, я рад, что США и Россия сейчас находятся в более-менее нормальных отношениях. В свое время меня могли бы посадить за то, что я тебе рассказал, обвинив в «оказании помощи врагу». Безумие.

ПУБЛИКАЦИИ

— Уверен, у тебя есть много известных друзей (от Спайка Ли до Яна Маккея), которые могли бы рассказать миру о проблеме токсичной пыли, которой пострадал ты и сотни других людей. Однако, такое ощущение, об этом пишут только в панк-зинах, издающихся мизерным тиражом...

— К сожалению, это так. Одно из последних интервью я дал зину Salem Ashtray. Это прекрасный журнальчик из Орегона, который выпускает очень хороший парень по имени Девин. У них с женой Кэти недавно родился ребенок, и они по-прежнему остаются политически активными, а группа Дэвина POTATOE FAMINE просто замечательная. Они играют ирландский фолк-панк! Да, среди моих друзей есть известные люди. И некоторые из них пытались мне помочь. Но, к сожалению, нужно понимать, что знаменитый — не значит богатый. Так что материально они особо помочь не могут, но некоторые из них стараются говорить о нашей беде при каждом удобном случае. Сначала, правда, никто не хотел за меня вступаться, потому что все боялись, что их, как и меня, сочтут психами.

— В своих колонках ты часто пишешь с иронией о многих известных персонажах, например,

о Генри Роллинзе и Джелло Биэфре (в 2002 году в NY Press вышла статья Джорджа, в которой он обвинял экс-лидера DEAD KENNEDYS в излишней жадности. Ты пишешь о них все, что думаешь, не стесняясь в выражениях. У тебя никогда не возникало из-за этого проблем? Герои твоих статей на тебя не обижались?

— Забавный вопрос! Все, о ком я высказывался в не самых лучших выражениях, подходили ко мне лично и говорили, что я был прав, и им жаль, что они совершили те поступки, за которые я их критиковал. Они предлагали даже объявить об этом публично, но я говорил, что им незачем позориться. Зачастую лучшее, что можно сделать в такой ситуации — это сказать: «Я был неправ». Роллинз сам отмечал, что в молодости он был куда менее адекватен, чем сейчас. Как и все мы. А Джелло... Он без преувеличения умнейший и один из лучших людей на этой планете. Он отличный парень, который постоянно слушает тонны хороших групп, помогая некоторым из них. В том числе, моей бывшей команде FALSE PROPHETS. Вещи, о которых он пел тридцать лет назад, по-прежнему актуальны. Он настоящий пророк. В свое время, правда, Биэфра очень расстроил меня некоторыми своими поступками. Тогда в моих глазах они чуть ли не перевешивали все хорошее, что он сделал. Это никак не соответствовало его образу, который он создавал все эти годы. Поэтому я и назвал его козлом. Своей критикой я пытался помочь ему вновь стать таким, каким я его знал, а именно — умным и добрым человеком, одним из величайших мыслителей наших дней. Не зная того или иного человека или не будучи до конца уверенным в том, что он неправ, я никогда не скажу о нем ничего плохого. Своей критикой я просто стараюсь помочь своим друзьям вновь встать на правильный путь. Уверен, большинство людей стараются поступать правильно, вне зависимости от своих взглядов. Они могут быть демократами, республиканцами, черными, белыми, христианами, иудеями, мусульманами, индуистами... Важно лишь то, что у большинства из нас есть некий моральный компас, которому мы следуем, и его стрелка неуклонно указывает, среди прочего, на сострадание к людям. Нашим братьям и сестрам по всему миру. Просто когда этот компас попадет в зону действия магнитных полей, он сбивается. Думаю, порой это происходит с каждым из нас. Время от времени нашему компасу требуется подстройка.

— Каждый месяц твоя колонка появляется в MRR, журнале, где все работают бесплатно. При твоей острой необходимости в деньгах странно, что для панк-зина ты пишешь регулярно, а твоя последняя публикация в крупной газете NY Press, напротив, датируется 2003 годом. Почему ты перестал там работать? Пишешь ли ты сейчас для каких-либо больших изданий?

— Я уволился из NY Press по нескольким причинам. В основном, из-за того, что они не хотели публиковать мои статьи об 11 сентября и его последствиях. Я был очень неприятно удивлен тем, что даже у себя «дома» мне не позволяли говорить о том, как помочь людям. Что даже здесь меня никто не хотел слушать. Еще меня сильно злило то, что все работники медиainдустрии знали о грядущей войне в Ираке, но не пытались не то что предотвратить ее, а даже уделить этой теме хотя бы пару строк. Всем было плевать. Фактически, большинство журналистов хотело, чтобы бойня разгорелась, и у них появилась жареная «исто-

рия», о которой можно было бы написать. Как считаешь, это нормально, писать за деньги захватывающие истории об убийствах? По-моему, это омерзительно. Кроме того, появились новые редакторы, неприятные люди, которым не нравилось «арт-направление», которое принимала газета. Они хотели превратить NY Press из аналитического издания исключительно в новостное. Разумеется, у них ничего не вышло. В течение двух лет я писал для Phoenix New Times, когда жил в этом штате, а также сотрудничал с другими достаточно крупными изданиями. Но потом я заболел, от меня ушла жена, и все было кончено. Сейчас я продолжаю бесплатно писать для Maximumrocknroll, а также для британского интернет-журнала Mass Movement. Он прекрасен. К сожалению, я слишком болен, чтобы ходить и искать места, где мой труд будет оплачиваться. Из-за болезни я не могу сейчас работать репортером, это ужасно. Я не мобилен, а это необходимо для того, чтобы писать об актуальных событиях. Мне бы очень хотелось этим заниматься. Тогда мне были бы не нужны все эти «пособия». Вообще-то, зря я называю это «пособием», потому что это совершенно другая социальная программа. SSI предназначена только для тех, кто болен. Наверное, мне просто не хочется признавать себя больным. Инвалидом. Я ненавижу это чувство больше всего на свете. Мне нравится делать что-то для себя и помогать другим. Я всегда этим занимался. И я продолжаю делать это при помощи моих терапевтических собак, когда мне становится лучше. Я уверен, мы были посланы на Землю для того, чтобы помогать друг другу. Мне никогда не понять, по какой причине и зачем существуют войны.

— В прошлогоднем апрельском номере вышла твоя колонка «Почему телки не могут играть рок». Большинство читателей журнала эта статья взбесила. Они сочли ее сексистской, и, кажется, еще полгода писали в редакцию гневные письма с просьбой тебя уволить. Больше всего в этой истории меня поразило то, что редакторы MRR (или «координаторы», как они себя называют) встали на сторону «защитников морали». Руководство журнала писало, что с удовольствием бы отстранило тебя от дел, если бы Тим Йоханнон не запретил в свое время увольнять колумнистов. Ты читал эти обсуждения?

— Некоторые люди просто не понимают шуток. А некоторые редакторы считают, что есть некие «священные темы», на которые шутить нельзя. Я шучу на любые темы. Даже об 11 сентября. Юмор — это лучшее средство справиться с любой проблемой. Трагедия + Время = Комедия. Я ожидал, что некоторых читателей разозлит моя колонка, и меня тоже поразило, что сотрудники MRR встали на их сторону. Они все еще на меня злятся. Многим из них я не нравлюсь. Тем не менее, я стараюсь относиться к ним со всей душой. Но шуток они не понимают. Возможно, все дело в том, что некоторые из них очень молоды, и не так много пережили, чтобы понять, что юмор помогает нам преодолеть ежедневные трудности. Как серьезные, так и незначительные. MRR становится слишком политкорректным, постепенно теряя присущее ему чувство юмора. Но оно вернется, я уверен. Так происходит всегда. MRR — самый важный журнал из тех, что я знаю. Он доказывает, что можно быть независимым, не сотрудничать ни с какими корпорациями и, тем не

менее, успешно существовать. Он распространяется по всему миру и... помогает людям. Он помог мне. Именно поэтому я согласился писать для него много лет назад и до сих пор продолжаю это делать. Надеюсь остаться в штате MRR до конца своих дней. У меня появился шанс помочь людям своими историями. А это для меня самое важное, что может быть. Я немного переживаю из-за того, что руководство журнала теряет почву под ногами, забывая, зачем он существует, и с чего все началось. Надеюсь, все вернется на круги своя, когда редакторы подрастут или сменятся. Вся эта «кампания» под названием «Джордж Табб — сексистская свинья» зашла уже так далеко, что даже стала забавной. Как бы то ни было, это не самые страшные слова, которыми меня когда-либо обзывали. Нам всем необходимо научиться смеяться и прикалываться над собой, иначе мы разучимся смеяться над чем бы то ни было вообще.

— В одной из колонок для MRR ты писал, что начал работать над третьей книгой. Как продвигается это дело?

— К сожалению, работа над книжкой сейчас полностью встала. Я слишком болен. Несколько раз я принимался за работу, но постепенно мне становилось все хуже, и я мог думать только о том, как буду завтра добывать себе на хлеб. Так что у меня просто не получалось писать. Или, по крайней мере, делать это весело, потому что очень трудно смеяться, когда постоянно испытываешь невыносимую боль и не знаешь, чем будешь кормить завтра своих питомцев. Очень надеюсь, что мне станет легче настолько, что я смогу дописать третью книгу. Она будет состоять из коротких рассказов, посвященных разным периодам моей жизни. Что-то вроде сборника лучших статей из MRR: «Take My Life, Please, best of!». Я знаю,

что многим людям нравятся отдельные истории, и я хотел бы собрать их всех под одной обложкой вместе с новыми рассказами, чтобы люди могли перечитывать их снова и снова в любое время. Черт, среди них даже будут рассказы, которые мне самому нравятся! А я с большой иронией отношусь к себе и к своему «творчеству». Так что поживем-увидим.

— Кстати, я тут подумал, что твоя третья книга на самом деле будет четвертой. В начале 1990-х было издано нечто под названием «Take My Life Please — Chroniques». Что там было опубликовано? Ты не хотел бы переиздать эту работу?

— На самом деле, это не книга, а просто семь колонок из MRR, которые перевели и выпустили под одной обложкой какие-то ребята из Франции. Они отобрали СВОИ любимые истории и оформили их в книгу. Я не знаю французского языка, так что я даже не в курсе, какие именно статьи вошли в тот сборник. Как бы то ни было, я очень польщен тем, что они обратили внимание на мои работы. Моя следующая книжка будет составлена по такому же принципу, только она будет написана на английском... Или на любом другом языке, если кто-то захочет ее перевести. Много лет я пытался выпустить сборник лучших статей, но издатели все время мне отказывали. Сотни раз. Мне очень повезло, что две мои книжки выпустило издательство Soft Skull, они отличные люди, открытые ко всему новому и вообще панк-року. Жаль, что мои работы больше их не интересуют. Они решили сконцентрироваться на поэзии и всем, что с ней связано. Но я собираюсь найти нового издате-

ля, когда мне станет лучше. Или, возможно, поднакопив достаточно сил и денег, мне удастся выпустить книгу самостоятельно. И я сделаю это не ради денег, а потому что знаю, как много мои рассказы значат для некоторых людей. Мне хочется, чтобы они были счастливы. У меня в квартире осталось несколько экземпляров моей второй книги, и я по-прежнему раздаю их бесплатно вместо того, чтобы продавать. Мне неловко продавать собственные книги. Я просто хочу принести людям радость. Я считаю, что это мой путь.

— Когда заканчиваешь читать интересную книгу или смотреть хороший фильм, порой так и тянет узнать, что было дальше с их героями. Главные персонажи твоих книг — это Джим (сосед по комнате), Луис (приятель по колледжу, который почти никогда не выходил из комнаты), и твои братья Люк и Сэм. Как у них дела?

— Аха! Об этом будет моя новая книга, так что тебе придется подождать! Я не хочу раскрывать заранее всех секретов. Но спасибо, что спросил, мне очень приятно, что тебя волнует судьба моих героев. Мои братья и Джим вновь появятся на страницах моей третьей книги. Кроме того, тебя ждет знакомство с новыми раздолбаями!

МУЗЫКА

— Ты много писал о том, как ROACH MOTEL собрались, но дальнейшую хронологию событий, связанных с твоей первой группой, я проследить не смог. Чем завершилась история ROACH MOTEL?

— Не могу сказать, когда именно и почему группа распалась. Это произошло через год после моего ухода из ROACH MOTEL. Дело было так. Как-то раз я отправился на летние каникулы в Нью-Йорк, чтобы подзаработать денег на грядущий учебный год. Остальные ребята остались во Флориде. И вот, звонят они мне в Нью-Йорк и говорят, что на ближайших выходных мы играем несколько концертов с СНЗ!!!! Во Флориде. Поэтому я взял билеты и спешно вылетел в Гейнсвил. Когда я прибыл, мне сказали, что пока меня не было, группа отрепетировала программу с другим гитаристом и хочет сыграть два из трех концертов с СНЗ без меня. В Орландо. Мне разбили сердце. Я не участвовал в первом концерте, который прошел на автостоянке с аудиторией, состоящей из трех человек. На следующий день они играли в Гейнсвиле, нашем родном городе. Я был так зол и обижен, что решил не идти на концерт. Они звонили мне несколько раз, умоляли прийти и извинялись за то, что накануне не позвали играть. Но я был очень молод и очень расстроен. Поэтому я ушел из группы. Я сказал им об этом по телефону на следующий день. Я заявил, что они сильно меня обидели и что я покидаю группу, которую сам же основал. Разумеется, они сказали мне, что это не я ухожу, а они меня выгоняют!!! Боже!!! Но потом они попросили меня вернуться. Но я уже играл в другой группе, ATOMS FOR PEACE, которая начала набирать обороты через пару месяцев после того, как я покинул ROACH MOTEL. Конечно, вернувшись во Флориду, я ходил на все концерты ROACH MOTEL и постоянно под конец вечера оказывался пьяным на сцене и играл с ними наши песни. В конце концов, это была моя группа. И, что хорошо, мне не нужно было репетировать, потому что я был автором почти всех наших композиций! Конечно, если бы я мог вернуться на 20 лет назад, то нашел бы в себе силы более достойно справиться с этой ситуацией.

— В интервью Стивену Бушу, опубликованном в книге *American Hardcore*, ты сказал, что покинул Флориду, когда нацики и «Анти-Кастро скинхеды» начали чуть ли не захватывать власть в штате. Можешь рассказать об этом поподробнее?

— Наци-скинхеды во Флориде плодились как тараканы. Во время нашего концерта в Тампе с DEAD KENNEDYS и RAT CAFETERIA скинхеды начали громить все вокруг, приехал ОМОН с полицейскими вертолетами и прочим кошмаром. Это было ужасно, многие хорошие люди пострадали. Я был очень зол! Было ужасно неприятно видеть, как публика зиговала, когда мы вышли на сцену. Глупость. Подобно Монти Пайтону, мы являли собой сатиру, кривое зеркало, а эти ребята, кажется, восприняли слова наших песен всерьез. Может, все дело в том, что Флорида — настоящий рассадник идиотов. Не знаю. Я рад, что нам удалось выбраться оттуда живыми!

— Ты писал, что Пол и другие ребята из ROACH MOTEL называли себя нацистами. Как они относились к «Анти-Кастро скинхедам»? И как нацики относились к таким вот «наци-панкам»?

— Вообще-то нацистом называл себя только Пол. Он носил свастики и все такое прочее. Мне кажется, он делал это в основном для того, чтобы позлить окружающих! К тому моменту, когда вся эта скиновская/нацистская хрень стала популярной среди панков, Пол уже давно отошел от дел. Так что мы особо не пересекались с этими ублюдками. И слава богу! Могу себе представить, в какие неприятности мы могли бы влипнуть! Ох.

— ROACH MOTEL сыграли несколько реюнион-концертов в 2003 году, но ты в них не участвовал. Тебя не пригласили или ты сам отказался? Ты поддерживаешь связь с Полом, Бобом и другими музыкантами своей первой группы? Где они сейчас?

— Честно признаться, я не участвовал в реюнион-концертах, потому что никак не мог оправиться от шока, пережитого 11 сентября 2001 года. Я боялся надолго оставить свою Будущую Бывшую Жену и нашего пса Скутера. Мне казалось, что Нью-Йорк снова могут атаковать, и я хотел быть с ними, чтобы иметь возможность их защитить. Мне не удалось окончательно избавиться от этих страхов до сих пор, пришлось научиться с ними жить. Еще, мне немного не хотелось вновь иметь дело с Бобом. Он всегда любил и по-прежнему любит провоцировать людей на агрессию. Ребята сказали мне, что они тоже больше никогда не поедут с ним в тур по этой причине. Я люблю их всех, просто иногда общаться с определенными людьми бывает тяжело. Я по-прежнему считаю Боба своим другом...старым другом. К сожалению, наш барабанщик Фрэнк умер в этом году. Это очень грустно, он был отличным парнем и всегда находил со всеми общий язык. Забавно, но я никогда не общался с ним близко, у нас были совершенно разные интересы. Но теперь, когда его не стало, мне жаль, что я проводил с ним так мало времени и не удосужился узнать его по-настоящему. О Поле я последний раз слышал лет восемь назад. У него куча детей и огромный седан, он увлекся классической музыкой. Пол отличный папаша. В последнее время я близко общаюсь с Джеффом. Лейбл «Florida's Dying Records» выпустил недавно сборник песен ROACH MOTEL, это заслуга Джеффа, он этим занимался. Джефф отличный парень, к сожалению, в прошлом году он потерял жену. Она пела в группе MORBID OPERA, они часто выступали вместе с нами, мы включили их в выпущенный нами сборник «We Can't Help It If We're From Florida». Ее звали Лиза, она была отличным человеком, у них с Джеффом прекрасные дети. Сейчас я общаюсь с нашим бывшим гитаристом ближе, чем когда бы то ни было, и мне это очень нравится. Джефф отличный парень и по-прежнему выглядит как юный фанат RAMONES, каким я знал его много лет назад!

Crucifucks

Панк несогласных

Многие критики отмечали, что история панк-группы Crucifucks и ее лидера представляет гораздо больший интерес, чем их творчество. По большому счету, Crucifucks — это один человек, вокалист группы по имени Док Дарт. Сын миллионера, он, в отличие от многих своих современников, начал всерьез заниматься музыкой в 28 лет, будучи уже вполне состоявшимся мужчиной с женой и двумя детьми. Его голос напоминает одновременно Биэфру и Роттена. О других музыкантах Crucifucks сказать особо нечего, кроме разве что барабанщика Стива Шелли, который, покинув группу в 1985-м, ушел в Sonic Youth, где стучит по сей день.

Агрессивная энергетика, исходящая от интеллигентного и образованного Дока, вкупе с «детским» голосом и соответствующим поведением на сцене, роднили его с другим взбунтовавшимся мальчиком из хорошей семьи — Борисом Усовым из «Соломенных ентов». Убедиться в этом можно, посмотрев выступления Crucifucks, записей которых сохранилось на удивление много — гораздо больше, чем у «Ентов». К сожалению, как и в случае с Усовым, подобный образ жизни не прошел для Дока бесследно. Демо-кассета Crucifucks 1982 года — идеальный

образец, говоря словами снобов из арт-галерей, «законченного высказывания». Она абсолютно самодостаточна, и сказать больше, чем на этой записи, группе так и не удалось.

Ее неофициальное название «I Estimated Your Worth Today» («Сегодня я понял, чего ты стоишь»). Помимо одноименной песни Дока и Ко, под этой же вывеской вышел знаковый кассетный сборник мичиганского панка начала 1980-х годов. Запись замечательна своим подвальным звуком и подлинной наивностью участников, которую

в те времена воровать было неоткуда. Открывают сборник, разумеется, Crucifucks: «Сегодня я понял, чего ты стоишь/ И я не собираюсь тебя слушать/Я больше не приду на работу/Ты мне не босс, ты е**чий козел/ Сегодня я понял, чего ты стоишь, ты — говно», — верещит Док на пределе возможностей голосовых связок.

Несколько лет ему пришлось проработать в банке своего отца, откуда его выкинули за то, что он ходил на работу невымытым и небритым, да и вообще не проявлял особого интереса к финансам и вкладам. Думаю, немногие слушатели понимали, как близок к истине был Док, кричащий (совсем по иному поводу) в другой своей песне: «Истэблишмент — это я!».

Единственное, что отличает материал, вошедший на сборник, от сольной кассеты Crucifucks — «немузыкальные» вставки между песнями. Они есть только на демо-записи и во многом определяют ее целостность и соответствие той эпохе, когда она была сделана. Песни перемежаются руганью Дока с недовольной публикой и записями его телефонных разговоров с полицией и местными властями:

— *Было бы лучше, если бы искали другое место [для концерта],* — на проводе суровый и мрачный мужчина.

— Почему? — спрашивает Док.

— *Потому что мы не хотим никаких проблем с соседями.*

— Никаких проблем и не возникнет, сэр...

— *Кстати, где вы живете?*

— Э-э-э, а почему вы спрашиваете? Зачем вам это? Я не обязан отвечать на этот вопрос.

— *Нам — незачем, а вот полиции это будет интересно. Я просто предупреждаю вас, что если что-то пойдет не так, они приедут и заберут вас.*

— Ой, да ладно...

— *Я серьезно, где вы живете?*

Композиции состоят из трех, как кажется, существующих независимо друг от друга частей: лидирующего баса, голоса Дока и вступающих в самый ответственный момент нервной гитары и барабанов. Музыка накатывает волнами, которые, в конце концов, разбиваются об уши с криком и лязгом.

— *Полиция, добрый вечер,* — раздается приятный женский голос.

— Добрый вечер, мэм, — говорит Док спокойно и вежливо. — Я звоню по поводу афиш, которые кто-то расклеил рядом с кампусом. Мне кажется, с этим надо что-то сделать, там заявлено о концерте, и одна из выступающих групп называется «Миллионы мертвых ментов».

История панк-группы Crucifucks и ее лидера представляет гораздо больший интерес, чем их творчество.

Я хотел поинтересоваться, известно ли полиции об этом что-нибудь?

— *Да, мы видели эти флаера, уверена, мы знаем человека, который организует концерт. Это панк-рок группа. Нас уже предупредили, что некоторые местные жители имеют к ней непосредственное отношение...*

— Вы собираетесь принять какие-нибудь меры?

— *Ну, м-м-м, погодите минутку...*

— Спасибо.

Следующая за этим диалогом песня называется «Hinkley had a Vision» — дословно «У Хинкли было видение». При этом в названии заключена игра слов. World Vision — это христианская организация, фактически секта, лидером которой в конце 1950-х — начале 1960-х годов был Джон Хинкли. Его сын, Джон Хинкли Младший, милаха и тихоня, прославился тем, что в 1981 году пытался застрелить президента Рейгана.

Подобно не менее известному, но, к сожалению, более успешному убийце Марку Чепмену, Хинкли обожал «Над пропастью во ржи» Сэлинджера. Мотивы, побудившие Джона совершить преступление, были, правда, несколько иными, чем у печально известного фаната The Beatles. Хинкли хотел привлечь внимание актрисы Джоди Фостер, в которую влюбился, посмотрев «Таксиста» Мартина Скорсезе — еще один культовый среди неприкаянных подростков шедевр. Джон и до преступления пытался привлечь внимание юной звезды. Устав безрезультатно досажать ей телефонными звонками, он

Из-за названия группу не пускали играть во многие клубы.

Запись замечательна своим подвальным звуком и подлинной наивностью участников, которую в те времена воровать было неоткуда.

угнал небольшой частный самолет и разбил его прямо перед крыльцом возлюбленной. Как Джону удалось выжить, история умалчивает, однако известно, что своей цели Хинкли так и не достиг. Даже совершив покушение на Рейгана. Президент, кстати, почти не пострадал, а вот один из его охранников на всю жизнь остался инвалидом.

«Я хочу схватить президента», — кричит Док, в этот момент группа замолкает, и его голос остается звучать в полной тишине. — «Отрезать ему голову и послать им по почте в мусорном мешкеееее». Последние слова вокалист тянет с интонацией истеричного ребенка, которому мама отказалась покупать что-то в магазине игрушек. Кроме этой фразы и названия, отсылка к поступку Джона Хинкли в песне нет — она целиком посвящена консервативным христианам, которые пытаются с помощью религии промыть мозги как можно большему количеству людей.

— Я не дам вам свой адрес, что за глупость, речь идет всего лишь о кучке ребят, которые съедутся со всех концов штата, чтобы... — собеседник обрывает Дока на полуслове.

— *Со всех концов штата? Хорошо, мы ценим, что вы к нам обратились, надеюсь, никаких проблем не возникнет,* — мужчину, очевидно, ничем не пронять.

— Не возникнет, если ваши люди будут держаться от этого места подальше. Не будет никакого шума, поверьте мне.

— *Мы не можем поверить вам на слово.*

— Там будет много журналистов, и если вы уважаете свою профессию, вы не позволите себе так опозориться.

— *Это спорный вопрос.*

— Это вопрос наличия ума, — не выдерживает Док и бросает трубку.

На этом запись заканчивается. Остальные сведения, которые можно найти о Доке Дарте в интернете, крайне обрывочны. После записи демо Crucifucks выпустили еще два альбома на Alternative Tentacles. Группа распалась в 1989 году. В начале 1990-х Док записал сольную пластинку, параллельно проходя курс лечения у психотерапевта. Дела у него шли неважно: как и Биэфра, он пытался баллотироваться в мэры родного города, как и у Биэфры, стать политиком у него не вышло. Док держал магазин бейсбольных карточек, но и этот бизнес ощутимых доходов не приносил. В 1996 году он внезапно собрал новый состав Crucifucks и вместе с ним записал альбом L.D.Eye.

От былой панковской злости здесь практически ничего не осталось. По словам Дока, этот материал ждал своего часа, потому что раньше технологии не позволяли записать все так, как он хотел. В результате получилась запись на стыке новой волны, пост-панка и инди-рока.

Два года спустя Crucifucks сыграли на юбилее Alternative Tentacles. С тех пор группа не выступала. Пребывавший в душевном расстройстве Док сменил свое имя на числительное 26 и навсегда заперся от внешнего мира у себя дома. В изоляции он записал еще два альбома, ни один из которых до сих пор не издан (записи есть только в сети и найти их, в принципе, особого труда не составляет). Это, в общем, вся информация, которую до недавнего вре-

мени можно было найти о Crucifucks в интернете. Пересказанная мной статья из «Википедии», как ни странно, оказалась информативнее всех текстов о Доке и Ко, что мне довелось

прочитать. На этом бы все и кончилось, если бы во время очередного сеанса общения с «Гуглом», я не наткнулся на статью Стива Макфитерса «Заноза в заднице, или как Док Дарт превратился в человека по имени 26», опубликованную в журнале Vice. В ней автор (кстати, бывший вокалист Born against и колумнист MRR), рассказывает, как навещал совсем одичавшего 26, а также проливает свет на многие обстоятельства его прошлой и нынешней жизни. Разумеется, я не мог пройти мимо такого сокровища...

«Однажды в среду, февральским вечером 2007 года, я встретился с человеком по имени 26 в ресторане Международного клуба путешественников при Музее тубы, что в Окимосе, штат Мичиган.

Мы сели подальше от двери, чтобы укрыться от зимних сквозняков; над нашими головами висели ряды африканских масок и потрепанных временем, но по-прежнему красивых туб.

В полицейских отчетах 26 значился как человек «худощавого» телосложения пяти футов и семи дюймов ростом. На самом деле, сказать что-то определенное о его телосложении было непросто. На нем был сильно поношенный и свободный вязаный свитер синего цвета, а на голове — огромная бейсболка с логотипом канала «Погода». Она частично скрывала его неопрятные, жидкие, но еще не седые волосы. Практически на каждом пальце у него было надето по несколько колец. Он выглядел дружелюбным и утонченным. Увидев его, официантка удивилась и обрадовалась.

— *У вас выходило что-нибудь после «Патриции»?* — спросила она с сильным русским акцентом. Речь шла о его сольном альбоме, названном в честь врача-психотерапевта, которую он посещал в 1990-х годах, когда еще был завсегдатаем этого ресторана.

С чем только ни сравнивали (не)многочисленные музыкальные критики этот альбом Дока Дарта. Большинство из них писали о влиянии R.E.M. и U2. В этом есть доля истины. Пластинка звучит очень легковесно, но вместе с тем невероятно трагично — Док поет об одиночестве, покинувших его друзьях («Надеюсь, у вас все в порядке»), и, конечно, о Патриции — женщине, в которую он успел безответно влюбиться во время сеансов психотерапии. Альбом слушается легко, если не знать, при каких обстоятельствах он был записан. Крик, на который иногда все-таки срывается Док, уже не несет былой агрессии. Скорее, это крик о помощи.

— Я записал несколько альбомов после «Патриции», — кивнул он. — Один из них я выпустил несколько лет назад под вывеской «26».

Она кивнула, возможно, решив, что 26 — это название группы, а не его собственное имя.

— А до этого я пел в другой группе, с неприличным словом в названии, — добавил он. Девушка снова улыбнулась.

Ранее в нашем разговоре он морщился, произнося это «плохое» слово — 26 больше не матерится. Он был явно рад, что официантка не стала углубляться в эту тему.

В ресторане работало радио, и когда стали передавать новости из суда над проворовавшимся адвокатом Льюисом Либби, 26 быстро заткнул уши. 20 марта 2004 года он решил оградить себя от всех новостей из внешнего мира.

— В принципе, я даже не знаю, кто у нас сейчас президент, — радостно сказал он после окончания информационного выпуска.

— Как-то раз я попросил одного своего квартиросъемщика не рассказывать мне ни о чем, что передают в новостях. После этого он сообщил мне, что какой-то президент недавно умер. Но я ведь специально просил его не сообщать мне никаких новостей. На что он ответил: «А я думал, это не относится к тем случаям, когда кто-то умирает». Ох, и натерпелся я с этим квартирантом.

Полагая, что он имел в виду Джеральда Форда, я сказал, что на следующей неделе собираюсь в Президентскую Библиотеку Форда в Грэнд Рэйпист, Мичиган.

— Нет, это был другой президент, — немного раздраженно ответил он. По-видимому, речь шла о Рональде Рейгане, который умер три года назад.

Смена нашей официантки подошла к концу вскоре после нашего прибытия. На прощание она взяла с моего собеседника слово принести ей его новые диски. Когда она скрылась за прилавком, большая черная женщина в другом конце ресторана вскочила и закричала: «Блядь, где мои деньги?»

— Эх, — пробормотал 26, медленно поднимаясь из-за стола. — Опять это слово.

26, которому на момент интервью было 54 года, при рождении был назван Доком Корбином Дартом. Он родился в пригороде Мейсона, штат Мичиган, и прожил всю жизнь в районе Большого Лэнсинга. Его бывшее имя — Док — это не сокращение, он унаследовал его от дедушки Дока Кэмпбелла Дарта, который, в свою очередь, был назван в честь местного врача доктора Кэмпбелла. Прадед Дока Роллин Си Дарт основал «Национальный Банк Дарт», а двоюродный дядя Билл — «Дарт Контейнер» — крупнейший в мире завод по производству пенопластовых стаканчиков.

Большинство людей, слышавших о Доке Дарте, понятия не имеют, что известность пришла к нему уже в зрелом возрасте. Он начал работать в банке Дартов еще подростком. Сначала на самой нижней ступени, но с прицелом на то, чтобы в итоге стать четвертым президентом банка династии Дартов. В 1980 году он вернулся в Мичиганский Университет, чтобы получить степень бакалавра по антропологии, затем женился на своей девушке Энжи и два года спустя стал отцом.

Его главной страстью всегда была музыка. В тот год, когда Beatles выступили на шоу Эдда Саливана, Доку исполнилось 11 лет. Группа произвела на него большое впечатление. Для юного Дока Боб Дилан и Джимми Хендрикс стояли в одном ряду с антивоенными кадрами, которые он видел по телевизору. Самого Дока война чуть-чуть не обошла стороной: в 1971 году восемнадцатилетнему Дарту пришлось участвовать в последней призывной лотерее во Вьетнам. Смертельно опасный для многих «розыгрыш» транслировался по телевидению. На шариках, которые ведущие вынимали из вращающегося барабана, вместо номеров билетов были написаны даты рождения тех, кому следовало явиться на призывные пункты в первую очередь.

В начале 1970-х он играл на клавишах в местной группе Kilgore Trout and Swell (их выступления начинались с

Док сменил свое имя на числительное 26 и навсегда заперся от внешнего мира у себя дома.

фразы «Мы Swell», которая произносилось с маниакальной улыбкой).

Он жадно скупал все мало-мальски интересные записи в Восточном Лэнсинге и к середине 1970-х стал обладателем солидной коллекции пластинок. К тому времени он чувствовал, что все его некогда любимые группы «сдулись» под грузом наркотиков и общей изнуряющей атмосферы 1970-х, которая не пощадила никого. В 1977 Док услышал Sex Pistols, а затем Talking Heads, Buzzcocks, The Stranglers, Ramones, Devo. В конце 1970-х в Америке появилась субкультура, настроение которой, наконец, полностью соответствовало картине мира Дарта — быстрый, злой, и гораздо более агрессивный, чем раньше, панк-рок, впоследствии названный хардкором.

Со своими будущими музыкантами Скоттом Беджерстоном и Стивом Шелли Дарт познакомился на концерте Black Flag в 1980 году. Интересно, что оба они тогда играли в группе, исполнявшей исключительно «кавера» на Joy Division.

Когда Crucifucks начали выступать, Доку Дарту было 28 лет. При этом он называл себя малышом. В детстве его звали Док Младший или Малыш Док, чтобы не путать с дедом. Теперь же это прозвище стало его альтер-эго. Во время концертов Малыш Док часто резал себя бритвой или осколками битого стекла, а затем, чтобы заглушить боль, вливал в себя литры алкоголя. Еще больший вред он причинял себе (и другим), прыгая в толпу с большой высоты. Из-за названия группу не пускали играть во многие клубы. Поэтому в Лэнсинге они выступали под вывеской The Scribbles (кличка собаки Дока), а иногда указывали себя на афише как Crucifex, Cruise Effects или даже The Christmas Folks.

В апреле 1982 года Crucifucks должны были играть вместе с Meatmen в одном из кафе Восточного Лэнсинга. Док раздавал на улице флаеры, а затем зашел в ресторан через дорогу и продолжил всучивать бумажки ничего не понимающим посетителям. Он пересек весь зал и вышел с черного хода, где был арестован. В тот вечер Crucifucks не суждено было выступить, но фотографии Дока из полицейского участка стали впоследствии знаковыми для мичиганской сцены 1980-х. Это самый известный и, возможно, самый качественный снимок Дока, который сейчас можно найти.

Тем же летом Meatmen подписали Crucifucks сыграть в пригороде Детройта, городке Понтиак (Мичиган), вместе с уже знаменитыми тогда Dead Kennedys из Сан-Франциско. С группой Дока их роднила тяга к театральности и общее саркастически злое настроение.

Вспоминает Джелло Биафра: «Это был человек с очень высоким голосом, огромными ушами, как у Линдона Джонсона и широкой издевательской улыбкой. Она раздражала всех. Это было связано с тем, что далеко не все поклонники Necros и Negative Approach были такими уж умными и интеллигентными ребятами. Доку было скучно на них смотреть, он прикалывался над ними снова, снова и снова, до тех пор, пока в него ни начинали лететь плевки и пустые банки, а публика

не взрывалась воплями: «Вали со сцены!». После этого он взял и с разбега прыгнул им на головы!

Крик, на который иногда все-таки срывается Док, уже не несет былой агрессии. Скорее, это крик о помощи.

Каким-то образом толпа упустила его из виду, он вновь забрался на сцену, и продолжил сыпать издевательствами».

Через год, когда Dead Kennedys вновь оказались в Мичигане, Биатра предложил группе издать альбом на своем лейбле Alternative Tentacles. Не случись этого, скорее всего, Crucifucks поиграли бы еще некоторое время, не выезжая за пределы штата, а затем благополучно распались. Вместо этого в 1984 году они выпустили одноименный альбом, рецептом которого стало злорадство пополам с истерикой. Вокалист тянет на себе всю запись, голос Дока ни на что не похож. Он глотает слова, выплевывая по несколько фраз в минуту. Это одновременно и насмешка, и драма. Он звучит то как Джелло Биатра, то как кролик Роджер.

Я спросил у Джелло, известного коллекционера пластинок, слышал ли он когда-нибудь вокалиста, который пел бы так же, как Док. Он сказал, что нет. В середине 1980-х у группы была репутация самой злой команды на тогдашней музыкальной сцене. В эпоху расцвета хардкора заслужить это звание было совсем не просто.

Панки, стараясь максимально отдалиться от своих предшественников хиппи, все-таки переняли у первого поколения «детей цветов» некоторые словечки. Не говоря уже об общем взгляде на мир. В частности, вслед за хиппи панки начали называть полицейских не иначе как свиньями. Ненависть к копам была одним из немногих пунктов, с которым были солидарны все: и аполитичные Black Flag, и крайне политизированные Dead Kennedys, и растафари из Bad Brains.

Тем не менее, выступать против полицейского беспредела и открыто призывать к убийствам служителей порядка, все-таки было не одним и тем же. Доку удалось зайти в этом вопросе гораздо дальше большинства своих современников. В 1992 году песня рэпера Ice T. «Cop killer» вызвала огромный скандал. Многие считают, что только безвестность спасла песню Дока «Ментов на удобрения» (Cops for Fertilizer) от повсеместного общественного порицания.

Когда Dead Kennedys во второй раз выступали в Лэнсинге, их снова разогревали Crucifucks. «К моему огромному удивлению, они понравились публике, — вспоминает Биатра. — Для Дока это было настоящим шоком. Он не знал, как себя вести. В итоге он ляпнул что-то про «бессмысленный спектакль, в который превратилась нынешняя хардкор-сцена».

После этих слов, разумеется, весь зал начал улюлюкать и кидать в Дока разный мусор, а ему только того и надо

было, он смотрел на них и улыбался до ушей. Он старался задеть их любым способом, и ему это удалось».

26 живет в хорошо обустроенном пригородном районе с роскошными двухэтажными особняками и лишь изредка встречающимися домами классом (и высотой) поменьше. На близлежащих улицах можно наблюдать аккуратные асфальтированные дорожки и хорошую подборку американских флагов, великолепие которых изредка разбавляют как будто стыдливо накарябанные пацифики.

Знамен же здесь полный набор — как больших полотнищ на крышах, так и флагов поменьше, развивающихся на лужайках. Идет второй срок правления президента Буша, флаги на участке означают, что их владельцы поддерживают политику 43-го президента США и/или войну в Ираке. Пройдя пешком один квартал, я замечаю букву «А» в букве «О», намалеванную баллончиком на задней стороне дорожного знака.

Его дом было легко найти. Он расположен в стороне от тротуара; окна забиты листами ярко-голубой фанеры. Следы разбитых яиц со временем стали почти незаметными, но белые пятна, оставленные десятками шариков для пейнтбола, отчетливо выделялись на синем фоне. Два больших листа толстого картона скрывали надписи, намалеванные рядом с входной дверью. Здание выглядело заброшенным. Внутри же свет широкой полоской прорезался сквозь перила уходящей вверх лестницы, освещая длинные двусторчатые окна и некрашеный деревянный пол. В гостиной нам пришлось аккуратно сдвинуть в сторону двадцатикилограммовые мешки с кормом для птиц и животных, которые стояли прямо у стеклянной двери, ведущей на задний двор. Карты Африки, Индии и озера Верхнее (крупнейший пресноводный водоем в мире, находится на границе США и Канады) были аккуратно развешаны по комнате, на стене ближе к кухне висел портрет принцессы Дианы. Пространство казалось неиспользуемым, но в то же время его нельзя было назвать грязным или заброшенным. Едкий запах ладана, заполнявший комнату, был настолько привязчив, что моя куртка пахла нашим разговором спустя еще несколько часов после того, как я ушел.

Планировка заднего двора не совсем соответствовала картинке, которую я видел в интернете, когда искал нужный мне дом через Google Earth. Я хотел рассказать ему

Он глотает слова, выплевывая по несколько фраз в минуту. Это одновременно и насмешка, и драма.

об этом, но потом подумал, что это может стать нарушением его запрета о каких-либо новостях. Это правило было очень тяжело соблюдать, частично из-за того, что мне все время хотелось проверить своего собеседника, действительно ли он живет в полной изоляции. Несколько часов назад, проезжая по Окимосу, мы увидели очередной приспущенный государственный флаг, и я спросил, неужели ему все эти годы не было любопытно, что происходит в мире. Его ответ был неожиданным:

- Я полагаю, сейчас у власти президент Чейни.
- Ну, я не скажу вам, так это или нет.
- Отлично.

В гостиной я включил свой цифровой диктофон для записи нашего разговора. Когда я сказал, что в него влезает сотни часов интервью, он посмотрел на меня с недоверием.

26 часто называет себя «странным типом», а вещи, которые ему не нравятся (первый альбом Crucifucks, Раш Лимбо, буддизм) — «мерзостями». Его речь насыщена словечками, которые часто употребляют жители Среднего запада: «бог ты мой», «вот те ну», «что за чертовщина» и редкими «аха», которые, как мне казалось раньше, скорее присущи выходцам из Миннесоты. Когда он предложил мне «выдуть» и открыл холодильник, набитый бутылками с шипучкой «Фэйго», я только через пару минут понял, что он имел в виду газировку, а не траву (26 строгий противник марихуаны).

Пытаясь докопаться до истинных причин его ненависти к полиции, я был удивлен, когда узнал, что серьезных проблем с законом у моего собеседника никогда не было. Впервые его арестовали в 1971 году при проведении опасного социального эксперимента.

— Я не думал, что мне есть чего опасаться, но в то же время я был очень обеспокоен тем, что происходит с нашими гражданскими правами, — сказал он. — Нам всю жизнь внушали, что мы можем говорить все, что вздумается. И я подумал: «Я могу сказать все, что захочу. Следовательно, я могу сказать это ментам. Что же, вперед!». Мне было интересно посмотреть, что из всего этого выйдет. Я даже предполагал, что все закончится успешно, — усмехнулся он. — К сожалению, в жизни все работает совсем не так, как на бумаге.

В начале 1970-х он попадал в участок еще дважды: первый раз — за оскорбление офицера полиции, арестовавшего его друга. В суде 26, которого тогда еще звали Док, отказался от адвоката и защищал себя самостоятельно.

— Я всегда думал, что менты постоянно лгут под присягой. В тот день я убедился в этом на собственном опыте. Я больше не мог с этим мириться. Мой опыт был ужасен, просто ужасен, и он основывался совсем не на пустом месте. Я был переполнен ненавистью к полиции, я буквально ей искрился. И они это прекрасно чувствовали. Это стало превращаться в рутину: если поблизости от меня находились полицейские, — 26 щелкнул пальцами. — Они чуяли мое к ним отношение и сразу меня забирали.

Проработав четыре с половиной года в «Национальном банке Дарт», он только укрепился в своих радикальных взглядах.

Несмотря на то, что Док уверенно шел в гору, его мировоззрение с каждым днем кренилось все дальше

и дальше влево. При этом у него практически не было друзей среди коллег, которые думали, что повышения достаются ему исключительно по блату.

— Я выглядел, как бомж, — рассказывал 26. — У меня были длинные волосы и борода. И я постоянно пребывал в депрессии. В банке не было ничего, что было бы мне близко.

В обязанности Дока входило каждое утро поднимать государственный флаг перед зданием банка. Ежедневно направляясь через вестибюль к флаш-току, он волочил полотенце за собой по земле. Долгие споры по поводу его прически достигли своего апогея в 1976 году. Банк отказался выплачивать ему пособие по безработице, и тогда он подал в суд на собственного отца.

К началу 1980-х в полиции Ленсинга Дока знали все. Он подливал масла в огонь, выпуская «Полицейский Вестник Ленсинга» — маленький фэнзин с фотографиями и заметками об убитых стражах порядка.

Весной 1985 года Док организовал «Оззи пати», идея которой заключалась в том, чтобы прокрутить все пластинки, на которых хоть как-то засветился Оззи Осборн. Неожиданно для хозяина вечеринки одна местная группа попросила у него разрешения выступить на крыльце его дома. Несмотря на то, что дело происходило поздно ночью в жилом квартале, а команда никак не вписывалась в формат вечера, Док согласился. Он думал, максимум, что сделают местные власти — выпишут ему штраф. Вместо этого к дому начали съезжаться отряды полиции, которые стали забирать людей.

Док забежал в дом, схватил банку пива — сейчас он признает, что эта была ошибка — вышел через заднюю дверь и, встав рядом с ментами, начал наблюдать за беспределом. Двое полицейских схватили его, избили и на глазах и без того изрядно напуганной публики сломали ему мизинец. Он был обвинен в нападении на сотрудника полиции и проиграл суд, попытавшись опротестовать приговор. В суде, который вел дело, он узнал друга своего отца. В результате своего последнего суда (за сопротивление задержанию) он получил сразу два срока по 20 дней каждый. Его дядя Стив Дарт, известный адвокат, договорился о том, чтобы Дока выпустили под залог в тысячу долларов с обязательством пройти психиатрическое обследование.

Жена вокалиста Crucifucks, ранее угрожавшая бросить его, если он еще хоть раз попадет за решетку, выполнила свое обещание и ушла, забрав с собой их четырехлетнего сына Эвана и трехлетнюю дочь Сару. После того, как семья его покинула, Док остался один в неубранном доме, заглушая пивом нахлынувшее отчаяние. Его единственной одеждой была вытянутая линялая футболка.

Максим Подпольщик

Конец первой части.

Продолжение в следующем номере.

Юрий Домбровский

«Факультет ненужных вещей»,

издательство «Новая газета», серия

«Вещественные доказательства», 2011.

«За этот роман Юрия Домбровского, отсидевшего в сталинских лагерях 17 лет, убили...» — предложение, вынесенное на форзац книги, говорит о многом. Эти слова, как мне кажется, и становятся главным критерием выбора читателя. Что, мало нам Александра Солженицына с его эпохальным «Гулагом», Шаламова с откровенными «Колымскими рассказами», или Евгении Гинзбург — с трагичным «Крутым маршрутом»? Вроде, хватит, мол, про ужасы сталинизма теперь знает каждый школьник. Однако с каждым годом диктатуры правящей партии становится понятно, что ситуация-то не сильно изменилась. «Рокировочный» съезд «Единой России» — чем не сходняк КПСС? 12-летний режим вновь избранного ВВП — чем не засыпающие брови Брежнева?

Писатель и поэт, он же враг народа, Юрий Домбровский, был осужден четыре раза за антисоветскую деятельность. Последнее место заключения — Север и Тайшетский Озерлаг. После освобождения в 1955 году, жил в Алма-Ате, затем ему было разрешено прописаться в родной Москве. Занимался переводами казахских писателей. Именно благодаря Домбровскому многие из них стали классиками у себя на родине, получали госпремии, но, как правило, в их

книгах даже не стояло имя переводчика. В 1964 году бывший зека приступает к созданию своего главного произведения — «Факультет ненужных вещей», который был закончен спустя 11 лет. Главные антигерои в романе — работники «органов», чекисты — нержавеющие шестеренки бесчеловечного режима.

Характерно, что фамилии этих слуг режима Домбровский указал настоящие. Тех самых «синих пагонов», что пытали его в застенках ГБ. Понятно, что в СССР роман напечатан быть не мог. Поэтому в 1978 году он был опубликован на русском языке во Франции.

Репрессии не заставили себя ждать: в этом же году Юрий Осипович, которому должно было вскоре исполниться 69 лет, был жестоко избит в фойе ресторана Центрального дома литераторов большой группой неизвестных. Скончался от последствий побоев (сильного внутреннего кровотечения) в больнице 29 мая 1978 года, через полтора месяца после нападения. Вот она, цена слова! «Раз ты сюда попал, значит — виноват! У нас невиновных не забирают», — говорит на допросе гэбист осужденному — главному герою романа — археологу Зыбину. А тот, только оказавшись за колючкой, понимает то, что правда-то никому и не нужна. — «Он ни в чем

не виноват! Опять зазря посадили! Так, что ли? Да ведь это значит: вы туда, а следовательно сюда, на вашу койку!» — объясняет ему устройство государственной системы сокамерник, старый, уже сломленный духом арестант Буддо. Идеальное произведение для людей с критическим мышлением, все еще верящих в то, что мы сможем когда-нибудь построить нормальное гражданское общество. Как его не назови: демократия, коммунизм, анархо-коммуна или рай.

Александр Борисов

Альберт Спяццатов «Теряя наши улицы»

Алматы, 2010

Небольшая карманная книжка, на пару свободных вечеров или десяток поездок в общественном транспорте. Воспоминания о 80-х и 90-х годах. Автор связан с разными либертарными темами. Хотя прямо либертарных посылов в ней — пара слоганов из англоязычного панк-рока, по духу она очень подойдет неслучайному читателю «Автонома». В книге очень хорошо отражена

гамма переживаний, которую испытали те, кто хоть немного пожил в СССР: когда из реальности совкового дебилизма мы «вырвались» в реальность капитализма, предлагающую грызню всех против всех и обездушивающее потребление. На этой волне автор круто подсел на наркотики, но описание его трипов куда больше напоминает «Путешествие на край ночи», чем «Страх и ненависть

в Лас-Вегасе». Автор завязал, и утверждает, что побороть наркозависимость можно лишь силой воли. Еще в «Теряя нашей улицы» вы найдете занятные зарисовки подростковых банд времен заката СССР, прочтете о первых панках падающей «империи зла», прогуляетесь по не самым благочинным местам «острова рядом с Китаем», Англии, Канады и Италии.

Валерий Листьев

«Размышляя об анархизме»

Классики и современники возвращаются

В «Автономе» № 31 мы уже представляли читателям серию книг «Размышляя об анархизме», которая тогда, в 2008 году, едва начала выходить в московском издательстве URSS. За три прошедших года в этой серии издана 21 книга. Преимущественно, это сочинения классиков анархической мысли или труды по либертарной истории. Эта цифра впечатляет.

Параллельно в других издательствах (или в формате анархического самиздата) в эти годы были опубликованы многие другие либертарные тексты: от «Прямухинских чтений», книг Эльцбахера («Анархизм»), Бакунина («Исповедь») и Кропоткина («Записки революционера») до переводов современных западных анархистов А.Боннано, П.Гелдерлооса или «Грядущего восстания» и «Анархии в эпоху динозавров», не считая всевозможных активистских брошюр

и текстов греческих анархо-повстанцев.

Но специфика УРССовской серии: акцент на истории анархизма и переиздании старых, но не утративших актуальность книг. Конечно, в силу субъективных причин (ориентация издателей на копирование имеющихся оригиналов изданий столетней давности и узкого круга анархистов-инициаторов проекта), далеко не равномерным является перечень переизданных авторов: среди них явно зияет вопиющим пробелом отсутствие книг Бакунина. Зато весьма солидно представлено теоретическое наследие Прудона (вышли «Что такое собственность?», «Политические противоречия», «Французская демократия», а также биография Прудона, написанная русским кооператором и социалистом Туган-Барановским), Изданы две книги Кропоткина: «Речи бунтовщика» и «Взаимная помощь» (последняя вышла в по-

следние годы в России и Беларуси аж пятью изданиями!).

Очень радует переиздание двух книг Элизе Реклю, книги Эммы Гольдман «Анархизм» и весьма полный сборник (составленный из нескольких сборников начала XX века с дополнением в виде пары ранее не переводившихся статей) Эррико Малатесты. Яркая и всесторонняя анархическая критика марксизма, во многом актуальная и сегодня, ожидает читателя в сборнике работ В.Н.Черкезова, а классический текст Э.Пато и Э.Пуже «Как мы совершим революцию» вполне дает представление об идеях революционного синдикализма. Назовем еще «Анархизм» А.А.Борового, знаменитую анархическую утопию «Вести ниоткуда», написанную английским поэтом и писателем У.Моррисом, книгу «Будущее общество» Ж.Грава, биографию Штирнера, принадлежащую перу Дж.Г.Маккэя, книгу С.Я.Лурье о древнем анархисте — софисте Антифонте, историю Первого Интернационала, написанную Н.К.Лебедевым, историю анархосиндикализма от Вадима Дамье, рассказ о современных анархистах СССР-СНГ от Дмитрия Бученкова, философскую анархо-экзистенциальную публицистику от автора этой рецензии — и читатель сам может оценить масштабы и размах серии УРССа, сопоставимой, пожалуй, лишь с литературой, издававшейся в 1920-е годы анархо-синдикалистским издательством «Голос Труда» (пока оно не было прикрыто большевиками).

Добавлю, что почти все книги предваряются предисловиями, написанными современными анархистами (В.Дамье, П.Рябовым, Д.Рублевым, А.Федоровым), в которых рассказывается об авторах книг. Надеюсь, серия еще порадует новыми-старыми именами и названиями, возвращая их из исторического небытия в современную либертарную культуру.

Желаю вам приятного и, как говорят клерикалы, «духоподъемного» чтения!

Петр Рябов

Открыть банку с вареньем

Интервью с чемпионом по пауэрлифтингу

Мы взяли интервью у анархиста, чемпиона Московской области по пауэрлифтингу Александра. В настоящий момент в России существуют 3 основные федерации пауэрлифтинга. Самая крупная — ФПР (IPF) (имеет официальную аккредитацию), WPC/WPO — вторая по численности в мире федерация и RDPF (WDFPF). Федерация Пауэрлифтинга Московской Области — член WPC/WPO. В самой Москве этой федерации нет. Тем не менее, чемпионат МО — это далеко не «сельские соревнования» как может показаться на первый взгляд. На открытых чемпионатах МО нередко можно встретить мировых и российских рекордсменов, имеющих звания мастеров спорта международного класса, а результаты частенько превосходят аналогичные с чемпионатов Москвы.

— **Что побудило тебя заняться именно пауэрлифтингом?**

— Когда пришел в первый раз в зал, даже слова такого не знал, пауэрлифтинг. Год тупо тягал железо неправильно, и без особого результата. Потом начал в интернете искать, смотреть программы всякие, наткнулся на сайт, где большие пузатые мужики тягали огромные веса. Стало интересно, что это за спорт такой. Почитал, решил попробовать, тут и силовая составляющая, и элемент соревнований есть. Нашел себе тренера, который меня в это дело еще больше затянул, ну и как-то потихоньку начал заниматься.

— **Захотел стать как те пузатые мужики?:)**

— Нет, это мое первое впечатление было такое. Потом я уже уз-

нал, что не обязательно набирать до 120-140кг. Можно соревноваться в любом весе, начиная от 55.

— **То есть, не обязательно быть уродливым качком с торчащими венами, который не может даже почесать собственный нос?**

— (Смеется) Уродливым качком с торчащими венами быть не обязательно. Сразу хочу сказать, я ничего не имею против бодибилдинга, и спортсменов, которые этим спортом занимаются. Просто это немного не мой спорт, и сейчас, на мой взгляд, он уже превратился в гонку препаратов. Не то, что было в 80-90х. В пауэрлифтинге не обязательно быть огромных размеров. Вся суть не в объеме твоих мышц, а в их силе. Точнее даже, в силе связок.

— **Но существует мнение, что чем ты больше, тем сильнее.**

— Это ошибочное мнение. Повторюсь еще раз, что за силу в большей степени отвечают связки, чем они сильнее, тем сильнее ты физически, и тем больше сможешь поднять. Не один раз я был свидетелем на соревнованиях, как парни весом 80-90 кг, жали по 180-200кг. А в моем зале, например, есть ребята, которые весят кг 100-110, и еле-еле выжимают штангу весом 120кг.

— **Понятно. А как по жизни, помогает быть сильным? Сейчас, похоже, сила современному человеку уже не очень нужна.**

— Банку с вареньем я теперь точно могу открыть. :) Ну, а если серьезно, я считаю, что сила никогда не помешает, особенно современному человеку. Во-первых — это чувство уверенности в себе, во-вторых — это банально возможность в бытовых условиях делать какие-то вещи без помощи других. Ну и хамов и колхозников тоже помогает осаживать.

— **Варенье — это хорошо. :) А как ты считаешь, стоит ли анархистам больше заниматься спортом?**

— Безусловно стоит. Спорт развивает такие качества, как упорство, целеустремленность, учит преодолевать собственные барьеры, делает более собранным. Также всегда будешь в хорошей физической форме, что не мало важно, когда ты пытаешься делать хорошие вещи, а плохие люди пытаются тебе в этом помешать.

— **Золотые слова. А как ты сам пришел к анархизму?**

— Да, наверное, как и большинство. Через панк. Лет в 14-15 начал слушать панк, хардкор, немного ой. Постепенно с возрастом вникал в идейную составляющую субкультуры, узнал, что такое анархизм. Мне никогда не нравилось, когда мне пытались навязать свои взгляды, это меня и привлекло сначала, свобода выбора, возможность свободно выражать свою позицию, и никто не будет тебе выносить мозг, что надо делать так, а не иначе. Ну а потом уже стал читать литературу, Кропоткина, Бакунина, Махно и других.

— Но ведь многие проходят через панк-рок, почему далеко не все становятся анархистами?

— Знаешь, я тоже задавал себе этот вопрос. Мне кажется, что они еще просто не готовы к этому. Может быть, из-за того, что на них давит их окружение, или из-за собственных комплексов и стереотипов.

— Что же делать, чтобы изменить ситуацию?

— Я думаю, что ничего радикального предпринимать не стоит. Сейчас в интернете море информации, любой человек заинтересовавшийся может зайти, например, на avtopom.org, и прочитать все его интересующее.

Есть огромное количество музыкальных групп, как наших, так и зарубежных, твердо стоящих на анархо-позициях, которые эти позиции и идеи пытаются донести людям. Есть люди, которые помогают работягам бороться за их права, объясняют им, как правильно организовывать профсоюзы. Постоянно происходят всякие милитант-акции. Так что, на мой взгляд, все развивается в правильном ключе. Нужно своим примером показывать людям, что анархист — это не пьяный, грязный, невменяемый подросток, а спортивный парень или девушка, с мозгами в голове, который пытается бороться с несправедливостью. Этаким современный супер-герой :)

— Кроме текучести кадров, какие ты еще видишь проблемы в современном анархо-движении?

— В России, да и во всем мире, основная проблема, я думаю — это неспособность и нежелание людей меняться в лучшую сторону, пытаться понять, что капитализм раз-

вратил их, сравнил между собой и загнал в клетку.

— И опять встает вопрос, что же делать, чтобы изменить ситуацию?

— Я думаю, интегрироваться больше в социальную среду. Работать с людьми, объяснять им как все обстоит на самом деле, распространять литературу, устраивать митинги. Так же проводить милитант-акции, только чтобы всегда было грамотное обоснование этих акций.

— Т.е. Ты предлагаешь больше времени уделять работе с людьми, чтобы они начали лучше понимать наши действия?

— Да, пока упор лучше сделать на это, а там уже видно будет.

— А тебе не кажется, что многие товарищи, порой сами не понимаю смысла своих милитант-акций, и делают их, чтобы самоутвердиться и почувствовать себя героями-революционерами?

— Да, бывает и такое. Я с такими людьми, к сожалению, сталкивался. Это в основном люди недавно пришедшие в движ, еще не до конца понимающие всю специфику, таким людям надо объяснять, что и для чего, так сказать более старшим и опытным товарищам брать шефство. Но бывают и среди опытных товарищей попадают такие люди. Которые творят х**ню, но им можно и в щипы для профилактики дать, чтоб думали, прежде чем что-то делать.

— То есть твой рецепт для анархиста будет: «Развивать свое тело, и больше думать головой»?

— Да, так и есть. Развивайтесь физически и духовно, своим примером показывая людям, какой дорогой лучше двигаться.

Немного о пауэрлифтинге.

Пауэрлифтинг или силовое троеборье — вид спорта, в котором спортсмены соревнуются в выполнении трех основных упражнений — приседаниях со штангой, жиме лежа и становой тяге. Каждое упражнение выполняется в трех подходах на одно повторение, задача спортсмена выжать или потянуть максимальный вес в каждом. Сумма трех упражнений и дает финальный результат.

Чем же пауэрлифтинг может быть полезен и интересен для анархиста? Ну, во-первых, вопреки существующим мифам, мышцы тяжелоатлетов далеко не бесполезная гора мяса, и в жизни могут весьма и весьма пригодиться.

Развитие абсолютной силы, основного показателя, имеющего решающее значение в троеборье, делает многие жизненные задачи гораздо менее трудными, ведь если вы привыкли жать штангу весом в 150-200 кг, поднять мешок цемента, к примеру, для вас не составит никакого труда. Так что многие аспекты анархической созидательной работы становятся доступнее.

Во-вторых, несмотря на то, что спортсмены на соревнованиях соперничают друг с другом, главная борьба идет все же с весом снаряда, а точнее со своими мышцами и нервной системой. Это прежде всего борьба с собой, со своей слабостью, которая разворачивается не только во время выступлений, но и во время подготовки к соревнованиям, или обычных тренировок, во время которых мы учимся преодолевать свой порог. Когда наш организм говорит нам «НЕТ!», мы говорим ему «ДА!», и продолжаем работать. Это учит бороться со своей слабостью, переступать через себя, и идти к поставленной цели. Согласитесь, немаловажное качество для активиста.

Ну и, в-третьих, любительский пауэрлифтинг — один из наиболее доступных видов спорта, существующих сегодня. Минимальный набор снарядов, несколько занятий вместе со знающим человеком, и правильная программа: вот и все, что вам нужно, чтобы начать свой путь к силе! И, что немаловажно, в силовом троеборье напрочь отсутствует насильственная составляющая, так сильно пугающая некоторых анархистов в боевых видах спорта.

Из всего вышесказанного позвольте сделать вывод, что пауэрлифтинг — один из лучших для анархиста способов занять свободное время. Засим позвольте откланяться, а то гриф в зале непростительно долго стоит без дела :)

С вами был ваш спортобозреватель тов. Жуков.

География Автономного Действия — 2012

Россия

Украина

★ Томск
★ Новосибирск
★ Красноярск
★ Барнаул
★ Иркутск

- ★ Города, в которых действуют группы - коллективные участники Автономного Действия
- 🚩 Города, в которых есть индивидуальные участники Автономного Действия
- 🚩 Города, в которых действуют группы - кандидаты на вступление в Автономное Действие

КОРПУНКТЫ

Мы публикуем список корпунктов, но не гарантируем, что все из них имеют в наличии последний или более ранние номера журнала. Поэтому, если вам не отвечают с адреса корпункта в течение недели, напишите на адрес редакции avtonom@avtonom.org.

Россия

Барнаул
www.anarhobarnaul.org,
ad.barnaul@gmail.com

Благовещенск
ad_bлага@riseup.net

Владивосток
a-avtonom_vl@riseup.net

Вологда
blackflag@list.ru

Ижевск
izhevsk.avtonom.org,
avtonom18@yahoo.com,
avtonom.cinema@gmail.com

Иркутск
664058, а/я 166,
irkutsk.anho.org,
ad.baikal@gmail.com

Казань
kazan.anho.org,
avtonom16@riseup.net

Канаш
korpunkt.kanashg@mail.com

Калининград
ska-konig@mail.ru

Киров
butcher@riseup.net

Краснодар
350075, а/я 4943,
asmodeys1@gmail.com

Мурманск
1step.mad@gmail.com

Москва
109028, а/я 13,
avtonom.org,
avtonom@avtonom.org

Нижний Новгород
603104, а/я 25,
nnov.avtonom.org,
avtonom52@riseup.net

Новосибирск
www.anarhonsk.info,
nsk@avtonom.org

Пермь
avtonom59@gmail.com

Саратов
avtonom64@riseup.net

Тюмень
625001, а/я 4481,
tyumen.avtonom.org,
avtonom72@insiberia.net

Уфа
www.inufa.org,
ufa@riseup.net

Чебоксары
kibal44ish@gmail.com

Чита
murava.trava@gmail.com

Беларусь

Минск
belarus@avtonom.org,
avtonom_distro@riseup.net

Украина

Киев
samoffua@gmail.com

Севастополь
vlastinetu@gmail.com

Крым
ad.crimea@gmail.com

Дальнее зарубежье

Болгария
Georgi Bonchev
Kniaz Boris I No.23,
Momin Prohod 2035,
www.aresistance.net,
aresistance@riseup.net

Бразилия
Caixa Postal 161 Araraquara-
SP, 14801-970 Brasil,
tel: 0-55-16-99627077,
ikotemadistro@yahoo.com.br

Македония:
Инфошоп Терор 13,
www.terror13.tk,
anarhokomunist@gmail.com

Нидерланды
Het Fort van Sja koo,
Jodenbreestraat 24 1011 IMK
Amsterdam 020_6258979,
www.sjakoo.nl,
info@sjakoo.nl

Польша
Infoszop, ul Targowa 22,
Warszawa, Poland,
www.infoszop.bzzz.net,
infoszop22@o2.pl

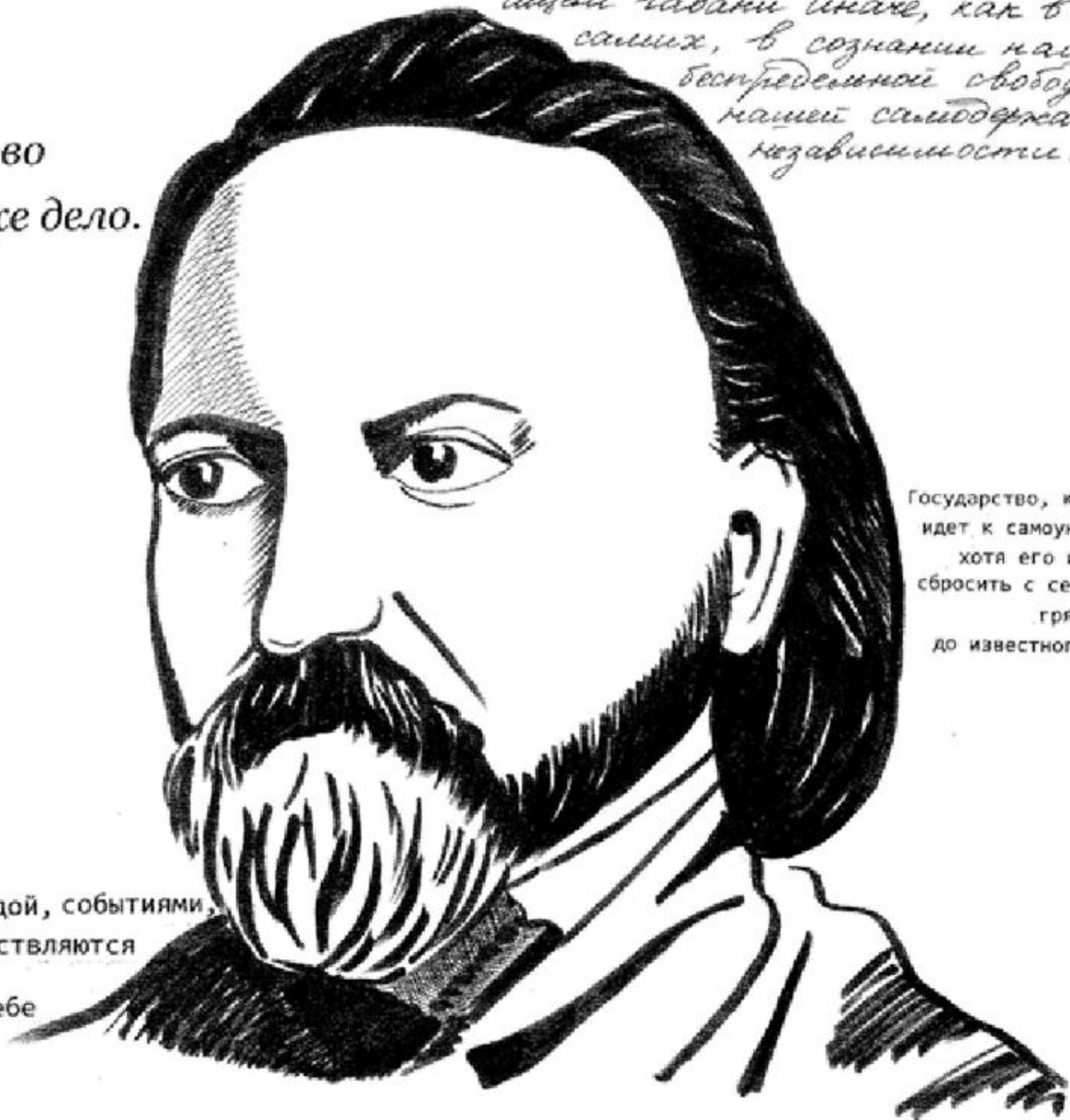
Финляндия
Tasajako PL
60 00531 Helsinki,
www.anarkismi.net/tasajako,
tasajako@anarkismi.net

200 лет со дня рождения Герцена

*Нравственная независимость человека —
— такая же неприменная истина, как
его зависимость от среды... и мы не
имеем права иначе, как в нас
самых, в сознании нашей
беспредельной свободы,
нашей самодержавной
независимости.*

И свободное слово
есть тоже дело.

история
импровизируется

Государство, как рабство,
идет к самоуничтожению,
хотя его и нельзя
сбросить с себя, как
грязное рубище
до известного возраста

Личность создается средой, событиями,
но и события осуществляются
личностями
и носят на себе
их печать.

Мы не врачи,

*Личности — Вершина
исторического мира, к ней
все прищипкается,
Все ею живет.*

мы боль.

Лучше
сгинуть
вместе с революцией,
чем пробиваться милостями реакции.

А. И. Герцен
(1812 - 1870)

**ДУЖЕФФФ МОНСОН
РЕКОМЕНДУЕТ!**

